

Я. КОЛОМИНСКИЙ

Беседы о тайнах психики

Обработка:
krestik

Я. КОЛОМИНСКИЙ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

15
К61

Коломинский Я. Л.

К61 Беседы о тайнах психики. М., «Молодая гвардия», 1976.

208 с. с ил. (Эврика).

Еще древние греки поставили перед человеком задачу «Познай самого себя». Человек изучает себя во многих науках, но самая гуманитарная из них — психология. Что такое психика с позиций современного научного знания? Какими методами проникают психологи в «потемки чужой души»? Как мы познаем окружающий мир, как запоминаем, как общаемся? Какие законы управляют развитием психики? Как построена личность? Обо всем этом рассказывает в книге Я. Коломинский.

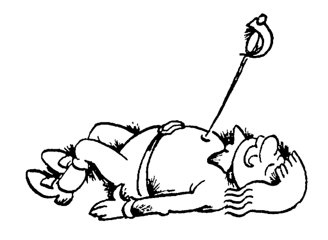
15

К $\frac{70300-192}{078(02)-76}$ 056—76

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

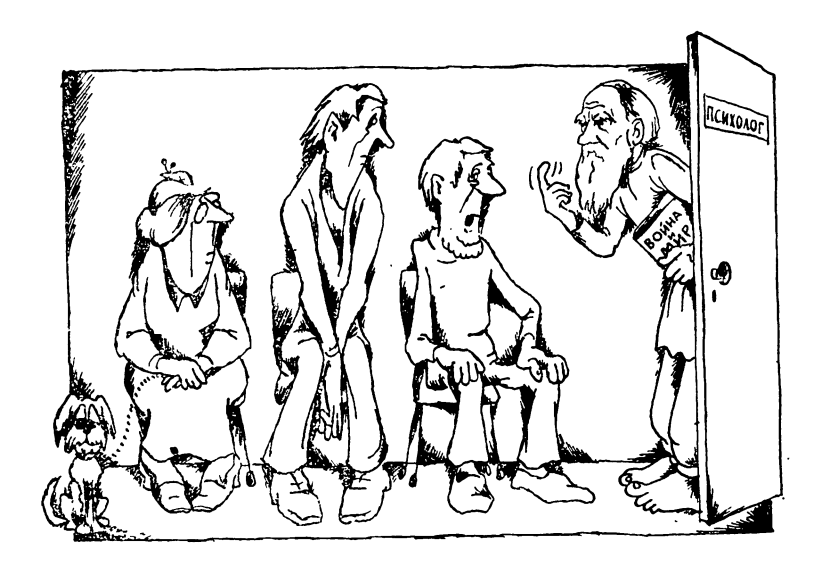

— Вы кто по специальности?
— Психолог.
— Вот здорово! О чем я думаю?

Как спокойно иные говорят о себе: «инженер», «токарь», «бухгалтер». Есть профессии, само название которых звучит как-то торжественно и экзотически. Назвал себя и вроде бы сразу не то чуть похвастался, не то в чем-то признался. А вот один психолог никогда не говорит о своей профессии и предпочитает либо уклониться от ответа, либо приписывает себе одну из перечисленных «спокойных» профессий... Назовешь себя психологом, считает он, и будешь похож на журналиста, который заказал себе визитные карточки, где под

его фамилией значилось — поэт... В таком положении не только психологи. Оказывается, ученые-философы тоже редко именуют себя «философ»... Ко многому обязывает.

Правда, все идет к тому, что скоро с профессии «психолог» сойдет экзотическая дымка. Но об этом чуть дальше. А пока, кроме основного значения — указывать представителя определенной профессии, — определение «психолог» придает особые качества людям самых раз-

личных специальностей. Мы говорим — писатель-психолог, когда хотим подчеркнуть особенности творческого метода Л. Толстого или У. Фолкнера; режиссер-психолог, художник-психолог. Недавно в одном репортаже было: «парикмахер-психолог»... Что же, очень может быть. К. Ушинский писал: «Каждый педагог — психолог».

В наши дни не редкость утверждения о том, что психологом должен быть и врач, и портной, и руководитель учреждения, и официант, и водитель такси.

Вообще каждый человек — психолог.

Ясно, что во всех этих словосочетаниях речь идет о разных психологиях.

Понятие «психология» (кстати сказать, термин появился только в XVI веке (включает в себя несколько различных и в то же время глубоко взаимосвязанных содержаний. Прежде всего это так называемая «донаучная психология», которую, по выражению известного французского психолога П. Жане, народ создает еще до психологов. В ней отражаются те психологические знания и умения, которые люди накопили в процессе совместного труда, в процессе общения, наблюдения друг за другом и за своей собственной психологической деятельностью. «Донаучную» психологию иногда еще называют житейской.

При этом, может быть, лучше было бы говорить не о «донаучной», а ненаучной психологии. Ведь она сосуществует с психологией научной, а не просто предшествует ей. В плане житейском, повседневном действительно каждый человек — психолог. Именно каждый. Ведь без определенного запаса психологического опыта и знаний невозможно жить среди людей.

Так, каждый из нас уже с самого раннего детства умеет, например, «читать» по внешним проявлениям — мимике, жестам, голосу, особенностям поведения, даже по ритму дыхания и цвету лица, эмоциональное состояние другого человека и не только читать, но и учитывать его нюансы в своих целях. Ребенок очень рано начинает понимать, когда следует обращаться с просьбой, а когда удобнее отложить до лучших времен.

Огромное число психологических обобщений на уровне здравого смысла содержится в пословицах и поговорках, сказках и мифах, притчах и анекдотах. В них можно найти истоки почти всех психологических теорий и отраслей психологии.

Хотите что-либо из области психологии обучения? Пожалуйста: «Повторение — мать учения». Из области характерологии: «В тихом омуте черти водятся». Это предостережение тем, кто склонен судить о характере по внешним проявлениям.

Интересно, что подобные психологические «аксиомы» интернациональны. Почти у всех народов можно найти аналогичные утверждения. Например, подобную поговорку с французского можно было бы буквально перевести так: «В тихий ручей не погружай ни руки, ни даже пальца».

А вот и поговорка, смысл которой заново раскрылся в специальных опытах на психологическую совместимость. По-русски она звучит так: «милые бранятся, только тешатся», по-белорусски — «хто каго любіць, той таго чубіць», по-латыни «amorantium irae amoris integration» (дословный перевод: «гнев влюбленных — возобновление любви»).

Хорошая интеллектуальная игра — подобрать образцы народной мудрости к научным психологическим понятиям, таким, как доброта, храбрость, хитрость...

Почти все психологические понятия широко используются в общенародном языке. Любой человек знает, что такое «память», «мышление», «характер», «способности»... Знает ли? Как знает и что?

Психологи-профессионалы почти никогда не сообщают слушателям и читателям чего-то абсолютно нового для них. Это и хорошо и плохо. Хорошо потому, что слушатель и читатель всегда имеют возможность спроецировать научные положения психологии на свой жизненный опыт, прикинуть так у меня или не так. В этом смысле для психолога нет и не может быть неподготовленной аудитории, как, например, для математика или биохимика.

Впрочем, психологическая полуграмотность нередко мешает усваивать научные знания, как бы подминает и подменяет их. Здесь действует общее правило: порой лучше полное незнание, чем полузнание. Однако тут речь идет уже о другой психологии — психологии научной, которая в наши дни сама представляет собой целую семью психологических наук.

Но это в наши дни. А раньше, начиная со времен Древней Греции, психология, еще даже не называвшаяся своим именем, снимала скромный угол в здании фи-

лософии. И только во второй половине XIX века, когда появились первые экспериментальные психологические лаборатории, стала самостоятельной наукой.

Теперь психология занимает большой микрорайон науки, где идет вечная перестройка, достройка, реконструкция. От главного здания, где помещается «общая психология», идут галереи в новые корпуса: «инженерная психология», «детская психология», «социальная психология» и т. д. Сложные переходы и эстакады соединяют ее с соседями. Тут и широкие, наезженные автострады, ведущие к философии, социологии, физиологии, педагогике, и только что проложенные дорожки к дворцам кибернетики и небоскребам космонавтики, особнякам математики и коттеджам лингвистики...

Уже движутся навстречу друг другу жители этих районов, и возникают новые общие поселки на перекрестках наук. Хуторская система противопоказана современному этапу научно-технической революции.

А рядом со всем этим сверкающим великолепием преспокойно существует древнейшая и вечная житейская психология. И, увы, пока нет между ними надежных мостов и переходов. Вот и получается, что научная психология почти все знает, но почти ничего не умеет, а житейская — почти обо всем судит, но мало что знает.

Один психолог с горечью говорил, что мы порой напоминаем того незадачливого часовщика, который разобрал хронометр на винтики и пружинки, тщательно все это описал и пересчитал, но... собрать не смог. Так и ученые разобрали человеческую психику на процессы, свойства, состояния, черты, особенности, а реальное поведение живого человека объяснить и предсказать не всегда умеют... Однако есть психологи, которые умеют. Это писатели. Хорошие, настоящие. Писатели, о которых через черточку пишут — психолог.

Как будто уже перечислено много «психологий», но еще не все. Ведь психологией называется не только наука о психике. Нередко так именуют и то, что подлежит изучению. Говорят: «психология подростка», «психология крестьянства». А порой это слово употребляется в ином значении. «Некогда мне тут психологию разводить!» — восклицают некоторые и, сами того не замечая, «разводят» худший сорт психологии — психологию бездушия, черствости и невнимания к человеку.

— Геология — наука о земле, зоология — наука о животных. А психология о чем?

— Говорят, о душе.

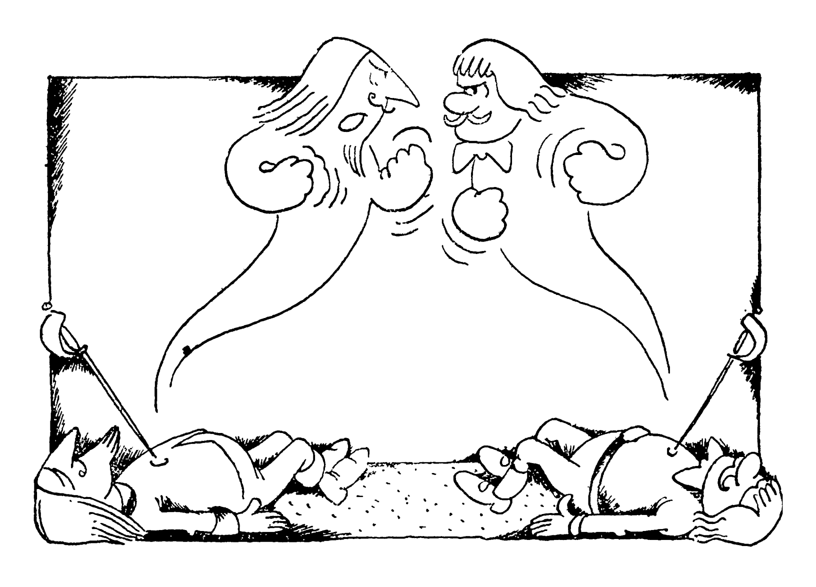
— То-то и оно... А ведь души-то нет.

— Ну это уж слишком! Что-то все-таки есть, раз существует специальная наука.

Вопрос не из легких. Мы все материалисты, и уже с детского сада знаем, что бога нет и души тоже нет. А наука о ней есть.

Все это шуточки лингвистики. Даже не шуточки, а парадоксы. В переводе с греческого психология — это действительно наука о душе («псюхе» — душа, «логос» — наука). Так же, как геология — наука о земле, а зоология — наука о животных.

Так, да не так, скажет любой вдумчивый читатель. Земля — вот она, каждому видна. А душа где? Это уже

другой вопрос. А пока есть смысл порассуждать о лингвистических парадоксах. Известно, что словом «атом» древнегреческие философы называли мельчайшую неделимую частичку материи. («Атом» означает «неделимый».) Но шло время, наука развивалась, выяснилось, что атом — это целый мир элементарных частиц.

Взрываются атомные бомбы, работают атомные электростанции, бороздят океанские просторы атомные ледоколы и подводные лодки — все это результат процессов в разделенном, расщепленном атоме. А слово осталось. Оно в данном случае, как сосуд, в который налито новое вино. И хотя не рекомендуется «лить вина новые в мехи старые», сплошь и рядом старые слова означают новые понятия. Спросите у своего товарища, что такое «спутник»? Такие же изменения произошли и со словом «душа» в названии психологии.

По священному писанию, душа — это непостижимое, бесплотное, духовное начало, которое бог вдунул в сотворенное им из праха тело первого человека. При этом душа дана человеку, так сказать, во временное пользование: когда тело перестает существовать, душа отлетает в мир иной.

Материалистически настроенные люди вкладывают в это слово совсем другое содержание. Оно употребляется как синоним слова «психика» для обозначения совокупности психических явлений, которые, по выражению В. Ленина, представляют собой «субъективный образ объективного мира».

Ощущения и восприятия, память и представления, мышление и фантазия, чувства и воля — все эти психические процессы, свойственные конкретному человеку, субъекту, который познает, общается, действует в окружающем мире, он сын своего времени, член данного общества, личность. Душа — это внутренний мир личности, который возникает в процессе активного взаимодействия человека с окружающим внешним миром, в процессе действенного отражения этого мира, в процессе общения с другими людьми.

Правда, есть в повседневной жизни и другие оттенки в употреблении слова «душа». Иногда, например, человек говорит о себе: «душа радуется», «душа болит». О ком-то отзывается: «у него нет души», а о другом — «какой душевный человек». Здесь в понятие «душа» вкладывается узкое содержание: способность человека к сочувствию, сопереживанию, его умение поставить себя на место другого, радоваться и страдать радостями и страданиями других людей.

Наверное, первым психологом, да и философом был наш далекий предок, который впервые обратил внимание на странную двойственность собственного суще-

ствования. Трудно сказать, как произошло это великое открытие.

В детстве многие любили книги Ж. Рони-старшего — «Борьба за огонь», «Пещерный лев..». Раннее детство человечества... Не такое и раннее. Уламры уже пользовались огнем, хотя еще не умели его добывать. А что касается развития у них души, то есть психики, сознания, здесь они были на высоте. Вождь племени Фаум умел считать. Вообще у его соплеменников довольно развитая внутренняя жизнь.

«Потеряв огонь, уламры ощутили всю тяжесть обрушившегося на них несчастья», — написано в «Борьбе за огонь». Здесь еще нет чисто человеческих признаков. Ощущать тяжелые лишения способны, конечно, и животные. Но вот дальше: «Они поняли, что жизни племени угрожает смертельная опасность, что с потерей Огня они снова беззащитны перед лицом грозных сил природы и отныне обречены влачить лишь жалкое существование». «Поняли», «жизнь племени», «грозные силы природы» — все это уже результат тысяч и тысяч лет развития первобытного человека.

Чтобы уловить первый момент, переместим мужественного Фаума в это еще более отдаленное прошлое и понаблюдаем за ним в тяжелую минуту его жизни. Именно в тяжелую: у наших предков их было неизмеримо больше, чем светлых. Итак, утро после смертельной схватки: «Отчаяние овладело даже мужественным сердцем Фаума. Он не доверял больше своей громадной физической силе, своим мощным рукам и могучим мускулам. На его широком, заросшем жесткой щетиной лице в желтых, как у леопарда, глазах отражалась смертельная усталость. Он угрюмо разглядывал раны, нанесенные ему вражескими дротиками и копьями, слизывая по временам кровь, все еще сочившуюся из глубокой царапины на левом предплечье».

Забудьте о вражеских дротиках и копьях (это позднее изобретение), представьте себе, что раны и глубокая царапина — результат столкновения с врагом, вооруженным только зубами и когтями. И вот, разглядывая свои раны, Фаум мог совершить важное открытие: есть рана, есть кровь — они видны, но есть еще боль, досада, обида, гнев, желание отомстить. И это не менее реально, чем очевидные причины, породившие их. Два вида реальности — физическая, физиологическая,

и духовная, психическая. Ранено тело, болит душа. Великое свершилось — единое раздвоилось.

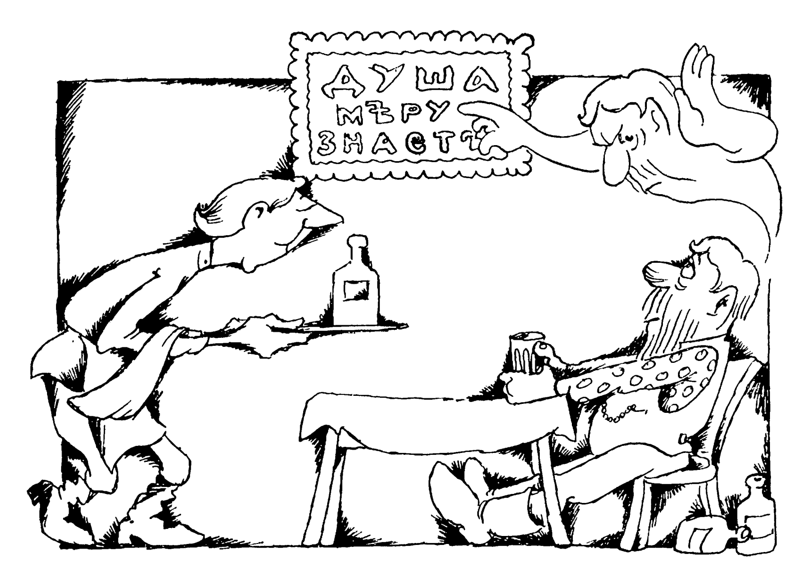
— Ну хорошо. Вместо души — психика. ...А где душа? — Про бездушного говорят: у него нет сердца. А про душевного — сердечный человек... Не в сердце ли?

— Да нет, ум-то ведь в голове. Там и душа!

— А с сердцем как же?

На самом деле, где же все-таки находится тот кусок материи, работа которого делает нас людьми?

А вот об этом люди узнали совсем недавно. Еще современники В. Шекспира не были твердо уверены, что это мозг. И великий драматург осторожно писал о мозге как о месте, «где, по мнению некоторых, расположен дом души». Главным соперником мозга со времен Платона и Аристотеля считалось сердце. «Скажи мне, где мечты начало? Мозг, сердце ль жизнь ей даровало?» — рассуждают шекспировские герои. Да и мы с вами не-

малую часть нашей душевной жизни связываем с сердцем, приписывая ему ответственность за любовь и ненависть, страсти и волнения. Вместе с поэтом мы говорим:

«О память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной». А ведь мы прекрасно знаем, что уже годы жили люди, в груди которых билось чужое, пересаженное искусной рукой хирурга сердце. Сердце у них было чужое, новое, а душа?

Ю. Нагибин написал прекрасную и грустную современную сказку «Чужое сердце». Ее герой Костров, которому сделали пересадку сердца, переживает странные и мучительные ощущения. «Он видел свое старое, умершее сердце, источник всех его страданий и мук, оно представлялось ему гнилым, червивым грибом-шлептухом, но оно вмещало в себя ту нежную, тонкую память о нем самом, которую ему нужно было вновь накопить, чтобы пришло полное исцеление». Ему предстоит «воссоздать душу живу, обрести способность к любви и слезам». У него возникла страшноватая мысль: «Коль он признает за своим бывшим сердцем право памяти, то и ныне бьющееся у него в груди сердце обладает подобной же суверенной памятью».

Не стоит дальше пересказывать этот чудесный рассказ. Хочется только попросить писателя создать еще два варианта: один совсем реальный — жизнь человека с двумя сердцами (неутомимый профессор К. Барнард успешно осуществил уже и эту операцию), и второй — фантастический — человек с пересаженным головным мозгом. Здесь есть о чем подумать.

Прежде всего человек с другим мозгом неминуемо стал бы совершенно другой личностью с новой биографией, новыми мыслями, новыми знаниями, новыми чувствами... Это ясно и без фантастических построений. Правда, для романиста есть увлекательнейшая возможность изобразить постепенное становление двух новых систем отношений. Ведь должны возникнуть драматические ситуации, связанные с тем, что человек вдруг осознает: у него совершенно новое тело, новая внешность. Тело человека, его рост, фигура, черты лица, цвет глаз и волос, голос — все это не просто футляр для мозга и его внешнее оформление. Как подметил М. Лермонтов, «всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою».

Черты внешнего облика через отношение к ним других людей оказывают существенное влияние на самооценку, характер, вообще на нашу личность. Недаром целые отрасли индустрии работают исключительно «на

внешность», недаром на рекламах «Салонов красоты» в наших широтах — обещание шестимесячной завивки, а где-либо на острове Гаити — шестимесячного распрямления волос. Итак, человеку с пересаженным мозгом придется выработать новое отношение к самому себе. При этом новому мозгу новое местожительство может понравиться, а может его и глубоко не удовлетворить...

Другая, еще более напряженная сюжетная линия — история перестройки взаимоотношений этого почти нового человека с обществом и другими людьми...

Это из области фантастики. Но действительность ставит над человеком эксперименты, которые куда трагичнее плодов самой богатой писательской фантазии: жизнь человека с измененным мозгом, раненым мозгом.

Замечательный советский психолог А. Лурия в одной из самых удивительных и гуманных книг нашей науки, которая называется «Потерянный и возвращенный мир», пишет:

«Как однородно и скучно выглядит мозг — этот высший продукт эволюции, этот орган, который получает, перерабатывает и хранит информацию, орган, который создает программы деятельности и регулирует их выполнение... Можно с уверенностью утверждать, что впечатление об однородности и такой невыразительности серой массы, которое мы получаем при первом рассматривании мозга, явно расходится с той невероятной сложностью и расчлененностью, которой в действительности обладает этот орган».

У книги «Потерянный и возвращенный мир» два автора и два героя. Соавтор этого рассказа «о том, как пуля, пробившая череп человека и прошедшая в его мозг, раздробила его мир на тысячи кусков, которые он так и не мог собрать», младший лейтенант Л. Засецкий, был... убит 2 марта 1943 года. Проникающее ранение черепа левой теменно-затылочной области. Еще одна жертва Великой Отечественной войны. Он был убит, почти убит... И мы ничего не узнали бы о его героической борьбе за собственный мозг, собственную личность, собственную душу, если бы не другой герой этой книги, ее автор, психолог А. Лурия, который не только самоотверженно врачевал и изучал его психику, но и собрал разрозненные записи Л. Засецкого в потрясающую картину жизненного подвига.

Ранение в мозг. Самое удивительное, что оно не всегда приводит к катастрофе. В историю науки о мозге вошел необычный случай с железнодорожным мастером Ф. Гейджем, который в сентябре 1848 года получил сквозное ранение головы железной палкой. Эта палка, длиной больше метра и толщиной три сантиметра, насквозь пронзила череп Ф. Гейджа, пройдя через его левую щеку и выйдя около темени. В течение часа Ф. Гейдж был без сознания, после чего он смог с помощью сопровождавших его людей пойти к хирургу. По дороге он спокойно и невозмутимо рассуждал о дырке в своей голове. Когда через 12 лет Ф. Гейдж умер в Сан-Франциско, вскрытие показало, что не только левая лобная доля подверглась тяжелому повреждению, травма распространилась и на правую лобную долю.

То, что Ф. Гейдж выжил, конечно, поразительно. Но еще более поразительно, что психика его почти не изменилась: не обнаружилось никакой потери памяти, и почти не снизились умственные способности. А вот личность его изменилась. До несчастного случая он был тактичным и уравновешенным человеком, хорошим работником; теперь он стал невыдержанным и непочтительным, сделался упрямым, но переменчивым и нерешительным. Вместо того чтобы заниматься чем-то полезным, он странствовал и зарабатывал себе на жизнь тем, что показывал себя и свою травму...

У Л. Засецкого все иначе — сохранилась личность, но распался интеллект, восприятие, память, способность к рассуждениям. Вот его зрение: «После ранения... я уже не вижу ни одного предмета, ни одной вещи полностью, как видел до ранения, теперь я вижу только по частям... Я вижу сквозь видимые мной предметы бесчисленное множество, просто мириады, шевелящейся движущейся мельчайшей мошкары, которая мешает долго глядеть на настоящие предметы».

Мир потерял свою устойчивость.

Даже собственное тело как бы потеряно: «Иногда я сижу и вдруг чувствую, что голова моя в стол величиной... А руки, ноги и туловище стали малюсенькими».

Разрушилось восприятие пространства.

Но и этого мало: он потерял память, забыл свое имя, фамилию, разучился читать, стал неграмотным.

Долгие годы мучительного самовосстановления. И вот он пишет, он снова в строю. Не будем пересказы-

вать книгу. Для нас важно понять, как работает мозг, почему огромная рана Ф. Гейджа почти ничего не изменила, а в мозгу Л. Засецкого пуля вызвала столь опустошительные разрушения.

Все дело в том, что в мозгу существует своеобразная специализация частей. Можно говорить о трех важнейших блоках мозга.

Первый, энергетический, блок тонуса, расположен в глубине мозга, в верхних отделах мозгового ствола. Сюда же относятся те образования серого вещества, которые составляют древнейшую основу его жизнедеятельности. Здесь происходит регуляция процессов химического обмена веществ в организме. В другой части этого блока, сетевидной или ретикулярной формации, возникают импульсы возбуждения, которые питают своей энергией мозговую кору. Стоит прервать этот энергетический поток, как тонус коры снижается и человек впадает в полусонное состояние, а затем и в сон.

Этот блок, как отмечает А. Лурия, сохранился у больного.

У него была разрушена часть второго блока, расположенного в задних отделах больших полушарий и отвечающего за прием, переработку и хранение информации, которая поступает в мозг из внешнего мира. Например, в участке, который именуется «первичной зрительной корой», зрительные образы внешнего мира разлагаются на миллионы составляющих признаков. Во «вторичной зрительной коре» происходит их объединение в целые сложные структуры. Человек, у которого эта зона поражена, по-прежнему хорошо видит отдельные части, но не в состоянии объединить их в целостные образы. А. Лурия приводит такой пример: «На картине, которая показывается больному, изображаются очки. Что это такое?.. Кружок... еще кружок... перекладина... и какая-то палка... и еще палка... Наверное, велосипед?!»

У больного — расстройство под названием «оптическая агнозия».

Специальные отделы коры отвечают и за объединение отдельных предметов и явлений в целостные ситуации, и они оказались затронутыми у Л. Засецкого.

«Третичные» области теменно-затылочно-височной коры. Они имеют прямое отношение к важнейшей психической деятельности — речи, без которой невозможны ни память, ни мышление, ни человеческое сознание

вообще. Человек, у которого эти области поражены, начинает жить в раздробленном внутреннем мире: все, чему он научился, все его знания распадаются на отдельные, не связанные друг с другом куски.

И все-таки главное — личность человеческая — сохраняется, если не затронут третий, основной блок мозга, расположенный в лобных долях. Л. Засецкому повезло — лобные доли сохранились. Именно здесь расположен мощный аппарат, позволяющий «формировать и сохранять намерения, формировать программы действий, регулировать их протекание и контролировать их успешное выполнение».

И вот в своем раздробленном мире Л. Засецкий борется:

«Я еще смогу доказать человечеству, что я еще не совсем пропавший, не совсем погибший человек... я попрежнему мечтаю встать в строй. И я хочу надеяться, что я еще принесу немалую пользу своему народу».

Он уже принес немалую пользу науке и встал в один строй с Н. Островским и А. Маресьевым: победа над тяжелым недугом, борьба за свою личность — всегда вдохновляющий пример величия духа.

Еще в конце XIX века В. Ленин, противопоставляя научный подход к изучению психики метафизическому, писал: «Метафизик — психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы».

Симпатии В. Ленина целиком на стороне научного психолога: «Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов...»

Так где же все-таки обретается душа? Кажется, ясно.

КЛЮЧИ К ЧУЖОЙ ДУШЕ

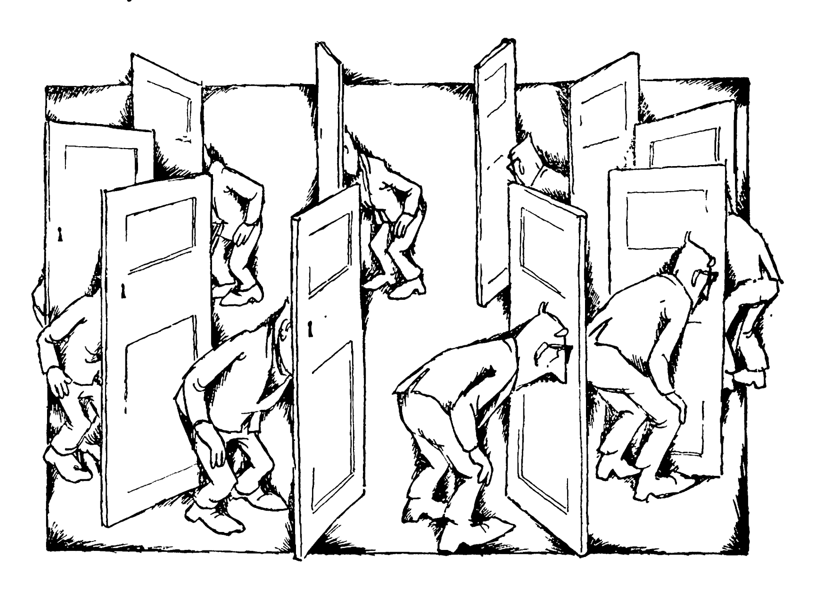

— Везет психологам: каждый сам себе лаборатория. Сосредоточься и... познавай самого себя.

— Так это ж себя! А чужая душа — потемки.

Великий французский мыслитель Ж. Руссо, создавая свою «Исповедь», мечтал довести искусство психологического самоанализа до уровня самых точных наук того времени. «В известном смысле, — писал он, — я произведу на самом себе те опыты, которые физики производят над воздухом, чтобы знать ежедневные изменения в его состоянии. Я приложу к своей душе барометр, и эти опыты, хорошо налаженные и долгое время повторяемые, могут дать мне результаты столь же надежные, как и у них».

С тех пор прошло 200 лет, барометр-психометр даже писатели-фантасты еще не придумали, а проблема методов исследования по-прежнему одна из острейших в психологии. А может быть, и невозможен такой барометр в психологии, вдруг и впрямь здесь нет объективных законов, и судить о психических явлениях мы в состоянии лишь благодаря самонаблюдению, или интроспекции.

Чтобы ответить на эти нелегкие вопросы, надо вспо-

мнить, как вообще строится исследование в других науках, прежде всего в естествознании. Здесь всегда можно четко выделить традиционную пару: во-первых, это человек, который изучает, — субъект познания, и, во-вторых, то, что он изучает, — объект познания. Например, если субъект — геолог, он снаряжает экспедицию, выучивается петь под гитару «Я не знаю, где встретиться», отращивает бороду, вгрызается в объект, кимберлитовую трубку, и... находит алмазы. Или не находит.

Если субъект — зоолог, он надевает халат и ловит какой-нибудь четвероногий объект. Лишь бы не кусался. Даже физиологу живется неплохо: для него другой человек — такой же объект, как и все прочие живые существа. Только бы не жаловался.

Для психолога все иначе: его объект и есть сам субъект! Субъективный объект! Это не лингвистический парадокс, а суровая реальность психологической науки: здесь могущество человеческого разума, человеческого интеллекта направлено на познание самого этого разума, самого интеллекта, чувств, воли — всего того, что составляет психику.

Говорят, через человека природа познает саму себя. Если это так, то психология — это познание человечеством своей собственной природы. Субъект и объект исследования совпадают. Но из этого философского совпадения совсем не следует, что невозможно их разделение, раздвоение в конкретных психологических исследованиях, как это думали психологи-идеалисты. Психологи-идеалисты считали, что душа — это замкнутый в себе мир, и ее познание доступно только ей самой. Только человек сам может судить о том, что происходит в его внутреннем мире. Следовательно, для психолога действительно остается только один-единственный метод исследования — самонаблюдение. Этот метод иначе называется «интроспекция», что в буквальном переводе означает «смотрение во внутрь».

Психологические трактаты до появления экспериментальной психологии основывались либо на описании ученым собственных переживаний, либо на изложении рассказов других людей об их мыслях и чувствах.

А может, этого и в самом деле достаточно, может, о себе-то мы уж действительно знаем правду, всю правду, одну только правду? Лишь ответив на этот вопрос, мы сможем понять, почему самонаблюдение не может

быть ни основным, ни единственным методом психологии.

Чтобы наблюдать и затем описывать проявления собственной психики, человеку нужно как бы раздвоиться: одно его «я», назовем его «я — деятель», активно действует, мыслит, радуется, страдает, а другое, назовем его «я — наблюдатель», в это самое время оценивает, анализирует, контролирует, иными словами, подсматривает за первым. До определенной степени именно так действительно раздваивается каждый человек, начиная чуть ли не с трехлетнего возраста. Но далеко не все свои психологические процессы мы способны наблюдать.

Попробуйте, например, спросить у композитора, как возникла в его сознании мелодия; у ученого, как он решил ту или иную проблему; у конструктора, как он придумал новую машину. Кстати сказать, психологи, которые изучают творчество, без устали спрашивают, но в ответ слышат не очень вразумительные рассказы. Дело в том, что наше внимание обычно направлено на то, *что* мы делаем, а не на то, *как* это происходит. Многие проявления психики, например, механизмы памяти, мышления, воображения, осознаются лишь частично и поэтому недоступны самонаблюдению.

Кроме того, есть довольно обширная область переживаний, которые в психологии получили название подсознательных. Мы можем не подозревать о некоторых своих чувствах, стремлениях, мотивах поведения. И вот получается, что человек порой сам не точно определяет причины своих собственных поступков.

Особенно ясно это можно продемонстрировать хотя бы на примере так называемого постгипнотического внушения. Загипнотизированному человеку внушают, что через определенное время после выхода из состояния гипноза он совершит определенное действие.

В книге «Охота за мыслью» В. Леви рассказал, как на домашнем «любительском» сеансе гипноза двадцатичетырехлетней девушке он внушил, что через пятнадцать минут после сеанса она поцелует брата своей подруги. Проснувшись, девушка чувствовала себя прекрасно, шутила и смеялась. Никаких воспоминаний о происходившем во сне не было. В это время молодой человек, который должен был стать «жертвой», в другой комнате играл в шахматы и ни о чем не подозревал. Девушка подошла к компании играющих и стала

«болеть» за Эдика (так звали молодого человека), хотя ничего не понимала в игре.

Когда тот выиграл, она радостно чмокнула его в щеку.

Попробуйте выяснить на основе самонаблюдения, почему эта девушка поцеловала молодого человека. В ответ мы услышим на первый взгляд вполне правдоподобные, но не имеющие ничего общего с известной нам, но неизвестной ей истинной причиной поступков объяснения.

Значит, человек действительно способен совершать действия, мотивов которых он не осознает.

Не осознаваться могут и другие элементы нашей психической жизни. У нас, например, могут храниться воспоминания, о которых мы до поры до времени ничего не знаем, и т. д. Конечно, не следует преувеличивать роль этих неосознаваемых моментов в жизни человека, как это делал известный австрийский психиатр З. Фрейд, но и не считаться с ними нельзя.

Прав литовский поэт Э. Межелайтис. «Зачем, — пишет он, — уступаем мы кому-то область психологических глубин и подсознания? Почему отдаем другим сферу утонченного анализа? Мы тоже должны научиться читать едва уловимый шифр человеческой души, и тогда человек станет понятнее нам. Если же мы никогда не сделаем попытки проникнуть в эту область, она навсегда останется для нас темной, зловещей и полной опасностей».

Самонаблюдение ненадежно не только потому, что человек, как мы видим, не все знает о самом себе, но и потому, что даже о своих осознаваемых переживаниях трудно рассказать. Прежде всего трудно перекодировать, переплавить, перелить чувства в слова. Недаром даже выдающиеся мастера этого дела — поэты и писатели — испытывают «муки слова», оставляют «куски мяса в чернильнице», как Л. Толстой, изводят «единого слова ради тысячи тонн словесной руды», как В. Маяковский, утверждают, что «мысль изреченная есть ложь», как Ф. Тютчев.

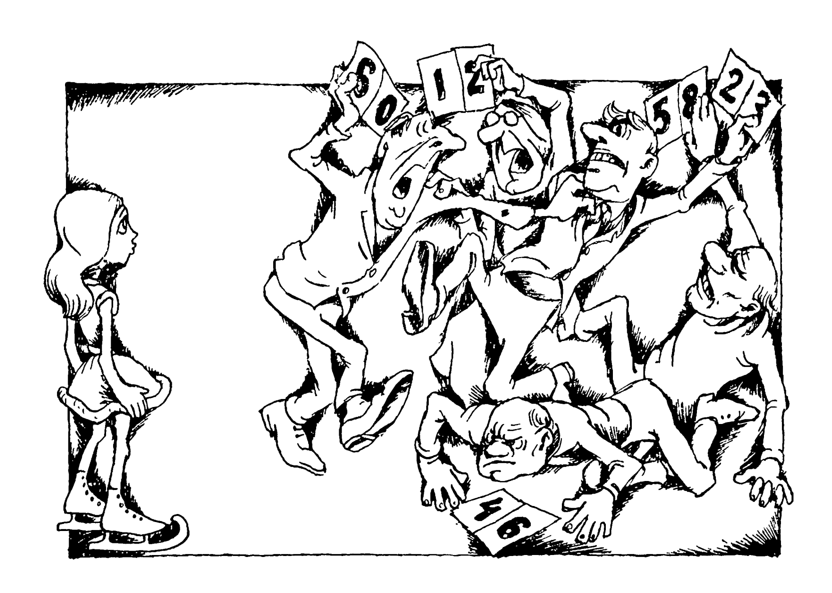
Но к этим, так сказать, неизбежным объективным трудностям добавляются трудности субъективные: наш психологический словарь так беден, что нам просто порой «нечем думать» о собственном внутреннем мире и тем более «нет слов» для рассказа о нем.

— Специалисты вечно все усложняют. Особенно психологи. Мне кажется, подойди к человеку и спроси... Уж себя-то он знает.

— Знать-то, может быть, и знает, да сказать не умеет.

— А я думаю, просто не хочет. Обманывать не надо — и дело с концом.

Конечно, при самоотчете, который требуется психологу, нужна абсолютная искренность. А это само по себе не так легко. Сравнение даже предельно искренних человеческих документов — писем, дневников, автобиографий — с действительностью почти всегда обнаруживает, что человек невольно искажает то, что происходило на самом деле: ведь человеческое восприятие субъективно. Мы смотрим на мир сквозь призму своего опыта, своих мыслей и чувств, как говорится, «судим по себе».

Даже Ж. Руссо, который обещал приложить к своей душе барометр беспристрастного анализа, оказался далеко не столь объективным, как ему самому хотелось и казалось. Его «Исповедь» — гениальное художествен-

ное произведение (не так уж мало!), но неточный протокол психической жизни человека.

Польский исследователь психологии литературного творчества Я. Парандовский, который проанализировал множество мемуаров и дневников писателей, пришел к выводу, что «абсолютной искренности не существует. Не раз перо останавливается на середине страницы, не раз глаза, смотрящие на слова, не запятнанные ложью, устрашаются тени чужой, неведомой фигуры, которая когда-то в будущем склонится над этими страницами, — достаточно мига такой рефлексии, и чистота внутреннего голоса окажется замутненной. Мы настолько тесно связаны с людьми, настолько тщательно они за нами наблюдают, подслушивают, даже когда мы находимся в полном одиночестве, что все это дает знать о себе, стоит лишь взяться за перо... Как в теле, так в душе есть вещи, о которых человек никогда не осмелится поведать кому бы то ни было».

Предположим на минуту, что подобной самоцензуры не существует, что человек готов сказать «правду, всю правду, одну только правду» о качествах своей личности, о своих мыслях и переживаниях. И тут выясняется, что сделать это хотя бы в первом приближении в состоянии далеко не все. Вернее, очень немногие. И опять-таки не хватает слов, недостает знаний о психической жизни, умения ее анализировать.

Представим себе, что человеку, далекому от техники, предложили рассказать об устройстве какого-либо двигателя и даже в помощь предложили подробный чертеж. Этот рассказ звучал бы довольно невразумительно. Примерно так: «Вот это колесико соединяется какой-то штучкой с другим колесиком побольше с зубчиками, а тут еще продолговатая штуковина с ремешком...» Мать одного инженера, владельца «Жигулей», когда хочет назвать какую-либо деталь машины, пользуется универсальным понятием «дюндик». «Дюндик» — это и винт, и болт, и шланг, — все, что имеет отношение к загадочному, неведомому и потому безмолвному для нее техническому миру, в тайны которого ее никто не посвятил.

Нередко на уровне «дюндика» находится способность судить и о своем и чужом внутреннем мире. Это неудивительно: в школе изучение человека заканчивается на уровне его анатомии и физиологии. Психология

как специальный предмет отсутствует. И вот результат: предлагают человеку, казалось бы, простое задание, ответить на вопрос «кто я?» двадцатью словами. Двадцать слов для характеристики своей неповторимой личности. Скуповато? Очень многим хватает и десяти. Да и здесь мало психологии и много из послужного списка.

И еще одна трудность самонаблюдения: «я — деятель» и «я — наблюдатель» не могут сосуществовать мирно и независимо друг от друга. «Я — деятель» постоянно захватывает «я — наблюдателя», и нет уже самоанализа, а есть горячая человеческая страсть. «Всякая страсть, — говорил французский мыслитель М. Монтень, — оставляющая место для смакования и размышления, не есть сильная страсть».

А как же тогда с описанием своих чувств и переживаний? Выходит... Совершенно верно. Эти описания сделаны уже по памяти. Так сказать, психологическая реконструкция, уже не столько интроспекция, сколько ретроспекция.

Да, самонаблюдение имеет много недостатков как метод научного исследования. Его легко критиковать. Труднее обойтись без него в любом психологическом исследовании. И оно служило и будет служить всегда его составной (пусть не основной!) частью.

Иногда наблюдения за самим собой наталкивают психолога на замысел экспериментального исследования.

Как человек узнает, например, откуда идет звук? На первый взгляд, как и все на первый взгляд, предельно просто: звучит музыка — мы поворачиваем голову к динамику, слышим речь — оборачиваемся к говорящему человеку. Но как же тогда кино? Звук всегда доносится из одних и тех же динамиков, установленных по бокам экрана, а зригелям-слушателям кажется, что он перемещается от персонажа к персонажу. Вот заговорил один и замолчал. Потом другой — звук переместился. В правом углу экрана залаяла собака — опять звук переместился... Так человеку кажется. Потому что.... Но ведь никто об этом не думал и, пожалуй, ничего особенного не замечал...

А психолог С. Рубинштейн заметил и задумался. Вот как это произошло.

«Заседание, — рассказывает С. Рубинштейн, — про-

исходило в очень большом радиофицированном зале. Речи выступающих передавались через несколько громкоговорителей, расположенных слева и справа вдоль стен.

Сначала, сидя сравнительно далеко, я по свойственной мне близорукости не разглядел выступавшего и, не заметив, как он оказался на трибуне, я принял его смутно видневшуюся мне фигуру за председателя. Голос (хорошо мне знакомый) выступавшего я отчетливо услыхал слева, он исходил от помещенного поблизости громкоговорителя. Через некоторое время я вдруг разглядел докладчика, точно заметил, как он сделал сначала один, а затем еще несколько жестов рукой, совпавших с голосовыми ударениями, и тотчас же звук неожиданно переместился — он шел ко мне прямо спереди, от того места, где стоял докладчик».

Итак, на базе самонаблюдения у ученого возник вопрос о причинах очень странного поведения звука, и он стал наблюдать за поведением других слушателей — метод познания изменился.

«Рядом со мной сидел коллега, профессор-педагог, сам слепой, — рассказывает ученый. — Мне бросилось в глаза, что он сидит вполоборота, повернувшись всем корпусом влево, напряженно вытянувшись по направлению к репродуктору; в такой позе он просидел все заседание. Заметив его странную позу, я сначала не сообразил, чем она вызвана. Так как он не видел, для него, очевидно, все время, как и для меня сначала, пока я не разглядел докладчика, источником звука был громкоговоритель. Ориентируясь на основе слуховых ощущений, мой сосед трибуну «видел» в направлении громкоговорителя».

(Обратим внимание на интересную и неизбежную особенность психологического познания состояния другого человека: оно происходит на основе самонаблюдения: «для него, очевидно... как для меня».

В одном старом учебнике психологии это пояснялось таким примером. В моем присутствии кто-либо плачет. Я думаю, что он переживает чувство страдания. Но могу ли я сказать, что я «воспринимаю» его чувство страдания? Нет, потому что я воспринимаю только ряд физических изменений... Я вижу слезы, льющиеся из его глаз, изменившиеся черты лица; слышу прерывистые звуки, которые называются плачем. Кроме этого, я ни-

чего непосредственно не воспринимаю. Откуда же я знаю о существовании страдания у другого? Когда я сам раньше страдал, то у меня из глаз текли слезы, я сам издавал прерывистые звуки...)

Но пора вернуться в зал заседания, где психолог, «рискуя несколько нарушить порядок на заседании», уже приступил к экспериментированию... над самим собой, стал пересаживаться с места на место.

И вот научный вывод: локализация, положение источника звука определяются не только слуховым, но и зрительным восприятием...

Здесь исследователь начал с самонаблюдения и закончил экспериментированием над самим собой. В других случаях психологи включают в свое исследование самонаблюдения участников опыта. Так, профессор А. Смирнов для изучения закономерностей непроизвольного запоминания попросил своих коллег вспомнить и рассказать обо всем, что делали, о чем думали, что эмоционально переживали, когда шли из дома в институт, в котором работали. Сравнение этих отчетов дало возможность выяснить, что же удерживается в памяти, когда специальной цели запомнить не ставится, что запоминается «само по себе».

А как изучить без самонаблюдения переживания космонавтов во время космического полета? Что бы знали мы о психической жизни слепоглухонемых без замечательной книги О. Скороходовой «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», которая целиком построена на самонаблюдениях?

Да, самонаблюдение — старое, испытанное, хотя и далеко не всегда надежное, оружие психолога. А для каждого человека это необходимый элемент самопознания и самовоспитания. Нельзя изменить себя, не рассматривая свой внутренний мир сквозь увеличительное стекло самонаблюдения. Оно уже само по себе заставляет человека измениться.

«Пока я снимал с себя слепок, — говорил Ж. Руссо, — мне пришлось не раз и не два ощупать и измерить себя в поисках правильных соотношений, вследствие чего и самый образец приобрел большую четкость и некоторым образом усовершенствовался».

«Делай свое дело и познай самого себя» — так еще в Древней Греции определялся основной путь самопознания. Каждая из обеих половин этой заповеди,

говорит М. Монтень, включает в себя и вторую половину ее и, таким образом, охватывает весь круг наших обязанностей. Всякий, кому предстоит делать дело, увидит, что прежде всего он должен познать, что он такое и на что он способен. Кто достаточно знает себя, тот не посчитает чужое дело своим, тот отказывается от бесплодных занятий, «бесплодных мыслей и неразрешимых задач».

Собственно говоря, познать себя и другого человека можно только в деле, в деятельности.

«Как можно познать самого себя? — спрашивает Гёте. И отвечает: — Только путем действия, но никогда не путем созерцания. Попытайся выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть».

Психика и проявляется и формируется в деятельности, да и сама она есть не что иное, как особая психическая деятельность, в ходе которой человек познает окружающий мир, строит его субъективный образ, его модель. Значит, можно по внешним фактам поведения судить о внутреннем мире человека, значит, в психологии можно использовать наблюдение — могучий метод современного естествознания. Каждый из нас ежедневно и ежечасно именно благодаря наблюдению судит о другом человеке, о его мыслях и чувствах, о его способностях и характере, о его отношении к другим людям. И о нас точно так же судят: по нашим делам, по тому, что и как мы делаем, что и как говорим, по какому поводу хмуримся и что вызывает у нас улыбку.

Научное психологическое наблюдение — дело очень трудное и тонкое. Начнем хотя бы с такого деликатного вопроса: любят ли люди, когда за ними подглядывают, когда их специально изучают? Достаточно вспомнить, что уже маленькие дети по-разному ведут себя со своими родными и чужими людьми.

— Ну, — говорят смущенные родители, — наш уже выступает!

При этом они не замечают, что и сами в присутствии посторонних ведут себя необычно: в психологическом смысле они как бы «играют» в радушных хозяев, у них появляется даже необычное «праздничное» выражение лица и изменяется манера говорить и т. д. Космонавт А. Леонов и врач В. Лебедев в книге «Психологические проблемы межпланетного полета» называют «публичность», необходимость все время находить-

ся под чужим взглядом, одной из серьезнейших трудностей изоляции.

«Когда человек знает, что за ним наблюдают, — пишут они, — он старается постоянно удержаться в какой-то ролевой функции и скрыть от других все то, что его обуревает в данный момент. Недаром во время опытов на изоляцию некоторые тяжело переживают не столько состояние изоляции и одиночества, сколько то, что за ними непрерывно наблюдают. Эта мысль, отмечает одна женщина, прошедшая такие испытания, никогда не покидала ее и сопровождала как постоянный аккомпанемент. Она постоянно следила за собой, боясь «выглядеть неприлично». В конце опыта ей даже стало казаться, что наблюдатели, находящиеся в аппаратной, могут читать ее мысли по лицу, глазам, мимике, по любым мелким движениям, «что она полностью раскрыта». Мысли, что о ней известно больше, чем бы она хотела, не покидали ее».

Конечно, в обычных условиях эти переживания не достигают такой остроты, но в любом случае поведение человека меняется от присутствия наблюдателя. Особенно такого, о котором известно, что он нас изучает. Недаром психологи мечтают о «шапке-невидимке». Впрочем, как говорится, при современной технике это более или менее достижимо — поставил незаметные телекамеры и микрофоны и изучай.

Невидимым психолог-наблюдатель может стать и другими путями. В социальной психологии известен метод так называемого включенного наблюдения: исследователь входит в группу, которую хочет изучить, как свой человек, к нему привыкают и ведут себя естественно.

Но «эффект присутствия» — не единственная опасность наблюдения. Пожалуй, еще труднее избежать другого — субъективности! Наблюдатель должен фиксировать только то, что действительно происходит, а не то, что ему только кажется или что ему хочется увидеть.

Рассказывают, что великий английский физик Э. Резерфорд даже для регистрации физических явлений сажал нескольких наблюдателей, которые не знали, какой результат ожидается. Субъект исследования должен быть объективным.

Специально изучались особенности самих наблюдателей: группа квалифицированных психологов наблюда-

ла за поведением одного и того же ребенка — совпадало только 20 процентов заключений. Кому же верить?

В современном кинематографе на этой субъективности построен специальный художественный прием: один и тот же случай снимается несколько раз с точки зрения разных героев. В «Расемоне» японского режиссера А. Куросавы дано несколько «ви́дений» одного и того же эпизода персонажами фильма. И каждый раз правда. Художественная... Каждый наблюдатель видит и то, что ему показали, и то, что ему показалось. Вспоминается «Волшебник изумрудного города»:

«— Но я думала, что Гудвин — это Живая Голова, — сказала Элли.

— А я думал, что Гудвин — Морская Дева, — сказал Страшила.

— А я думал, что Гудвин — страшный зверь, — сказал Дровосек.

— А я думал, что Гудвин — Огненный Шар, — сказал Лев.

— Все это верно, и все вы ошибаетесь, — мягко сказал незнакомец. — Это только маски».

Чего только не изобретают психологи, чтобы результаты наблюдения были объективнее, чтобы их можно было пропустить через статистический фильтр и получить психологические факты без «маски». Здесь и запись на кинопленку и магнитную ленту, здесь и фотографирование, и стенографирование. Но главное — это, пожалуй, хорошая программа, в которой то, что предстоит увидеть, расчленено на более или менее простые единицы. Например, для наблюдения за взаимоотношениями между маленькими детьми советский исследователь 20-х годов А. Залужный разработал схему, в которой предусмотрены, кажется, все возможные видимые и слышимые проявления. Вот по каким признакам можно было по этой программе судить об асоциальном поведении малыша: *действия* — отворачивается (брезгливо), убегает, защищается; *речь* (вернее было бы сказать, звуки) — хнычет, плачет, кричит о помощи. Об асоциальном поведении свидетельствуют и такие *признаки действия:* разрушает, отнимает, гонится, бьет; *речь* — угрожает, требует, дразнит, ругается.

А вот признаки доброжелательного поведения: *действия* — ласкает, показывает, помогает, исправляет, бе-

рет инициативу; *речь* — информирует, советует, критикует, призывает к сотрудничеству и т. д.

Кстати сказать, следуя даже хорошей программе, мы ничего не узнаем о причинах того, почему одного сверстники чаще бьют, а другого ласкают, что вызывает у нашего подопытного гнев, а что — ласку. Наблюдение чаще всего отвечает на вопрос «что»?, вопрос «почему?» остается открытым.

И еще одно. Как-то студентки психологического факультета получили задание понаблюдать, как протекают у дошкольников разные чувства: одной досталась радость, другой — печаль, а третьей не повезло — испуг.

— Хожу, хожу в детсад, смотрю, смотрю, а они не пугаются... — жаловалась она преподавателю.

— А ты испугай — и дело с концом, — посоветовал кто-то.

Совет был радикальный, но не точный: метод, при котором исследователь сам вызывает то, что ему необходимо изучить, уже не наблюдение, а эксперимент. И это главный метод современной психологии. Он, по словам известного французского психолога П. Фреса, не терпит спешки, но взамен медлительности и даже некоторой громоздкости дарует радость уверенности, частичной, может быть, но окончательной.

— Психологические эксперименты? Видел, это по руке мысли читают.

— Да нет! Это детектор лжи, шпионов ловить.

У Л. Толстого и Ф. Достоевского не было психологических лабораторий. Ж. Руссо обошелся без душевного барометра. Современная психологическая лаборатория похожа на центр управления космическим полетом. Может быть, техника призвана заменить талант, а статистика — интуицию?

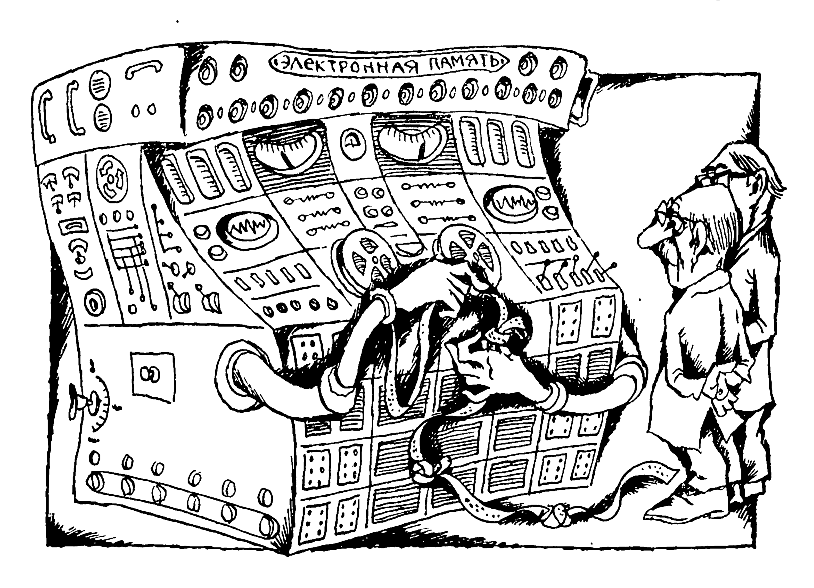
Есть такая притча. Кузнечик встретил сороконожку и спрашивает:

— Как удается тебе управиться с такой уймой ног и не запутаться?

— Сейчас разберусь, — ответила сороконожка и стала думать. Говорят, она до сих пор так и не сдвинулась с места.

Трагический парадокс психологического экспериментирования: чем точнее и тоньше опыты, тем дальше ис-

следователь от реального поведения реального человека, от того, что люди привыкли называть просто психологией, а лабораторные психологи — интересной психологией. Когда-нибудь историки нашей науки объяснят, почему, например, А. Лурия, признанный мастер тончайших экспериментов, пишет «Маленькую книжку о большой памяти» или «Потерянный и возвращенный мир», которые читаются как захватывающие психологические романы, а глава советских инженерных

психологов Б. Ломов публикует интересные исследования о том, как люди вместе пытаются нарисовать план Дворцовой площади и вспоминают строфы из «Евгения Онегина». Может быть, здесь проявляется закономерное стремление возвратить психологии потерянную в лабораториях целостность внутреннего мира человеческой личности?

Если бы надо было на примере какого-то одного психического явления показать в кино все типы психологических экспериментов, следовало бы выбрать исследование памяти. Первые кадры были бы посвящены немецкому психологу Г. Эббингаузу, который около ста лет назад изобрел... бессмысленные слоги. В удобном кресле сидит испытуемый и повторяет вслед за иссле-

дователем нечто странное: даг-виб-нум-дюг-рец... Или парами: фоц-деб, пяц-дыч, мож-пут... Потом экспериментатор читает первый слог пары, а испытуемый отвечает ему вторым. Если вспомнит... Сколько запомнит, надолго ли, сколько останется в памяти через час, два, сутки.

В результате знаменитая «кривая Эббингауза», роковая кривая, похожая на крутой спуск с горы: сначала стремительно летишь почти отвесно вниз (это в первый час забывается почти 40 процентов драгоценных слогов), потом плавное скольжение почти по равнине: кое-что запоминается навсегда.

Очень немногое. Кто-то сказал, что культура — это то, что остается, когда уже все забыто. К бессмысленным слогам это отношения не имеет. Зачем нужны были Г. Эббингаузу его 2300 слогов? Он надеялся изучить память в чистом виде, память, освобожденную от... смысла. В жизни далеко не все «по Г. Эббингаузу», но это были первые истинно психологические опыты, «без физиологии».

Вот следующий кадр как раз с физиологией. Наше время, Монреаль. Великий нейрохирург В. Пенфилд экспериментирует с электростимуляцией отдельных областей мозга. Электрический импульс — и в памяти больного вспыхивают поразительно яркие воспоминания прошлого. «Когда электрод нейрохирурга случайно активизирует запись прошлого, — пишет В. Пенфилд, — это прошлое развертывается последовательно, мгновение за мгновением. Это несколько напоминает работу магнитофона или демонстрацию киноленты, на которой как бы запечатлено все, что человек некогда осознавал, то, на что он обратил внимание...»

Психологические опыты в лаборатории как будто нарушают принципы, по которым построено психологическое наблюдение: испытуемый извлекается из своей обычной, привычной жизненной колеи, он знает, что его исследуют... Приходится кое-чем жертвовать ради точности.

А что, если скрестить эксперимент и наблюдение? Взять от эксперимента точность и повторяемость, а от наблюдения — естественность и жизненность ситуаций.

Естественный эксперимент изобрел в начале нашего века русский психолог А. Лазурский. С детьми просто играют, их просто обучают. А на самом деле исследуют. Когда человек впервые ставит перед собой зада-

чу что-то запомнить, как влияет она на запоминание, в каком случае дети лучше запоминают: в ситуации задания или когда умственная работа по запоминанию включается в какую-то другую деятельность.

Лучший союзник психолога во всех исследованиях — игра. Помогла она и на этот раз. Известная исследовательница памяти З. Истомина, которая проводила эти опыты, давала детям запоминать слова в двух разных ситуациях. В ходе игры в «детский сад» экспериментатор брал на себя роль заведующего детсадом, а его помощник — заведующего магазином. Испытуемый — дошкольник получил важное поручение: «Вот тебе пропуск в магазин, сходи и купи...» Дальше перечислялось несколько предметов — это были слова, которые надо запомнить, — конфеты, крупа, мяч, краски, капуста, молоко и т. д. Маленькому покупателю вручались «деньги», корзинка, и он отправлялся в «магазин». Здесь «завмаг» спрашивал: «Что тебе поручено купить?» и отмечал, какие слова вспомнил подопытный, который вовсе не чувствовал себя таковым, он просто играл.

Во второй серии опытов ребенок приглашался «для занятий». Экспериментатор просил его внимательно прослушать слова, чтобы потом вспомнить как можно больше. По трудности слова были такие, как и в первой серии.

Потом результаты подвергли математической обработке: сложили все слова, которые запомнили дети в первой серии, поделили на число запоминавших и эту среднюю цифру сравнили со средней, полученной во второй серии. Результат? В игре, когда знания нужны ребенку для дела, запоминается значительно больше слов, чем на занятиях.

Со школьниками эксперименты часто проводятся в виде учебных занятий. Ленинградский психолог М. Шардаков решил проверить, как влияет установка на длительность запоминания, на его продуктивность. Иными словами, в каком случае дольше помнится, когда учат, чтобы ответить завтра, или если отвечать придется через длительный срок?

Три группы школьников одного возраста и примерно одинаковых способностей порознь учили одно и то же стихотворение, которое повторяли одинаковое количество раз. Разница была лишь в одном: ребят первой группы предупредили, что их спросят завтра, вто-

рой — через неделю, третьей — через месяц. А спросили всех в один и тот же день через три недели... Результаты? Конечно, выгоднее учить на месяц — помнится дольше.

Естественно, строятся исследования и в социальной психологии. О них разговор особый. А пока только один пример, опять-таки связанный с изучением памяти. Как лучше вспоминается: когда ты наедине с самим собой или в компании? Этот остроумный опыт, проведенный Б. Ломовым, легко повторить. Сначала каждому испытуемому предлагали воспроизвести начало первой главы «Евгения Онегина». Тех, кто помнил точно, отсеяли, а тех, кто вспомнил лишь кое-что, объединили в пары.

Вот как воспроизводилась соответствующая строфа испытуемыми по отдельности.

А. «Дальше говорится, что Онегин читал Гомера, Демокрита... или кого-то там другого из греков... читал Адама Смита... мы его тоже проходили... Читал Адама Смита... и что-то насчет рассуждений о политэкономии...»

В. «Он изучал Адама Смита... и что-то говорил насчет того, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда там... что-то он имеет... а отец понять его не мог и земли отдавал в залог».

И вот как протекало коллегиальное припоминание:

А. «Зато читал Адама Смита и был политэконом».

В. «По-моему, не так. Нет слова «политэконом», тем более у Пушкина».

А. «Я тоже чувствую, что что-то не так... А как?»

В. «Верно, что какой-то эконом... И был... какой-то эконом...»

А. «И был ученый эконом?»

В. «Кажется, глубокий».

А. «Точно! И был глубокий эконом, то есть умел судить о том...»

Оба (хором).

«Как государство богатеет,
И чем живет и почему
Не нужно золота ему,
Когда... та-та, та-та имеет».

А. «Какой-то продукт... как там в натуральном хозяйстве... Какой продукт?»

В. «Может, «прямой», то ли... не помню».

А. «Простой?»

В. «Пожалуй».

Дальше оба воспроизводят эту часть строфы точно.

Долго не могли припомнить знаменитые строки, в которых описаны детские годы Онегина:

В. «Сперва маман за ним ходила,
Потом старик ее сменил,
Ребенок был, конечно, мил».

А. «Что-то не так. Точно, что говорится «ребенок был мил», но чему-то это противопоставляется. Ага! Вот как: «ребенок был резов, но мил».

В. «Резов? Нет такого слова».

А. «Но это же XIX век... Точно помню, что «ребенок был резов, но мил».

В. «Ну ладно... может быть, «резов»... только вот вначале насчет старичка мы что-то не то наговорили... Там дальше, правда, есть «старик убогий», который водил Онегина в Летний сад... «и в Летний сад гулять водил».

А. «Там какое-то иностранное слово... синьор? Старик-синьор... Нет, французское «старик-мосье» и не маман, а мадам...»

В. «Точно, мосье...»

А. «Вот так... А дальше опять загвоздка с этим старичком... По-моему, так...»

В конце концов строфу воспроизвели почти точно».

А дальше выводы о преимуществах и особенностях «коллективного пересочинения».

— Вчера пришел к нам в отдел чудак один. Карточки какие-то, вопросы чудные... Тесты, говорит.

— Гнали бы вы его: тесты запрещены.

— Да вроде опять разрешили.

С методом тестов («тест» — по-английски означает — «короткое испытание», «проба») в психологии связаны большие надежды и, пожалуй, еще большие разочарования. С тех пор как знаменитый английский ученый, метеоролог, генетик, криминалист и психолог, близкий родственник Ч. Дарвина, Ф. Гальтон выдвинул идею точного измерения характера и умственных способностей человека, прошло почти сто лет. За это время создано около 10 тысяч разного рода тестов, с помощью

которых, как надеялись их авторы, можно измерить все, что угодно — от пригодности человека к профессии до психологической совместимости будущих супругов, — а дискуссия об их возможностях не прекращается.

На создание тестов толкают психологов требования жизни. Когда надо решать, каковы способности человека, может ли он справиться с задачами, которые предстоит решить, подходит ли он для определенной роли в силу особенностей своего характера, нужны надежные и короткие способы проверки. Некогда съедать с кандида-

тами и претендентами пуды соли, немыслимо проникать в потемки их души с помощью кропотливых и трудоемких экспериментов. Нужны тесты.

Впервые их создали для практического использования французские психологи А. Бине и Т. Симон для определения умственного развития детей. Для каждого возраста предлагается серия задач и вопросов, за решение которых начисляются очки. При этом устанавливается, что в среднем, например, двенадцатилетний ребенок должен набрать 120 очков. Наберешь больше — значит, по уму ты тянешь на четырнадцатилетнего, меньше — на десятилетнего. Умственный возраст может не совпадать с паспортным.

Все любят сравнивать себя с другими: лучше — хуже. А на самом деле чаще всего различия проявляются по другому параметру, иначе. Тесты этой качественной разницы не улавливают.

Собственно говоря, как выглядят эти короткие задачи, вопросы, головоломки, все хорошо знают. За последние годы в наших газетах и журналах напечатана уйма разного рода тестов, которые стыдливо спрятаны за невинными заголовками: «Психологические этюды», «Психологический практикум». «Игра в вопросы и ответы» и т. д. А недавно вышла целая книга английского психолога Г. Айзенка «Проверьте свои способности». Это сборник тестов на интеллект, вернее на сообразительность.

Конечно, наверное, скорость, с которой выполняются эти задания, что-то измеряет. Но что именно? Этого, видимо, никто не знает. Многие очень способные, остроумные и заслуженные в своем деле люди — конструкторы, математики и даже кибернетики — признаются, что не умеют решать подобного рода задачи. Что из этого? Ничего.

Еще сложнее обстоит дело с тестами, которые призваны измерить качества личности. Воспроизведем один из таких тестов под названием «Легко ли находить друзей?». Во многом он весьма характерен и, несмотря на шутливый тон, очень напоминает вполне серьезные тесты, по которым за рубежом нередко производится профессиональный отбор.

«Признайтесь: без друзей трудно жить на свете. Но умеете ли вы их выбирать? Легко ли вам это удается? Обратитесь к нашей игре, так называемому квизу, и отметьте те черты, которые вы хотели бы видеть у ваших друзей. Ведь, как вещает еще одна пословица: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Только не думайте, что наш квиз (как и все квизы вообще) — действительно научное средство находить верное решение. Не забудьте, что квиз — это в конечном итоге всего лишь шутка. Но во всякой шутке есть доля истины, не так ли?

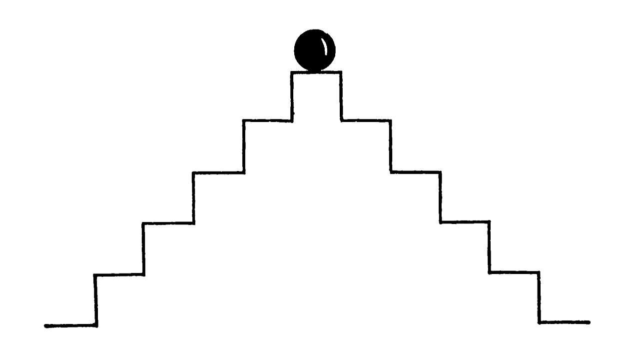
Этот квиз состоит из трех заданий. За решение каждого из них дается определенное количество очков. Учтите, что игра заключается не в том, чтобы набрать как можно больше очков, а в том, чтобы на все поставленные вопросы ответить быстро, откровенно и искренне.

В этом кругу мы поместили достоинства, которые было бы приятно видеть у ваших друзей. Выбрать же из них нужно только два. Таких, которые вам больше всего импонируют. За искренность начисляется 25 очков; верность — 20; находчивость — 10; красоту — 6; ум — 8; скромность — 15; занимательность — 5 очков.

Запомните полученную сумму от первого задания.

Решите, куда должен скатиться шарик — налево или направо. Если вы считаете, что он покатится по левой лестнице, засчитайте себе 5 очков, если по правой — 20.

Теперь ответьте на несколько вопросов. За каждый ответ в таблице указано определенное количество очков.

	Да	Нет
1	5	15
2	20	2
3	4	12
4	15	8
5	12	6
6	6	15
7	3	12
8	1	20
9	20	6
10	5	10

Итак...

1. Подводил ли вас когда-нибудь друг?
2. Считаетесь ли вы хорошим знатоком людей?
3. Охотно ли вы путешествуете?
4. Любите ли вы общество?
5. Знаете ли вы всех жильцов своего дома?

Считаете ли вы такие утверждения верными:

6. Животные — лучшие друзья людей.
7. В беде покинет тебя и друг.
8. Дружба не прибыльна.
9. Не следует от друзей требовать многого.
10. Чем больше друзей, тем лучше.

А теперь подсчитайте, сколько очков вы набрали. Итак, если сумма набранных вами очков не превышает 140, то надо сказать, что друзья вам достаются с большим трудом. И совсем не потому, что вы не можете быть хорошим товарищем, просто вы не верите в возможность встретить настоящего друга. Больше доверяйте людям.

Количество очков от 141 до 180. Вы хорошо знаете людей и умеете завоевывать их дружбу. У вас есть друзья, на которых вы можете положиться, в то же время вы и сами никогда не подводите друзей. И пусть вам не всегда везет в жизни, вы никогда не унываете, ведь у вас есть отличные друзья.

От 181 очка и выше. Друзья? — спрашиваете вы. И тут же отвечаете, что для вас это не проблема. У вас их так много, что не сосчитаешь. Да, вам удается их

без труда находить. Но, по всей вероятности, вы быстро изменяете им и легко их теряете».

Главная беда такого рода тестов в том, что они лишены серьезной научной основы. Никто никогда не доказал, что ответ на вопрос «куда покатится шарик?» как-то связан с чертами личности. Неизвестно также, почему, например, находчивость тянет на 10 очков, а ум только на 8... Такие сомнения возникают на каждом шагу. Но, как говорится, нам легко критиковать. Хуже, если на основе таких произвольных оценок берут или не берут на работу, зачисляют в худшую или лучшую школу и т. д.

Вот как изображает такого рода испытание О. Фаллачи в юмореске «Не гожусь я в астронавты»:

«...Психолог перевернул страницу. На следующей была группа вопросов под заглавием «Аналогия». Отвечая на них, я должна была, не задумываясь, быстро найти то общее, что имеется между называемыми мне понятиями или предметами. Этот тест, как я слыхала, имеет исключительное значение на экзаменах будущих американских путешественников на другие планеты.

Итак:

— Апельсины, бананы?..

— Фрукты.

— Хорошо! Пальто, платье?

— Одежда.

— Хорошо... Собака, лев?

— Животные.

— Хорошо. Вода, воздух?

— Элементы земли.

— Ошибка.

— Почему?

— Потому!.. Дерево, спирт?

— Оба горят.

— Плохо.

— Почему?

— Потому. Стебелек, бабочка?

— Живые существа.

— Плохо... Вы неточно ответили на важнейшие вопросы. Нет ничего общего у воды и воздуха, у дерева и спирта, у стебелька и бабочки!..

Затем доктор психологии перевернул еще одну страницу, и мы перешли к вопросам, касающимся обще-

ственных отношений. Экзаменатор предупредил, чтобы я отвечала на них с предельной скоростью.

— Что вы сделаете, если заметите, что в кинотеатре возник пожар?

— Кинусь бежать!

Психолог посмотрел в книгу, поднял голову и прочитал правильный ответ: «Спокойно встать и, не привлекая ничьего внимания, чтобы не вызвать паники, выйти на улицу. Найти полицейского и попросить его вызвать пожарную команду».

Следующий вопрос:

— Для чего издан специальный закон о защите детей?

— Для того, чтобы они не стали астронавтами!

Этим мой экзамен и закончился. Доктор закрыл книгу и холодно сообщил мне, что отвечала я очень плохо. Я слишком склонна к насмешкам и шуточкам и обладаю манерами антисоциального существа. Все это вместе доказывает чрезвычайно низкий уровень моего интеллекта. Он может мне поставить отметку 30, считая, однако, что и она слишком велика...

— Чтобы вы знали, — добавил он, — средний коэффициент интеллекта у наших астронавтов около 130. Большинство имеет оценку 135 и 140... Тольке двое получили 123, что, впрочем, является средним показателем наших летчиков.

Вот так-то!»

Сказанное вовсе не означает, что не существует серьезных тестов, что все тесты вредны и их поиски ни к чему не ведут. И в нашей стране, и за рубежом разработаны опросники и тесты, которые помогают психологам и психотерапевтам разобраться в некоторых проблемах, иногда даже не осознаваемых до конца самими испытуемыми. Особенно интересны проективные тесты.

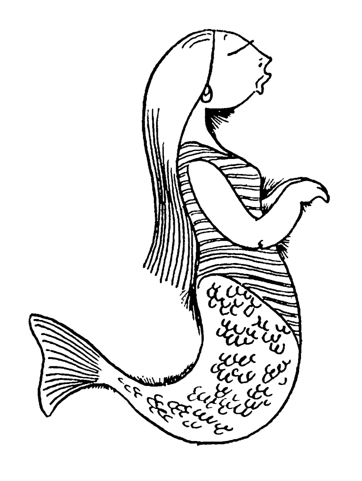
Всем, наверное, приходилось фантазировать, глядя на причудливые облака. Один видит в них верблюда или медведя, другому кажется, что облако похоже на лицо в профиль, третьему... А что, если человек как бы проецирует на эти неопределенные узоры то, что его как-то волнует? На этом предположении и построен тест Г. Роршаха. Это серия бесформенных чернильных пятен, о которых человек должен сказать, на что они похожи. Потом ответы обрабатываются по определенным правилам.

Вместо пятен можно предложить серию неопределенных размытых рисунков: «Посмотрите и скажите, что привело к этой ситуации, что происходит теперь и как закончится».

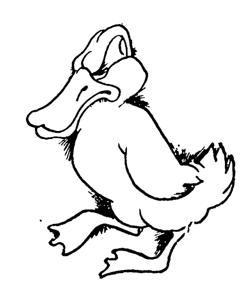
Или, например, чтобы узнать, как относятся дети к детсаду и воспитательнице, можно применить такой прием: дошкольнику показывают картинку — его сверстник идет в сад, и вторую — уходит из сада. Но у ребенка на картинке нет лица. Испытуемый может поставить ему одно из предложенных — веселое или грустное.

Может быть, проще спросить? Проще, но не надежнее. Уже маленькие дети часто отвечают так, как, с их точки зрения, понравится взрослому... Именно поэтому, кстати сказать, в психологических исследованиях часто косвенные вопросы вернее ведут к цели, чем прямые.

Экспериментальная психология — наука молодая. Идет поиск... Но как бы далеко ни продвинулась разработка психологических методов, один человек всегда будет загадкой для другого. А разгадка?.. Для этого порой требуется целая жизнь.

ЗАГАДОЧНЫЙ МИР ДЕТСТВА

— Любят многие о своем детстве вспоминать. Писатели, так те сплошь про себя книжки пишут, как маленькими были. А я вот про это редко думаю...

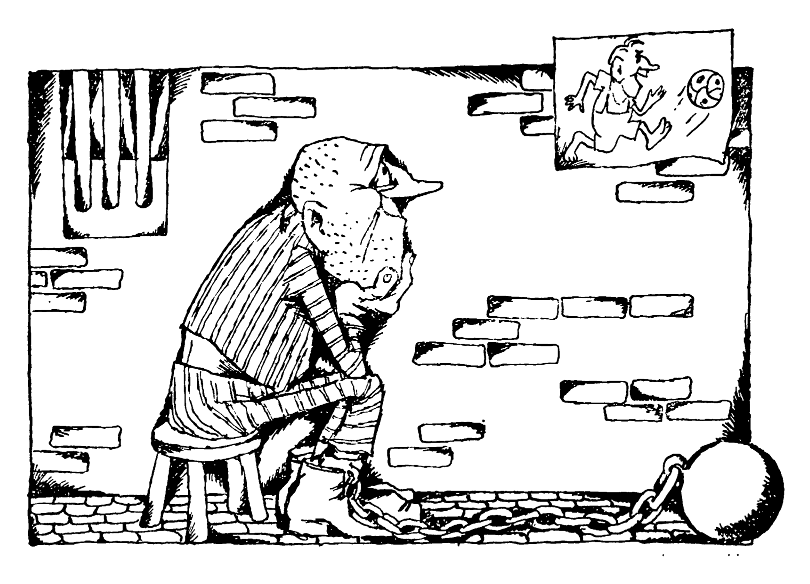
— Сколько вам лет, простите?

— Уже двадцать!

— Тогда это пройдет. Еще вспомните!

О детстве не только пишут повести и романы. Поэты вспоминают об этой поре в стихах. Нередко с сожалением. У Е. Евтушенко: «И каждый могила ребенка, которым когда-то он был». А художники? У них тоже немало детей на полотнах.

Но странное дело, рассматривая картины старых и даже не очень старых мастеров, на которых изображены дети, можно прийти к выводу, что рисовали их в то время очень своеобразно, а попросту говоря, не очень умело. Нет, с технической и, так сказать, с физиологической стороны все эти младенцы, принцы, инфанты, княжны и т. д. выписаны безукоризненно: переданы нежные оттенки цвета и тона детской кожи, прекрасно воссозданы все округлости, как живые, вьются мягкие кудряшки... Но с психологической стороны все это на редкость неинтересно: дети либо выглядят как умень-

шенные копии взрослых, либо лишены личностного своеобразия.

Впрочем, в средневековой, например, живописи, как отмечают специалисты, и взрослые изображались своеобразно. Не было портрета. Художники, конечно, подмечали индивидуальные черты человеческих лиц и были способны их передать. Дело здесь не в умении, а в задачах, которые ставились, в особенностях подхода к личности у художников того времени. По отношению к детям такая антииндивидуальность сохранилась надолго. В них не видели и не хотели видеть чего-то неповторимого и своеобразного. Конечно, можно назвать немало исключений, но общая тенденция в этом домашнем искусствоведении определена, пожалуй, верно.

Теперь еще одно наблюдение. На этот раз из области домашнего литературоведения. Действительно, почти все крупные писатели изобразили детство. Но стоит подумать, когда это начиналось. Почти все интересные книги о детстве были созданы не раньше XIX века! А во второй половине XIX века появились и первые научные исследования по детской психологии. Кстати, и детей в это время художники научились изображать.

Случайное совпадение? Едва ли. А что, если это отражение общего явления: люди изменили точку зрения на детство. На детей перестали смотреть как на маленьких взрослых, перестали, сравнивая себя с детьми, рассуждать по принципу «больше — меньше», «лучше — хуже». Взрослые рассуждают хорошо, а дети — хуже, взрослые видят мир правильно, а дети — нет, для взрослых отношения со сверстниками — проблема, для детей — пустяки и т. д.

Постепенно стало ясно: у детей качественно своеобразный внутренний мир и «счастливая, невозвратимая пора детства» — это пора, наполненная такими могучими впечатлениями, такими стремлениями, что потом человек всю жизнь испытывает на себе влияние детства. Некоторые ученые даже переоценивали роль тех влечений, которые переживает ребенок, в последующем формировании личности. Но главным было другое: перед взрослыми как бы заново открывалась неведомая прежде страна — Детство!

Колумбами этой страны стали писатели и художники. Вслед за первопроходцами пришли историки-психологи, которые всю свою жизнь посвятили изучению дет-

ства. Порой их так и именуют — детские психологи. И «детский психолог» звучит ничуть не менее почетно, чем инженерный или даже космический.

Когда у историков накапливается достаточное число фактов о жизни страны и ее народа, когда составлены летописи, начинаются поиски законов развития. История детства тоже имеет свои законы, свои эпохи, периоды, стадии, кризисы и даже «возрастные революции».

«Развитие ребенка, — писал замечательный советский психолог Л. Выготский, — и есть не что иное, как постоянный переход от одной возрастной ступени к другой, связанный с изменением и построением личности ребенка... Таким образом, перед нами раскрывается совершенно закономерная, полная глубочайшего смысла и ясная картина. Критические возрасты перемежают стабильные. Они являются переломными, поворотными пунктами в развитии, лишний раз подтверждая то, что развитие ребенка есть диалектический процесс, в котором переход от одной ступени к другой совершается не эволюционным, а революционным путем».

Эти кризисы и революции детского развития хорошо испытали на собственном опыте, вернее, на своем опыте воспитания, все отцы и матери, бабушки и дедушки, дошкольные воспитатели и школьные учителя. Ребенок, который до этого был спокойным и покладистым, вдруг начинает бунтовать. Как пишут в учебниках истории, народ вышел на улицы, построил баррикады и выставил свои требования. Чего же они хотят? В разные эпохи, в разные периоды детства — разного. Но разница эта относительная, и все возрастные революции кое в чем похожи друг на друга.

Впервые дети, по выражению взрослых, начинают показывать характер при переходе от младенчества к раннему детству, когда «демонстрант» отпраздновал двенадцатимесячный юбилей своего существования.

Советский психолог Н. Менчинская, которая специально вела подробный дневник развития собственного сына, передает сводку с места событий:

1 год 5 месяцев. «В ответ на запрещение («нельзя») проявляет упрямство и упорно пытается повторить какую-нибудь шалость. Только путем отвлечения удается прервать то или иное упрямое желание. Иногда в ответ на запрещение начинает... плакать, бросается на пол, дергает руками и ногами, но такие истерики бы-

вают с ним нечасто. Его легко и быстро удается отвлечь от шалостей».

Легко и быстро... Везет же людям. Впрочем, ягодки впереди...

Причина этих первых «уличных беспорядков» — назревшее противоречие между новыми потребностями ребенка и старыми условиями их удовлетворения, которые его уже не устраивают, стесняют, мешают развитию. На самом деле, примерно к году ребенок обретает кое-какую самостоятельность: начинает ходить, познает сложный мир предметов, вступает в разнообразные отношения со взрослыми.

Особенно резко повышается стремление к общению с ними. А вот средств для такого общения и не хватает — мало слов. Создается впечатление, что ребенок уже больше в состоянии сказать, чем способен выразить. Да и то, что он говорит, взрослые не всегда понимают. Порой нужен переводчик. Люди говорят на разных языках, а это, как известно, добром не кончается. Недаром, когда бог решил помешать людям достроить Вавилонскую башню, он нарушил их психологическую совместимость коварно и просто: «Человеческая гордыня вызвала его гнев, и он смешал языки, чтобы люди не могли между собой договориться». И вот, почти по библии, повествует польский писатель З. Косидовский, среди строителей «возникло... такое замешательство, что они вынуждены были отказаться от своего дерзкого замысла и рассеялись по всему свету».

Взрослые и дети «не рассеиваются» (это еще впереди), происходит нечто более существенное и, главное, конструктивное: дети усваивают язык. Противоречие разрешается.

До поры, до времени. А именно: до первой серьезной «революции», которая назревает к концу третьего года жизни. Человек прожил три года. Много это или мало?

Английский психолог Ф. Гудинаф придумала очень простой, но выразительный и легковоспроизводимый опыт. Испытуемым (ими легко могут быть читатели и знакомые тех любознательных читателей, которые сами захотят стать экспериментаторами) дается такая инструкция:

«Постарайтесь возможно более ясно представить себе новорожденного младенца... что он умеет, а чего

не умеет делать... А теперь подумайте о взрослом человеке... Рассмотрите подробно, что он способен делать, в особенности из того, что принято считать признаками интеллекта... А теперь вернемся к отправному пункту, к новорожденному... Пройдитесь медленно по возрастной шкале и на каждой ступени спрашивайте себя: на кого больше похож типичный ребенок этого возраста тем, что он способен делать, — на взрослого или на новорожденного? Продолжайте это занятие до тех пор, пока вы не найдете возраст, в котором, по вашему мнению, сходства и различия так точно уравновешивают друг друга, что трудно отдать предпочтение тем или другим».

Удивительный результат, который чаще всего можно получить: три года. Первые три года, а потом целая жизнь. Конечно, здесь есть некоторое преувеличение, но и оно вызвано параболической траекторией личной истории человека в эти первые годы. На самом деле: маленький человек уже говорит о себе «я», вообще он говорит! Говорит много, охотно, правильно... Он прекрасно двигается, многое умеет делать, он основательно отдалился от взрослого. Он, по выражению французского психолога Р. Заззо, не только давно умеет любить и бояться, но с силой, свойственной слабым, с гневом и капризами упорно проявляет свою личность, демонстрирует, на что способен.

Чтобы понять, вошел ли ребенок в эту эпоху своего детства, не обязательно смотреть в метрики (тем более что темп психологического развития часто не соответствует календарю). У этого возраста есть свой пароль, любимое выражение ребенка здесь: «Я сам!» На что взрослые отвечают не менее традиционным: «Нельзя!»

Лозунги выставлены, стороны вступают в неравный бой, где победа взрослых над стремлением ребенка к самостоятельности равна их педагогическому поражению: на выходе либо безвольный и малоинициативный слюнтяй, либо упрямый и жестокий самодур...

Впрочем, нельзя процесс воспитания описывать как сводку с театра военных действий. Чаще всего взрослые находят правильные пути, когда жажда самостоятельности удовлетворяется без взрывов и бунтов. «Революция» может пройти мирным путем. Но для этого взрослые должны быть хорошими стратегами и тактиками. Без «вооруженной» борьбы при этих условиях

может обойтись и похожий возрастной кризис, который назревает при переходе к подростковому возрасту. Об этом написано огромное число педагогических статей и книг. Особенно популярно название «трудный возраст». Иногда — с полемическим знаком вопроса.

Но знаки препинания не меняют сути дела... Кризисы, из которых подрастающий человек выходит то мирным, то немирным путем, продолжаются. До каких пор?

Когда говорят, что детская психология за последние годы сильно помолодела, то следовало бы дополнить это справедливое утверждение еще одним: а возрастная психология стала более зрелой. В наши дни редко кто согласен с мнением швейцарского ученого Э. Клапареда о том, что взрослый человек — это психологическая окаменелость. На самом деле «покой нам только снится», бой за свою личность, за ее развитие и самостоятельность продолжается во все эпохи человеческой жизни. Как это ни парадоксально, психологи, а они, как известно, люди взрослые, меньше всего внимания уделяют изучению психологических особенностей своих сверстников.

Возрастная психология взрослых переживает период детства. А кризисы? Они сопровождают человека всю его жизнь. Что такое, как не кризис, например, далеко не редкое состояние взрослого, где-то около тридцати лет от роду, как говорят, вокруг тридцати? Бальзаковский возраст?

Итак, человеку около тридцати. Основные этапы «социализации» уже пройдены: специальность выбрана, образовáние завершено, семья создана, квадратные метры получены... Но в один прекрасный миг или не очень прекрасный день — это выяснится значительно позже — вдруг задает себе опасный вопрос: и это все? Эта работа, этот человек рядом — пожизненно? И нередко опять в душе бьют барабаны и поют походные трубы... Вот только куда идти? Можно плохо кончить. Как Анна Каренина... Или начнут мелькать штампы — в паспорте и в трудовой книжке. «И когда он (она) только угомонится», — вздыхают «бескризисные» знакомые.

А не за горами новое потрясение, переход к пенсионной эпохе. Этот кризис, как подметила известный советский психолог Л. Божович, особенный. Если раньше всегда ощущение прилива новых сил и переживание

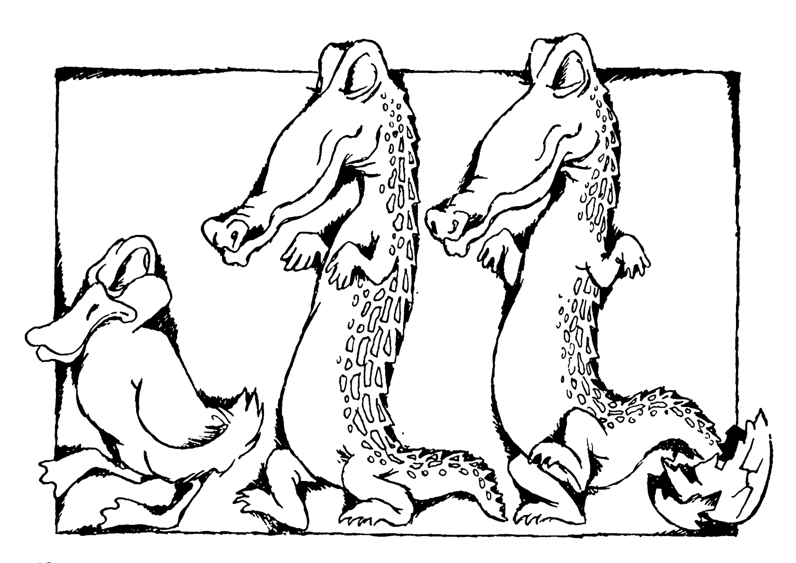
возросших возможностей толкало человека на то, чтобы *изменить* свое положение в обществе, то теперь он, наоборот, стремится *сохранить* прежнее положение, когда силы и возможности уже на исходе. А что происходит между тридцатью и шестьюдесятью? Об этом в стихах и романах. У психологов еще руки не дошли.

— Заучились... Иному своих в пору заводить, а он все учится.

— А вам бы хотелось, как у Райкина, «с горшка на работу»?

Современное членение человеческой жизни на эпохи и периоды кажется настолько естественным и вечным, что трудно себе представить какой-либо иной вариант. Классическая триада — детство, отрочество и юность — как будто столь же незыблема, как весна, лето, осень, зима... А на самом деле все здесь не так просто.

В рационализирующем уме современного человека порой возникает вопрос, который только на первый взгляд может показаться праздным: зачем нужно детство? Допустимо ли в наш стремительный век, когда хронически не хватает времени на освоение лавинообразного потока информации, а тем более на ее умножение

и практическое использование, допустимо ли тратить десяток первых — и не лучших ли? — лет на игры, на доктора Айболита, на палочки-считалочки? Может быть, безнадежно устарел поэтический лозунг: «Играйте же, дети, резвитесь на воле, на то вам и красное детство дано»?

Специальные исследования и сопоставления показали, что детство как особый качественно своеобразный период существования живых существ — это продукт эволюции, а человеческое детство — еще и результат исторического развития.

Оказывается, чем выше стоит вид на эволюционной лестнице, тем длиннее период детства. У низших животных практически вообще нет детства: примитивное существование, которое им предстоит вести, не требует специальной эпохи прижизненной подготовки от каждого существа. Хватает фонда наследственных приспособительных реакций. Человеческое дитя потому и появляется на свет самым беспомощным по сравнению со всеми остальными детенышами, что ему предстоит освоить, присвоить огромные богатства культуры, которые до его рождения накопили предыдущие поколения. Человек свободен от окостеневших инстинктивных программ поведения. Каждое поколение готово усвоить любую новую программу и внести в нее свой вклад.

Бедность человеческого ребенка на первых этапах детства — это условие для его будущего богатства, это возможности, которые будут реализованы в дальнейшем.

Но человеческое детство не только продукт эволюции, а и результат исторического развития. Известный советский психолог Д. Эльконин показал, что детство и его непременный спутник — ролевая игра связаны с уровнем развития производительных сил общества.

Детство самого человечества почти не оставляло места для, так сказать, индивидуального детства каждого члена первобытного сообщества. Дети еще не составляли специальной относительно изолированной группы, жизнь которой идет по своим законам, как к этому привыкли в наши дни. Простота общественного производства позволяла детям прямо включаться в его процесс в качестве полноправных участников.

В обществах, которые стоят на низких этапах развития, дети быстро становятся самостоятельными. Напри-

мер, исследователь коряков С. Стебницкий на основе своих наблюдений, проведенных в 20-е годы нашего столетия, отмечал, что резкого деления на детей и взрослых у них нет. Дети — равноправные и равноуважаемые члены общества. За общей беседой их слова выслушиваются так же внимательно, как и речь взрослого.

«Никогда не забуду, — рассказывает ученый, — характерную в этом отношении сценку. Поздний вечер. Мы сидим вокруг огня в тесной землянке. Компания немногочисленная. Неторопливо идет беседа. Едва видный среди вороха шкур бутуз обращается за чем-то к старику отцу. Отец, привстав, достает из-под потолочного шеста какой-то мешочек, ни слова не говоря, подает его сыну. Ну, естественно, мальчик соскучился, хочет поиграть. А мальчик тем временем с невозмутимым видом достает из мешка трубку японского образца, набивает ее табаком, деловито уминает табак своими розовыми пальчиками и тянется к отцу прикурить. И вот уже взвился дым, а наш завзятый курильщик сидит по-прежнему спокойно, вступая в разговор, когда ему вздумается. На мой вполне законный вопрос, сколько лет этому серьезному человеку, получаю ответ: «Половина зима шестой год будет».

Почти ровесник некрасовского мужичка с ноготок: «А кой тебе годик? Шестой миновал». Кстати сказать, едва ли современный дошкольник гордо заявит:

Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то — отец мой да я...

Этот «взрослый» уровень самосознания у крестьянских детей сравнительно недавнего прошлого связан с тем, что у них в детстве не было детства: они слишком рано вступали в период взрослости, где основная деятельность уже не игра, а труд.

Именно ведущая деятельность человека определяет стадию его личной истории. Здесь одинаково вредны и перескок через период, и искусственная задержка.

Кстати сказать, порой именно торможение на «детских» видах деятельности обостряет подростковый кризис. Недаром «чудо» перевоспитания «трудных» возможно только в хороших комсомольских трудовых коллективах: подрастающему человеку дали именно то,

к чему он стремился, — настоящее дело, а не очередную педагогическую пилюлю.

Время от времени в нашей печати вспыхивает дискуссия вокруг семьи Никитиных. По мнению ее главы, Б. Никитина, недопустимо тратить первые годы жизни на бессмысленную, с его точки зрения, игру и бесполезные игрушки: надо как можно раньше приступать к учению. Мы не будем здесь воспроизводить ход этого спора, где, с одной стороны, героическая попытка супругов Никитиных воспитывать своих пятерых детей в соответствии с определенными взглядами, а с другой стороны — бесстрастные рассуждения теоретиков детской психологии, спокойно подсчитывающих очки «за» и «против». Как-то хочется быть за Никитиных. Во всяком случае, высказать глубокое уважение к их трудному поиску. Но... В одном журналистском описании семьи Никитиных есть место, которое убеждает в том, что все-таки перескакивать через этап, этап игры, например, невозможно. Это противоречит основным законам детского развития.

«Что такое кукла? — приводит журналистка Т. Снегирева (теперь она, кстати сказать профессиональный психолог) свой разговор с Б. Никитиным. — Совершенно бесполезная игра... У моих детей только развивающие игры». Рассуждая подобным образом, увлеченный показом этих игр, отец не замечал, что, устроившись в большом кресле прямо у него под боком и вооружившись детскими счетами, Анюта с Юлечкой самозабвенно играли в «куклы»: «Вот этот, на котором много одежек (шариков), — папа, а вот этот кругленький — Ваня...» Аня на ходу размечала сценарий: «А я скажу...», «А ты скажешь...». И по лицам детей никак нельзя было заключить, что минуты, отданные игре, для них «простаивание». Они жили! Ибо «жить» и «играть» в детстве означает примерно одно и то же».

Это не означает, конечно, что надо отказаться от попыток более рационально использовать детство для развития творческих способностей человека. Напротив! Ведь каждый возраст обладает своими уникальными достоинствами. Не стоит начинать серьезно заниматься, например, балетом или фигурным катанием, когда детство уже прошло.

В определенные периоды жизни человек особенно чувствителен к соответствующим педагогическим воздей-

ствиям или, как говорят психологи, сензитивен к ним. Например, во второй и третий годы жизни человек легко и быстро овладевает языком именно потому, что в этот период он сензитивен именно к лингвистическим явлениям.

Каких успехов могли бы достичь люди, если бы ученые разгадали тактику основных сензитивных периодов, если бы родители и педагоги точно знали, кого, чему и когда следует учить. Но это дело будущего, а пока нередко упускается золотое время и возможности к творческому развитию не реализуются. Происходит то, что Б. Никитин обозначил страшноватым термином НУВЭРС (необратимое угасание возможностей эффективного развития способностей). Необратимое — вот что ужасно.

Кто знает, может быть, какие-то особенности психики связаны с впечатлениями, которые действуют на еще не родившегося ребенка.

«Я могу доказать, — писал выдающийся советский физиолог академик П. Анохин, — что многое из того, что мы считаем специфически человеческим, приобретенным человеком после рождения, на самом деле содержится в нашей генетике, заключено в нашей природе в форме фиксированных соотношений нервных структур. В течение 15 лет мои сотрудники изучают живой плод человека, начиная с трехмесячного возраста, изъятый по различным медицинским показаниям. Когда мы смотрим на пятимесячное существо, помещающееся на ладони и весящее всего лишь 500—600 граммов и уже имеющее образ человека, то трудно отделаться от впечатления, что это человек. Это существо выражает своей мимикой абсолютное неудовольствие, что его вынули, плачет и всхлипывает, выражая все специфические черты неудовольствия и обиды». Не исключено, что в недалеком будущем возникнет особая отрасль педагогики — эмбриональная педагогика, наука о прямом и косвенном (через психику и организм матери) воздействии на формирование психики человека в период его эмбрионального развития.

Не исключено, что у необычайной действенности обучения, скорости и прочности усвоения и стремительности темпов развития в сензитивные, критические периоды, общие биологические механизмы с удивительным явлением молниеносного обучения у животных, которое

получило название «импринтинг» — запечатление. Обнаружено оно было биологом О. Хейнротом, который наблюдал за поведением инкубаторных гусят. Он подсадил недавно вылупившихся гусят к взрослой гусыне, ожидая, что они последуют за ней (разумеется, гуськом!). Как же велико было его изумление, когда гусята пошли не за гусыней, а за ним самим, пошли гуськом, не отставая от него ни на шаг!

Позднее этот факт был многократно воспроизведен и проверен многими исследователями. Особенно впечатляют опыты знаменитого этолога К. Лоренца. Есть фотографии: впереди шагает К. Лоренц, а за ним — послушный выводок; эрзац-мама входит в воду, плывет — приемыши за ним. Оказывается, в первые минуты жизни молодого животного в его памяти неизгладимо «запечатлевается» образ первого попавшегося на глаза движущегося предмета, и за этим предметом отныне оно будет повсюду следовать. Неважно, человек это, гусыня, мяч, подушка, коробка — главное, чтобы объект (он получил название «импринтинг-объект») двигался. И первое впечатление уже невозможно стереть. Оно на всю жизнь! Не здесь ли разгадка силы первых впечатлений?

Переносить явления, обнаруженные в опытах над животными, на человека крайне опасно. Но трудно удержаться. Известный советский генетик академик Б. Астауров считает, что и у человека «некоторые свойства психики в порядке так называемого «импринтинга», или «запечатления», возникают в первые дни, месяцы и годы после рождения и утверждаются на всю жизнь». С его точки зрения, существуют «данные и мнения», что именно этот механизм срабатывает в тот критический период, когда человек сензитивен к любви. И вот «идеальный образ единственной или единственного любимого запечатлевается и всецело овладевает сознанием (любовь с первого взгляда и на всю жизнь)».

Так рушатся мировые загадки. И в поведении пушкинской Татьяны отныне все ясно: наступил сензитивный для любви момент: «пора пришла — она влюбилась». В кого? В первый попавший в поле зрения импринтинг-объект. Им-то и оказался Евгений Онегин: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала. Вся обомлела, запылала и в мыслях молвила: «Вот он». Классически точное описание «запечатления»!

О, если бы существовал сензитометр! Люди бы тогда знали не только, когда и чему учить, но и могли бы прогнозировать тот опасный момент, когда лучше вообще не выходить из дому и смотреть только на достойные импринтинга, то бишь первой любви, объекты. А может быть, лучше не надо? Впрочем, никому не дано остановить стремительную колесницу прогресса.

— А моей Танюшке и трех нет, она уже все понимает.

— Чего трех, лет?

— Ну что вы — месяцев!

— Ничего она не понимает, ваша Танюшка. Видимость одна.

— Никакая не видимость. Узнает она всех в доме. Мне улыбается. А вот, если на вас бы посмотрела, то, извините, рев бы подняла. Разбирается!

Здесь возникает сразу много сложных проблем. Даже совсем простые вопросы, если приглядеться повнимательнее, оказываются сложными. Ну вот хотя бы такой: когда зарождаются взаимоотношения ребенка со взрослыми? Отвечают по-разному. Многие скажут: «Конечно, когда ребенок родился!» Но не следует спешить. Стоит вспомнить свои мысли и чувства, связанные с будущим ребенком, еще до появления на свет. Ведь будущий ребенок — это целый переворот в жизни матери, в жизни всей семьи.

Можно предположить, что у женщины еще до замужества вырабатывается определенное отношение к будущему ребенку. Оно складывается под влиянием собственного опыта жизни в семье. Иной раз девушка полагает, что здесь не все ладно и когда она станет женой и матерью, то будет по-иному воспитывать своего ребенка. Или, наоборот, считает, что вот так и следует вести семейный корабль, как ведет его мать.

Когда образуется новая семья, здесь возникает и свое отношение к будущему ребенку. Начнем хотя бы с ожиданий. Кого ждут: мальчика или девочку и кто кого ждет? Большое значение в определении отношения к будущему ребенку имеет ряд обстоятельств: первый ребенок или последний, желанный или не очень своевременный с точки зрения кого-то из родителей. Очень важны и взаимоотношения между супругами...

Итак, ребенка еще нет, а отношение к нему уже возникло. Конечно, потом оно может измениться, но едва ли исчезнет без следа. В психике человека редко что-либо исчезает бесследно, особенно глубокие переживания такого рода. Эти переживания еще очень мало исследованы учеными, зато хорошо описаны в художественной литературе.

Как по-разному относятся к возможному ребенку две героини «Анны Карениной» Л. Толстого — Китти, окруженная любовью и вниманием мужа и всех домо-

чадцев, и Долли, семейные и финансовые дела которой расстроены, муж ведет легкомысленную жизнь, а многочисленные дети вечно болеют и «проявляют гадкие наклонности».

«На Стиву, — размышляет Долли, — разумеется, нечего рассчитывать. И я с помощью добрых людей выведу их, но если опять роды... И ей пришла мысль о том, как несправедливо сказано, что проклятие наложено на женщину, чтобы в муках родить чада. «Родить ничего, но носить — вот что мучительно», — подумала она, представив себе свою последнюю беременность и смерть этого последнего ребенка. И ей вспомнился разговор с молодайкой на постоялом дворе. На вопрос,

есть ли у нее дети, красивая молодайка весело отвечала:

— Была одна девочка, да развязал бог, постом похоронила.

— Что же, тебе очень жалко ее? — спросила Дарья Александровна.

— Чего жалеть? У старика внуков и так много. Только забота. Ни тебе работать, ни что. Только связь одна.

Ответ этот показался Дарье Александровне отвратительным, несмотря на добрую миловидность молодайки, но теперь она невольно вспомнила эти слова. В этих циничных словах была и доля правды».

Новый этап в отношении к ребенку наступает в тот период, когда будущая мать носит его под сердцем. Обратимся опять к тому же роману. Вот как описываются переживания Китти перед приближающимися родами. «И доктор, и акушерка, и Долли, и мать, и в особенности Левин, без ужаса не могли думать о приближавшемся, начинали испытывать нетерпение и беспокойство; одна Китти чувствовала себя совершенно спокойной и счастливой.

Она теперь ясно осознавала зарождение в себе нового чувства любви к будущему, отчасти для нее уже настоящему ребенку, и с наслаждением прислушивалась к этому чувству. Он теперь уже не был вполне частью ее, а иногда жил своею, независимою от нее жизнью. Часто ей бывало больно от этого, но вместе с тем хотелось смеяться от странной новой радости».

Конечно, любая мать знает все эти чувства даже лучше, чем великий психолог Л. Толстой, но здесь важно обратить внимание на еще одно существенное обстоятельство и проиллюстрировать его опять-таки строками из другого романа — «Воскресения».

Л. Толстой показывает, как непосредственно связаны отношения матери к будущему ребенку и ее взаимоотношения с отцом этого ребенка. Стоит перечитать волнующие строки «Воскресения», где речь идет о переживаниях Катюши Масловой.

«До той ночи, пока она надеялась на то, что он (Нехлюдов. — *Я. К.*) заедет, она не только не тяготилась ребенком, которого носила под сердцем, но часто удивленно умилялась на его мягкие, а иногда порывистые движения в себе. Но с той ночи все стало

другое. И будущий ребенок стал только одной помехой».

Но непреоборима сила нарождающейся материнской любви, пусть еще к неродившемуся ребенку. Именно она удерживает Катюшу от повторения трагического финала Анны Карениной («под вагон — и кончено») в ту страшную ночь, когда Нехлюдов проехал мимо.

«Она, — пишет Л. Толстой, — решила, что сделает так. Но тут же, как это и всегда бывает в первую минуту после волнения, он, ребенок — его ребенок, который был в ней, вдруг вздрогнул, стукнулся и плавно потянулся и опять стал толкаться чем-то тонким, нежным и острым. И вдруг все то, что за минуту так мучало ее, что казалось, нельзя было жить, вся злоба на него и желание отомстить ему хоть своей смертью, — все это вдруг отделилось. Она успокоилась, оправилась, закуталась платком и поспешно пошла домой».

Итак, ребенок еще не родился, а отношение к нему уже возникло, он уже стал источником ярких и значительных переживаний.

Отношение возникло, но общения, процесса обоюдного обмена чувствами, впечатлениями, информацией еще, конечно, нет. Оно возникает после появления ребенка на свет, да и то не сразу. Но почти в первые дни жизни среди людей маленький человек начинает испытывать не только потребность в пище, воздухе и движениях. Его мозг испытывает могучую потребность в новых впечатлениях, в новой информации. Есть специальные исследования, в которых доказывается, что, если недостает новых впечатлений, мозг ребенка развивается плохо, и он может даже заболеть. Ему надо что-то видеть, что-то слушать, к чему-то прикасаться — и все эти первые сведения об окружающем мире доставляют ему взрослые и в первую очередь, конечно, мать.

Интересно понаблюдать за поведением матери в тот момент, когда она ухаживает за своим ребенком. Сама того не замечая, она почти безостановочно с ним о чем-то говорит, поет, а иногда даже читает любимые стихи. А тот в ответ затихает, успокаивается, как будто прислушивается. Это еще не общение, но абсолютно необходимая к тому подготовка. И вот в конце первого месяца жизни происходит значительное событие: ребенок впервые ответил на ласку взрослого, и этот ответ — улыбка. Улыбка — это первый жест, первый эмо-

циональный отклик, первый, начальный момент появления общения.

Наша детская психология за последние годы действительно сильно помолодела. Еще совсем недавно считалось, что «психология» начинается ну хотя бы тогда, когда ребенок заговорил, а до этого сплошная «медицина». Кстати сказать, и воспитательные учреждения для самых маленьких относились к медицинскому ведомству. Теперь они в ведомстве народного образования: уже самых маленьких надо не только кормить и лечить, но и воспитывать. А где воспитание, там психология.

И первыми психологами должны стать первые воспитатели — родители. Можно надеяться, что скоро, прежде чем устраивать торжество во Дворце бракосочетания, будущие родители, жених и невеста пройдут психологическую школу. Но пока такой школы нет. И поэтому важна для всех проблема первой улыбки.

Вот что рассказывает о первой улыбке психолог М. Лисина, которая долгие годы изучает самых-самых маленьких: «В некоторых обстоятельствах улыбка ребенка означает приглашение к общению, попытку завязать со взрослыми контакт». Теперь уже не только взрослый как-то относится к ребенку, ребенок тоже начинает относиться к взрослому, появляются взаимоотношения.

Потом к улыбке присоединяется гуление, лепет. Ведь ребенок не молча улыбается. Он произносит какие-то непонятные, но радостные звуки (ученые утверждают, что в них заключена фонетика всех языков Земли), весело двигает ручками и ножками, как будто весь тянется к взрослому. Эти такие естественные и привычные действия получили в науке специальное название — «комплекс оживления». Маленький человек доступными ему средствами общается с нами, взрослыми людьми. Так появляется первая в истории каждого человека «малая группа», в которую входят двое — мать и дитя. Но именно эта группа — стартовая площадка, с которой начинается сложная траектория жизненного пути каждого человека.

Иногда удивляются, почему в одной и той же на первый взгляд среде, например в одной семье, формируются люди с разным нравственно психическим обликом, развиваются разные личности? Чтобы ответить на

этот вопрос, необходимо уточнить само понятие среды для развития личности. На самом деле, что является «строительным материалом» личности: все, что окружает ребенка, или только определенные элементы окружающего?

Очень убедительный ответ содержат наблюдения ученых за развитием однотипных, однояйцевых, близнецов. Такие близнецы совершенно аналогичны по своей наследственности, и все различия, которые у них обнаруживаются на протяжении жизни, зависят только от среды и воспитания. И вот, оказывается, в одной и той же обстановке, в одной семье из таких близнецов вырастают люди, похожие друг на друга внешне, но различные по психологическим качествам.

Ведь в пределах одной и той же внешней среды, например семьи, каждый ребенок как бы создает вокруг себя собственную, личностную микросреду, сложную сетку отношений с другими детьми, братьями и сестрами, а также со взрослыми членами семьи. При этом даже небольшая на первый взгляд разница в отношении родителей к тому или иному ребенку может привести к крупным различиям в развитии его личности.

В книге советских психологов А. Ковалева и В. Мясищева, посвященной формированию характера, рассказывается, как по-разному сложились характеры двух девушек-близнецов только потому, что каждой из них в семье было определено разное место. Одну из девочек стали считать старшей, с раннего детства ее стали называть старшей сестрой, ей поручалось присматривать за «младшей», отвечать за ее поведение и первой включаться в выполнение разного рода поручений. Это на первый взгляд не очень существенное различие в отношении родителей к детям сформировало у девочек разные характеры.

Конечно, сказанное о близнецах в еще большей степени относится к обычным детям, братьям и сестрам. Взаимоотношения с родителями, как показали специальные исследования, во многом определяют качества личности подрастающего человека. Особенно чувствительны к различным ситуациям в этом плане подростки, которые всегда очень остро переживают конфликты и расстройства взаимоотношений с родителями.

Эстонский педагог М. Инно приводит интересные

данные о том, как дети оценивают свои отношения с родителями.

Каковы же основные причины расстройств и конфликтов, если судить по результатам этого исследования?

Их довольно много. Самая большая группа причин — это ограничение свободы действий: различные запреты, которыми родители пытаются регулировать поведение и деятельность своих детей. Они не позволяют им ходить в кино и театр, смотреть телевизор, посещать друзей, девочкам дружить с мальчиками, ходить гулять и т. д. Далеко не всегда эти запреты педагогически оправданны. Даже в тех случаях, когда правы родители, следует продумывать и форму запрета, и его обоснование.

Очень тяжело переживают дети и разногласия между родителями. Подростки страдают, когда родители ссорятся, живут врозь. Интересно, что в этих случаях особенно чувствительными оказались девочки.

Источником тяжелых душевных страданий, как показывают и результаты этого исследования, и жизненные наблюдения, является алкоголизм родителей.

Нередко источниками конфликтов являются ложные обвинения, несправедливость отца или матери. Интересно, что отец и мать по-разному отражены в сочинениях детей. Анализ случаев, о которых рассказано в них, показывает, что, например, в конфликтах с 11—12-летними почти в 55 процентах случаев мать поступила несправедливо. Потом картина несколько меняется: в конфликтах у 13-летних детей правы 60 процентов матерей, у 14-летних — 67, у 15-летних уже свыше 70. Следует отметить, что с отцами возникает наполовину меньше разногласий, чем с матерями. Видимо, это связано с тем, что отцы реже вмешиваются в обсуждение успеваемости, вопросы моды и т. д. Из причин, вызвавших расстройство отношений с отцом, на первом месте стоит пьянство и разрыв с семьей.

Но самыми острыми оказались конфликты, вызванные обоими родителями. Часто родители справедливы в своих требованиях, но далеко не всегда. Авторы сочинений показывают, что родители объединяются в ложных обвинениях, в невыполнении обещаний, пьянстве, подозрительности. Очень тяжело переживают подростки случаи, когда родители предпочитают одного ребенка другому.

Как оценить приведенные выше факты? Прежде всего надо отметить, что во взаимоотношениях детей и родителей конфликты неизбежны, но они в хорошо организованной семье проходят быстро и не оставляют тяжелых последствий.

— Человек только на свет появился, а у него уже психология. А кто докажет? Молчит ведь!

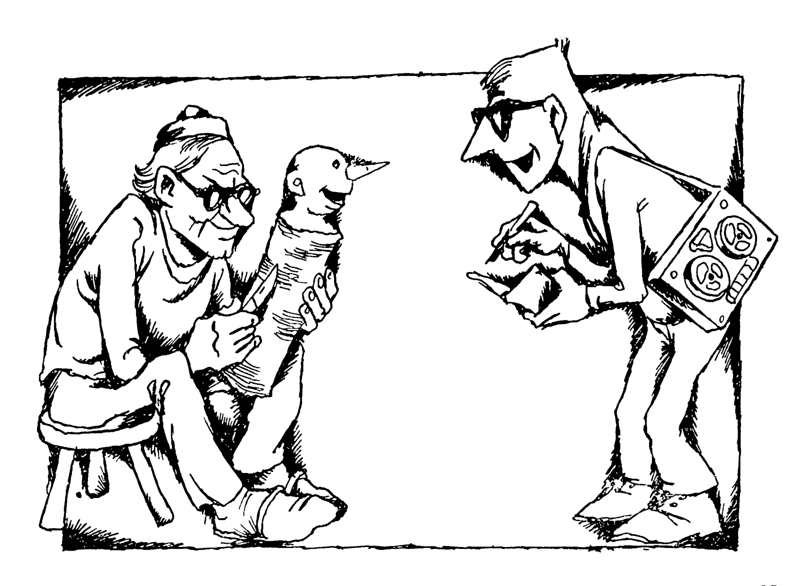
— Ну, молчать не молчит, но и спросить не спросишь: говорить не умеет!

— А может, оно и лучше? Обманывать не будет!

— Да ему и обманывать-то не в чем!

Советские психологи за многое критикуют австрийского психиатра З. Фрейда. Но он, наверное, был прав, когда утверждал, что человеческое «я» одето в мантию слов. Как проникнуть во внутренний мир маленького человека, который еще вообще не умеет говорить? А может быть, и мира там внутреннего нет никакого?

На эти вопросы и пытается ответить психология самого раннего детства. И приходится ей на самом деле нелегко. Слово делает нас людьми. Пожалуй, самым убедительным аргументом в пользу применения методов, где у человека что-то спрашивают, а он что-то от-

вечает, являются как раз попытки изучить психику человека, который еще вообще не умеет разговаривать.

Пусть человек порой говорит не то, что думает, — тут можно уловить и характер его умолчаний, и о причинах двойственности задуматься, и, наконец, сопоставив слова и действия, приблизиться к истине. Но вот, если человек совсем не говорит, тогда как?

Тогда, если изучают, например, зрительные восприятия — используют остроумные приборы для демонстрации разного рода фигур и узоров, а потом с помощью киноаппаратов и электронных датчиков фиксируют, как реагирует младенец на эти фигуры. А вот при изучении особенностей общения и других проблем начального этапа развития личности поступают так, как в исследованиях, о которых пойдет рассказ.

Молодая исследовательница С. Крутских из Института детской и педагогической психологии АПН СССР выяснила, какую роль играет присутствие матери на поведение ребенка в незнакомой обстановке. Были взяты две группы детей в возрасте от 10 месяцев до 1 года 3 месяцев. Солидные испытуемые, не правда ли?

Дети первой группы воспитывались в семье, обыкновенные домашние дети. Вторая группа — воспитанники Дома младенца. Сначала, как водится, исследователь знакомился со своими почтенными испытуемыми и давал им возможность к себе привыкнуть. Потом следовали три серии экспериментов. Со стороны, правда, никто бы, пожалуй, и не заметил, что *это* и есть эксперимент.

Итак, первая серия: ребенок находится в привычных условиях, и ему дают новые игрушки. Серия вторая: ребенка помещают в незнакомую обстановку, где он находится сначала без близкого взрослого — матери или сестры из Дома младенца, а потом в их присутствии.

В третьей серии ребенка пытаются... испугать. Не очень сильно, конечно, но все же... Ему показывают страшноватую маску сначала в отсутствии знакомого взрослого, а потом в его присутствии. Разумеется, все действия ребенка и все звуки, которые он издавал, точно регистрируются. Что же дали эти опыты? Прежде всего, обнаружилось, что уже в столь, как говорили в старину, нежном возрасте дети заявляют о своей неповторимой индивидуальности.

У одних преобладает ориентировочно-исследовательское поведение: «Что такое?», «Что с этим можно сделать?» Это, конечно, если перевести их язык действия на взрослый словесный язык. Не из их ли числа войдут в большой мир новые физики, биологи, путешественники, космонавты и проводники поездов дальнего следования?

Другие проявили склонность к оборонительному поведению: «Ничего хорошего от больших не жди», «Подальше от чужих взрослых, поближе...» А вот об этом чуть дальше.

Третьи — показали себя как существа, в общем-то, безразличные, но с оттенком настороженности: «Как бы чего не вышло!»

Интересно, что уже на этом стартовом этапе успели обнаружиться результаты условий воспитания. Как по-разному подавляли свой страх, «спасались» дети домашние и воспитанники Дома младенца!

«Семейные» дети немедленно бросались к матери, прижимались к ней, обнимали и т. д. Исследователь по этому поводу замечает, что «подобные явления наблюдаются у многих животных, например, у шимпанзе».

Дети, воспитанники Дома младенца, одинаково вели себя и в присутствии сестры-воспитательницы, и в ее отсутствии — у взрослых «спасения» не искали... Уже это заставляет ощутить какое-то беспокойство за таких детей. И это беспокойство усиливается, когда знакомишься с их поведением после того, как страх уже проходил.

В этом случае «семейные» дети немедленно приступали к активному обследованию обстановки. Нормальное поведение нормального человека? Конечно. Тем более настораживает тактика воспитанников Дома младенца: они предпочитают избегать новый предмет, уклоняются от его обследования. Правда, и особого страха они не проявляют.

Более отважные, но менее любознательные? А может быть, менее эмоционально развитые? Во всяком случае, к выводу, который делает сам исследователь: правильные эмоциональные отношения с близкими взрослыми способствуют развитию познавательной деятельности ребенка, — законно добавить, если не вывод, то вопрос. Оправдан ли оптимизм некоторых прогнозистов и научных фантастов о воспитательной системе

будущего, где дому и матери отводится весьма скромное место?

Итак, для того, чтобы у нас больше было Королевых, нужны определенные условия общения уже тогда, когда будущий искатель истины и приключений еще ищет яркую погремушку и, шатаясь, делает первый шаг не в переносном, а в самом прямом смысле. Но каковы эти условия? Ответить на этот вопрос попыталась сотрудница Института детской и педагогической психологии АПН СССР С. Корницкая. Она специально изучала, как содержание общения влияет на отношение детей к взрослым. Испытуемые — люди не менее почтенного возраста, чем в исследовании, о котором только что рассказывалось: Саша — 8 месяцев 24 дня от роду, Лариса — 9 месяцев 10 дней и Аня, которой стукнуло 9 месяцев 4 дня.

Экспериментатор здесь моделировал в своих отношениях с детьми три основных типа общения: непосредственно-эмоциональное, ситуативное практически-действенное и внеситуативное — речевое взаимодействие.

На практике это выглядело так: в опытах первой серии взрослый улыбался ребенку, ласково с ним разговаривал, поглаживал, подбрасывал и т. д.

Так что имейте в виду на будущее: если с вами ведут себя подобным образом или вы сами кому-то постоянно улыбаетесь, ласково беседуете, поглаживаете, под... (впрочем, подбрасывать необязательно), то это не что иное, как непосредственно-эмоциональное общение.

Ситуативное практически-действенное общение — вторая серия опытов — выглядело так: краткие речевые обращения, игра в мяч, манипулирование с пищащей игрушкой, погремушкой, вращение юлы, раскладывание пирамиды... Одним словом, дел по горло. При этом все свои действия взрослый сопровождал классическими: жжж.., ззз.., бухxx.., дзинь.

В третьей серии основной упор делали на словесное общение: детям рассказывали сказки, декламировали стихи и при этом, конечно, активно жестикулировали в лад словам.

Перед тем как приступить к основным опытам, с каждым ребенком провели по шесть контрольных проб. В первых трех пробах выяснялось, как дети относятся к взрослому, который с ним занимается один на один, без посторонних. Цель трех последующих состояла в

том, чтобы установить отношения детей к постороннему взрослому — «третий лишний», — который сам с детьми ничем не занимался.

В контрольном эксперименте этот «третий лишний» или экспериментатор брал ребенка на руки до начала самостоятельной игры и после. В основной части исследования, которое состояло из 20 занятий, по 10 минут с каждым ребенком, общение строилось по заданным программам.

Как же развивалось отношение детей к взрослому в зависимости от этих программ? Способны ли младенцы как-то «учесть» различие и проявить свое предпочтение? В исследовании это обнаружилось совершенно определенно.

Первоначально дети отвечали на появление взрослого ярко выраженным ожиданием: а вдруг поиграть можно! (Следует сказать, что все трое — воспитанники Дома младенца.) Это отношение обозначается как пассивно-положительное.

На второй стадии отношение маленьких участников опыта к взрослому зависело от того, понравилась ли ребенку программа общения, которую тот предлагал. Если понравилась, дети не скупились на поощрения! Они явно проявляли острую заинтересованность и стремление к положительному эмоциональному контакту: ласкали экспериментатора, всячески заигрывали с ним. (Кстати, именно в детской психологии термин «заигрывать» имеет вполне серьезное научное значение. «Заигрывать» — значит звуками и действиями привлекать к себе внимание. Впрочем, и у взрослых фактически нет других средств для достижения той же цели.)

Такое общение получило название активно-положительного. Житейская психология легко подберет подходящий афоризм, который «все объяснит»: «Как аукнется, так и откликнется!» Но как много в жизни исключений из этого мудрого правила, как часто аукается вроде одинаково, а откликается по-разному!

Интересно развиваются события, когда экспериментатор проводит непривлекательную программу общения. Маленький испытуемый демонстрирует отчуждение и холодность. Иногда он даже адресует разочаровавшему его взрослому гневные жесты. И в то же время — хотя и плохонький, зато свой — он явно предпочитает скуч-

ного, но «своего» экспериментатора «третьему лишнему», чужому.

Впрочем, и это кажется особенно поучительным, когда недоброжелательность к «своему» росла, отношение к «третьему лишнему» развивалось в сторону потепления. Дети пытались с ним заигрывать, привлечь к игре, протягивали ему игрушки, даже «заговаривали». Возникал классический треугольник.

Не так ли они образуются, эти классические фигуры, и у людей постарше? И следующий вывод весьма красноречив: чем лучше относится ребенок к экспериментатору, тем хуже к «третьему лишнему» и наоборот.

Выяснилось, что, когда ребенок во время опыта занимался по приятной программе, он и после опыта находился в радостном эмоциональном состоянии. Все его психологическое развитие протекало более благоприятно. Изменение этого предпочтительного общения дети переживали очень тяжело.

От чего же зависит выбор ребенком той или иной программы общения? Оказывается, опять-таки от того, как складывались его отношения со взрослыми до проведения опыта. Для Саши предпочитаемым было практически-действенное общение, для Ларисы и Ани — непосредственно-эмоциональное. «Можно предположить, — говорит автор этого интересного исследования, — что причиной, обусловившей особую склонность девочек к эмоциональному взаимодействию со взрослыми, была недостаточность ласки, любовного внимания. Аню никто из родных не посещал. Ларису посещала очень редко ее больная мать. Саша же, напротив, получал от своей матери во время ее регулярных посещений достаточно внимания и ласки. Его социальная потребность поднялась на новый уровень и выражалась в стремлении мальчика к совместной со взрослыми деятельности игрового и манипулятивного характера».

Да, поистине: все начинается с детства. С самого раннего.

Об исследованиях с самыми маленькими как-то забывают информировать, так сказать, широкую общественность. Они в стороне от журналистских дорог, которые чаще ведут к более современным лабораториям по инженерной или тем паче космической психологии. Но ведь в конце концов и Королев и Курчатов когда-то были детьми.

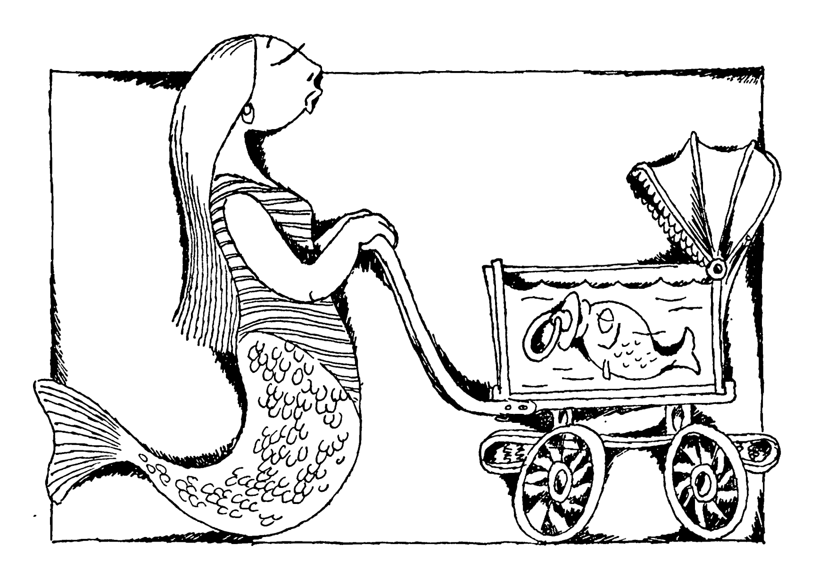
— И все-таки против природы не попрешь. Каким уродился, таким и будет... Яблочко от яблоньки недалеко катится.

— Сказки это. От учителей все зависит.

— А я думаю, от компании: с кем поведешься, от того и наберешься!

Когда-то Л. Леонов сказал, что лучшие сорта лжи готовятся из полуправды. Это справедливо и для многих научных теорий. Особенно тогда, когда их авторы хотят чем-то одним объяснить *все*. Почему же люди, которые рождаются на первый взгляд совершенно похожими, с течением времени становятся такими разными? Как уживаются в борьбе за будущего человека три знаменитых кита: наследственность, среда и воспитание?

Один психолог жаловался, что, когда он слышит, что человек — существо биосоциальное, ему представляет-

ся кошмарная химера, нечто вроде кентавра: голова человеческая, туловище лошадиное или львиное, как у Сфинкса.

В загадку этой двойственности стремятся проникнуть легионы ученых уже сотни лет. Не утихают дискуссии в печати и полемика на симпозиумах и конференци-

ях, и время от времени умнейшие люди усаживаются за круглые столы, а посредине как будто сидит Сфинкс, и загадочно-издевательская ухмылка не сходит с его классической физиономии.

«Каждый человек, который родился, еще не человек. Каждая птица, которая летает, еще не орел», — заявляет поэт Р. Гамзатов.

«Человек с самого начала есть человек, организм человека есть человеческий организм и мозг человека есть человеческий мозг, — «поправляет» его психолог Е. Шорохова. И добавляет: — Социальное «сняло» биологическое в человеке, оно не вытеснило его, не уничтожило, но подчинило, включило в новые системы связей и отношений».

Нет, нельзя сказать: а Сфинкс и ныне там... Психологи и педагоги постепенно подбирают ключи к разгадке его тайны, и он бледнеет от рокового предчувствия. Но до того момента, когда ему придется броситься в пропасть, еще далеко. (Кстати, стоит напомнить, что знаменитая загадка Сфинкса, которая стоила жизни многим древнегреческим путникам, была из области... возрастной психологии. Коварный биосоциал спрашивал: «Кто утром ходит на четырех, днем — на двух, а вечером на трех ногах?» А когда сообразительный Эдип назвал детство, зрелость и старость, честный экзаменатор, повинуясь судьбе, ушел из жизни по собственному желанию.)

Нередко, когда речь заходит о влиянии наследственности, внимание как-то соскальзывает на эффектные частности, вроде фамильного носа Бурбонов, традиционной губы Габсбургов или гемофилию потомков английской королевы Виктории по мужской линии. Даже глобальная музыкальность Бахов, которая как кошмар преследовала представителей этого семейства на протяжении трех столетий и гениально воплотилась в Иоганне Себастьяне, частность, хотя и несравненно более существенная, чем форма царственных носов...

А ведь главное в том, что обычно остается «за скобками»: человек может родиться только от человека, и человек в состоянии родить именно человека.

Как известно, утверждение преступной тройки из сказки А. Пушкина — ткачихи, поварихи и сватьи-бабы Бабарихи — о том, что:

Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку, —

было клеветническим. Новорожденный оказался князем Гвидоном.

А может быть, если у живого существа высокоорганизованный мозг, человеческие условия жизни и самоотверженные и умелые люди-воспитатели, оно способно стать человеком, хотя родилось шимпанзе? Когда читаешь историю воспитания обезьянки Вики, которую через несколько дней после рождения «удочерили» супруги Хейс (США), чувство уважения к их научному и жизненному подвигу смешивается с сочувствием и состраданием.

«Когда начинаю писать эту книгу, — рассказывает К. Хейс, — Вики сидит на спинке моего кресла и расчесывает мои волосы. Несколько позже она тянет меня за рукав и зовет: «Мама, мама!» Это значит, что я должна для нее что-то сделать, например, дать ей пить, есть, и только после этого смогу вернуться к прерванной работе».

Идиллическая сценка. Будни были наполнены огромными трудностями, отчаяние сменялось надеждой. Периоды, когда ласковое «интеллигентное» существо превращалось в обременительное «чудовище», сменяли друг друга. За три года человеческой жизни Вики выучилась произносить три слова «мама», «папа» и «кап». («Зато по-английски!» — заметил один юмористически настроенный юноша.) Нет, Вики не стала человеком. Как отмечает известный польский зоопсихолог Я. Дембовский: «Рано или поздно каждый воспитуемый шимпанзе должен окончить свой век в клетке, закрытой на крепкий и нелегко открываемый замок».

Надо родиться человеком!

Но, чтобы стать человеком, одной биологической наследственности мало. Нужна наследственность социальная, необходимо жить среди людей, дети должны общаться со взрослыми. Это так естественно, что даже не замечается. Как воздух, которым дышишь. Законы замечают, когда они нарушаются.

В 1920 году в Индии доктор Синг обнаружил в волчьем логове вместе с выводком волчат двух девочек. Одной из них на вид было лет семь-восемь, другой —

года два. Девочек отправили в воспитательный дом. Сначала они ходили и бегали лишь на четвереньках, причем только ночью, а днем спали, забившись в угол и прижавшись друг к другу, как щенята. Младшая девочка вскоре умерла, а старшая — ее назвали Камалой, — прожила около 10 лет.

Все эти годы Синг вел подробнейший дневник наблюдений за Камалой. Она длительное время ходила на четвереньках, опираясь на руки и колени. Пила, лакая, а мясо ела только с пола, из рук не брала. Когда к ней подходили во время еды, по-волчьи скалила зубы и рычала. Камала хорошо видела в темноте и боялась сильного света и огня. Днем она спала, сидя на корточках в углу, лицом к стене.

Через два года Камала научилась, и то плохо, стоять. Через шесть лет она начала ходить, но бегала попрежнему на четвереньках. В течение четырех лет она выучила только шесть слов, а через семь лет — сорок пять. В дальнейшем лексикон Камалы расширился до ста слов. К этому времени она полюбила общество людей, стала бояться темноты, научилась есть руками и пить из стакана. Достигнув примерно семнадцатилетнего возраста, Камала по уровню умственного развития напоминала четырехлетнего ребенка.

Этот и подобные эксперименты, поставленные жизнью, не только показывают решающее значение окружающей среды, но позволяют подтвердить еще некоторые важные выводы о ходе психического развития ребенка. Дело в том, что ни один ребенок, «воспитанный» животными и потом оказавшийся в среде людей, так окончательно и не преодолел огромного отставания в своем развитии, ни один из них не догнал сверстников, детство которых протекало нормально. Темп их психического развития был чрезвычайно медленным. Подумать только: за десять лет, которые Камала прожила в человеческом обществе в условиях специального целенаправленного воспитания, она выучила только 100 слов. По десять слов в год! В чем причина? Пропущены сензитивные периоды. Произошло необратимое угасание.

С влиянием наследственности чаще всего связывают различные варианты человеческой психики, ее индивидуальные особенности.

Прежде всего важно отметить, что советская психо-

логия и педагогика отрицают теорию наследственности, согласно которой все черты личности человека, его моральный облик и способности предопределены генами, полученными от предков. Будет человек добрым или злым, смелым или трусом, трудолюбивым или лентяем — все, по этой теории, заранее программируется наследственными задатками. Это весьма вредная теория. Прежде всего она нередко представляет собой ширму для тех, кто не хочет или не умеет воспитывать: все недостатки воспитания списываются ссылкой на «дурную наследственность», против которой воспитатели (родители, учителя) бессильны.

Иногда даже дети незаметно для окружающих усваивают «теорию наследственности».

— Нет, Мария Ивановна, — говорит пятиклассница учительнице, — уж вы и не старайтесь меня арифметике научить: моя мама математику не понимала, сестра старшая всегда по этому предмету двойки получала. Неспособные мы к математике!

Теория наследственности вредна и в политическом отношении: она провозглашает «природное» неравенство способностей людей различных рас и национальностей. И жизнь, и педагогический опыт, и наука убедительно опровергают эти измышления. К какой бы расе или национальности ни принадлежал ребенок, он может при соответствующих условиях достичь высоких уровней развития.

Тогда, может быть, правы те, кто считает, что все люди рождаются с одинаковыми природными задатками и если хорошо постараются воспитатели, а потом как следует поднажмут подросшие дети, то каждый сможет стать в один ряд с Моцартом или Репиным? По вкусу родителей.

У писателя Д. Гранина есть прекрасная статья — исследование под характерным названием «Священный дар» в которой, между прочим, остроумно развенчивается сей неоправданный оптимизм.

«Все мы, — пишет автор, — побывали в шкуре Сальери. С годами уяснялось, что, несмотря на наше решение, сие от нас не зависит, и все же иногда честолюбие взрывалось — почему другие, почему Чкалов, Циолковский, Чехов, а не я? Казалось, все отдал бы, чтобы сравняться.

Было даже ощущение обиды, как будто тебя обману-

ли. Ведь еще в школе нам твердили: все гениальные люди добились успеха своим трудом, усердием. Цитировали изречения авторитетов. Каждый авторитет предлагал свой вариант, и все выглядело так заманчиво-утешающе... Это целая наука. Ею издавна владели алхимики разных искусств. Они ловко разлагали на составляющие понятие гения. Выясняли его формулу. Колдовали, подменяя неуловимое доступными любому честолюбцу качествами: трудолюбие, память, внимание, наблюдательность.

Призывали на помощь психологию, физиологию, вплоть до кибернетики. С присущей молодой науке самоуверенностью, кибернетика поначалу сразу установила, что гений не что иное, как способность отбора, быстрота отбора решений.

Верующие старались. Торопились отбирать решения, добросовестно переписывали, трудились, изучали жизнь, искали важные, актуальные темы, были терпеливы, энергичны, весьма энергичны. Толстой переписывал «Войну и мир» восемь раз. Восемь? Они готовы были переписывать десять, двадцать раз.

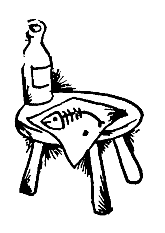
Секрет гения пробовали и так и этак. Подсчитывали извилины. Обмеряли мозг... Изучали родословную, черновики, влияние солнечных пятен... Гений раздражал своей неуловимостью... Было бы славно определять гениев по размеру шляп. Или по количеству напечатанного. Навести какой-то порядок. Допустим, отбирать их в раннем возрасте по тестам, чтобы выводить коэффициент умственного развития».

Что ж, не каждому дано быть гением. Приходится с этим смириться. А психологам и педагогам необходимо кропотливо трудиться во имя того, чтобы каждый родившийся смог стать тем, кем он может стать, состояться на самом своем высоком уровне. А это не так уж и мало!

И дело это не только сугубо личное. Недаром программа построения коммунизма в нашей стране органически включает и перспективу гармонического развития способностей каждого человека. Талант у нас — богатство общенародное!

КАК МЫ УЗНАЕМ О ТОМ, ЧТО ЗНАЕМ

— Скажите, только откровенно: вам никогда не казалось странным — знаменитые философы, в историю вошли, а такие глупости пишут...

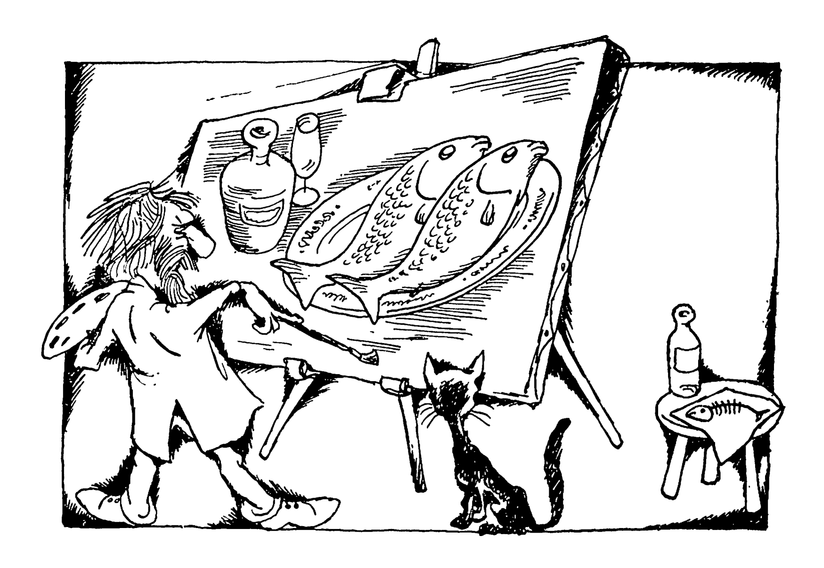
— О чем это вы?

— Да вот, говорят же идеалисты, что ничего в мире нет, кроме их собственных ощущений...

— Притворяются небось!

— Что-то непохоже.

Странные люди населяют мир, созданный замечательным польским писателем-фантастом С. Лемом. Приглядишься поближе, и фантастики-то вроде никакой нет. Есть напряженная мысль человеческая, которая проникает в такие уголки жизни, что порой страшно становится. Писатель, как его мыслящий Океан из «Соляриса», выискивает в нашей душе потаенные островки и выносит их на свет, на суд, на размышление. Среди рассказов одного из героев С. Лема, заслуженного звездопроходца Ийона Тихого, есть один, может

быть, самый простой по форме и парадоксальный по содержанию. Наш герой приходит в гости к отшельнику — профессору Коркорану, который встретил его не очень обычным вопросом: «Что вы думаете о духах?»

А дальше — мрачный подвал, запыленная лампочка под потолком освещала полки, на которых «стояло десятка полтора металлических ящиков, знаете, как выглядят те сундуки с сокровищами, которые в легендах закапываются корсарами?»

Но в ящиках были не сокровища. В них, если хотите, содержалась одна из так называемых «вечных тайн мироздания», но не будем забегать вперед. Очень важно внимательно проследить ход рассуждений странного профессора, в которых причудливо смешана истина с заблуждениями:

«Каждый из этих ящиков содержит электронное устройство, наделенное сознанием. Как наш мозг. Строительный материал иной, но принцип тот же. На этом сходство кончается. Ибо наши мозги — обратите внимание! — подключены, так сказать, к внешнему миру через посредство органов чувств: глаз, ушей, носа, чувствительных окончаний кожи и так далее».

Обратим внимание на то, что до сих пор слова профессора совершенно справедливы, и он получил бы пятерку у любого преподавателя психологии или философии. Наше «я» действительно подключено к окружающему миру через органы чувств. В. Ленин сочувственно цитировал слова французского мыслителя Д. Дидро: «Наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа».

Она пришла с мороза
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Но, может быть, нет мороза, нет аромата воздуха и духов, нет звонкого голоса, а она, раскрасневшаяся, тоже всего лишь игра «сумасшедшего фортепиано», а не прекрасная, загадочная, но реальная и вполне земная незнакомка А. Блока.

Именно так думал английский епископ Беркли: «Esse est percipi — «быть — это быть воспринимаемым». «Я говорю: стол, на котором я пишу, существует, — это значит, что я вижу и осязаю его...» А если не вижу и не осязаю?

Уже его современники обратили внимание на то, что подобные рассуждения ведут ни более ни менее как к отрицанию существования других людей.

«Если я могу обладать сознанием только того, что происходит в моем собственном уме, — писал один из них, — и если я не могу доверять своим чувствам, когда они свидетельствуют мне о внешнем и независимом существовании, то отсюда следует, что я — единственное существо в мире; по крайней мере, мои чувства не могут убедить меня в каком-либо ином бытии, телесном или духовном».

Но пора возвратиться к профессору Коркорану, тем более что он, кажется, нашел еще один, тысяча первый способ усомниться в реальности окружающего мира.

«— У этих же, здесь, — вытянутым пальцем он показывал на ящики — внешний мир там, внутри их...

— Как же это возможно? — спросил я, начиная кое о чем догадываться. Догадка была смутной, но вызывала дрожь.

— Очень просто. Откуда мы знаем, что у нас именно такое, а не иное тело, именно такое лицо? Что мы стоим, что держим в руках книгу, что цветы пахнут? Вы ответите, что определенные импульсы воздействуют на наши органы чувств и по нервам бегут в наш мозг соответствующие сигналы. А теперь вообразите, Тихий, что я смогу воздействовать на ваш обонятельный нерв точно так же, как это делает душистая гвоздика, — что вы будете ощущать?

— Запах гвоздики, разумеется, — отвечал я.

Профессор кивнул, словно радуясь, что я достаточно понятлив, и продолжал:

— А если я сделаю то же самое со всеми вашими нервами, то вы будете ощущать не внешний мир, а то, что я по этим нервам протелеграфирую в ваш мозг... Понятно?

— Понятно.

— Ну так вот. Эти ящики имеют рецепторы, органы, действующие аналогично нашему зрению, обонянию, слуху, осязанию и так далее. Но проволочки, идущие от этих рецепторов, подключены не к внешнему миру, как наши нервы, а к тому барабану в углу... Это их судьба, их мир, их бытие, все, что они могут достигнуть и познать... Знойные ночи юга и рокот волн — это тела зверей и грохот пальбы, это похороны и пьянки, вкус

яблок и груш; снежные метели, вечера, проведенные в семейном кругу у пылающего камина, и крики на палубе тонущего корабля, и горные вершины, и кладбища, и бредовые галлюцинации, — Ийон Тихий. Там весь мир!»

Картина искусственных миров, искусственных личностей, созданная мрачным гением профессора Коркорана, так впечатляет и озадачивает, что, когда знакомят с ней студентов, на лекции возникает та прекрасная тишина, которая знаменует рождение самостоятельной мысли или хотя бы нового настоящего вопроса к самому себе или к наставникам.

А дальше Коркоран рисует увлекательные биографии сконструированных им личностей.

«— Этому, — он показал на первый ящик с краю, — кажется, что он — семнадцатилетняя девушка, зеленоглазая, с рыжими волосами, с телом, достойным Венеры... Этот второй — некий ученый. Он уже близок к построению общей теории тяготения, действительной для его мира, границами которого служит металлический корпус барабана...

Приблизившись к полкам, он показал на ящик, стоящий отдельно, выше остальных.

— Это безумец моего мира, — произнес он, и его лицо изменилось в улыбке...

— Знаете ли вы, до чего дошел он в своем безумии, которое обособило его от других? Его безумие концентрируется в мысль, за которую его вскоре заключат в сумасшедший дом... что он сам является железным ящиком так же, как и все, кто его окружает, что люди — лишь сложные устройства в углу старой запыленной лаборатории, а мир, его очарования и ужасы—это только иллюзии».

И конечно, из всего увиденного и услышанного Ийон Тихий, как и любой бы другой на его месте, делает неизбежный и по-своему безупречный вывод:

« — Но тогда возможно и то, что хозяин запыленной лаборатории, в которой мы стоим на полках, сам тоже ящик, построенный другим, еще более высокого ранга ученым. И так до бесконечности».

Вот уж воистину: от ящика слышу.

Но если, кроме шуток, то выбраться из подобного ящика, вернее заколдованного круга, не так просто. На самом деле, как говорил В. Ленин, «иначе как через

ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем».

Но связывают ли нас образы восприятий с окружающим миром, похожи ли они на то, что их вызывает? А что, если это только условные знаки, иероглифы действительности, если ощущения отделяют нас от окружающего, и мы как белка в колесе кружимся в собственных иллюзиях?

В прошлом веке физиолог И. Мюллер привел, казалось бы, убедительные доказательства того, что мы воспринимаем особенности работы собственных органов чувств, и ничего больше. Его опыты легко воспроизвести. Известно, что с помощью глаза мы воспринимаем свет, цвет; уха — звуки; языка — вкус и т. д. Но что произойдет, если ударить по глазному яблоку (не сильно, конечно!)? Совершенно верно. Искры из глаз посыплются. Световые ощущения. А если подействовать на сетчатку слабым электрическим током? Опять-таки искры, так называемый «фосфен».

Что же получается? Чем бы ни подействовать на глаз — всегда свет?!

А ухо? Совершенно верно: легкий удар — звон, слабый ток — звон... Даже, казалось бы, безотказный и реалистичный язык (не поверю, пока не попробую!) и тот порой нас обманывает: клеммы батарейки карманного фонаря... кислят!

Но эти факты скорее исключение, чем правило. И вызваны они тем, что наши органы чувств приспособились воспринимать определенные виды энергии, но сами их, конечно, не порождают.

А главная и единственная гарантия того, что человек правильно отражает окружающий мир, — это успешная деятельность по его освоению и преобразованию.

— Не поймешь этих поэтов: один — «просит бури», другой — «тишины хочу, тишины»...

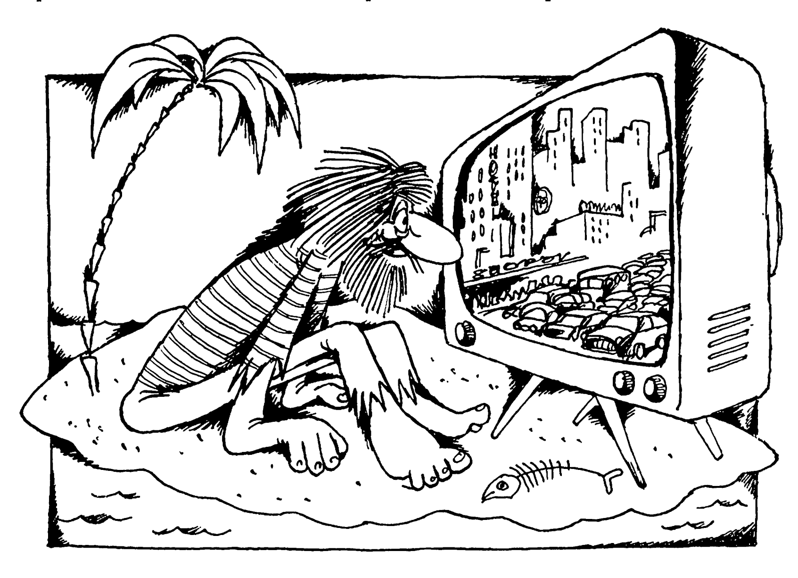
— А вам лично чего хочется?

— Вопрос трудный. Как говорится, всегда чего-то не хватает...

Чтобы выжить, любой организм должен быть в равновесии с окружающей средой. В самой непосредственной и прямой форме это означает усвоение того, что

полезно, и выведение того, что вредно. Отсюда — стремление к положительным воздействиям и желание избежать отрицательных. Когда человеческому организму не хватает каких-либо питательных веществ, на психологическом уровне это переживается как эмоция голода, не хватает воды — жажда. Сколько же у человека таких жажд? Сразу приходит на память пушкинское: «духовной жаждою томим...»

Оказывается, одна из самых острых жизненных потребностей человека... потребность в нормальном потоке

ощущений, которые буквально питают человеческий мозг, доставляют ему живительные и совершенно необходимые впечатления.

Пять всем известных органов чувств (на самом деле их значительно больше) собирают информацию из внешней для организма среды в виде света, цвета, звука, запахов, вкусов, температуры, прикосновений. Внутренние органы чувств сигнализируют о состоянии сердца и печени, почек и желудка, мышц и кровеносных сосудов. Все эти многочисленные сенсорные (сенсус — ощущение) каналы сливаются в могучую реку, которая омывает и питает наш мозг не белками и углеводами, не витаминами и водой — информацией.

И нехватка каждого из сортов информации вызывает свой вариант жажды, голода, желания... «Желание, — писал И. Сеченов, — как с психологической, так и физиологической точки зрения можно вообще поставить рядом с ощущением голода. Зрительное желание отличается от голода, жажды сладострастия лишь тем, что с томительным ощущением, общим всем желаниям, связывается образное представление; в слуховом, рядом с томлением, является представление звука и пр.»

Гениальный ученый до испытаний в сурдокамерах и космической психологии понял: для нормальной психической деятельности, для того, чтобы человек чувствовал себя здоровым и бодрым, необходим полноводный поток ощущений. А если нет? Тогда возникают грозные явления, которым эта проблема — сенсорный голод — обязана тем, что вошла во все пособия по космической медицине, биологии и психологии.

Необходимый поток ощущений в нормальных жизненных условиях достигается как бы автоматически. Под нормальными условиями здесь можно понимать два жизненных ряда.

Во-первых, должны быть в исправности те физиологические приборы, которые отвечают за сбор информации: глаза должны видеть, уши — слышать, нос — обонять и т. д. (Строго говоря, с психологической точки зрения, сам процесс зрительного восприятия или любого другого восприятия происходит не в глазу или другом внешнем органе, а в результате сложных взаимодействий в соответствующих зонах коры больших полушарий головного мозга. Но нас теперь интересует другая сторона дела.)

Во-вторых, необходимы внешние предметы и явления, внешние раздражители, которые можно было бы разглядывать, прослушивать, нюхать, пробовать, щупать и т. д.

Академик И. Павлов описывает следующие клинические случаи: «...у проф. Штрюмпеля случайно оказался в больнице больной, у которого была настолько повреждена нервная система, что из всех воспринимающих поверхностей остались только два глаза и ухо. И вот, как только эти последние уцелевшие окна из внешнего мира закрывались, больной тотчас же впадал в сон. Таким образом, получалось полное подтверждение того, что для бодрственного, деятельного состояния больших

полушарий необходим известный минимальный приток раздражений. Совсем недавно мне... пришлось видеть подобный же случай... Когда у него (больного. — *Я. К.*) открыты здоровое ухо и здоровый глаз, он вас вполне понимает, может читать и писать. Но как только вы ему закроете либо ухо, либо глаз... он непременно впадает в забытье и ничего из того, что происходило с ним в этот промежуток, не помнит».

Совершенно естественно, что люди переживают потерю любого из каналов связи с окружающей средой как величайшую трагедию. С потерей органа чувств не просто выпадает какая-то часть из спектра переживаний, перестраивается вся личность, все ее жизненные отношения к окружающим людям.

У швейцарского писателя М. Фриша есть удивительная книга «Назову себя Гантенбайн». Не роман, скорее художественно-психологическое исследование. Впрочем, как и всякий хороший роман. Герой непрерывно меняет свои маски, попадает в различные жизненные обстоятельства, а автор как психолог-экспериментатор следит, что получится, если...

Одно из этих *если:* герой — слепой по имени Гантенбайн. Все в его жизни меняется — слепота не просто физиологическое или даже психологическое состояние, это особая социальная роль, которая требует и от исполнителя, и от окружающих вполне определенного поведения. Но Гантенбайн только для жуткого опыта (у него уже есть литературный предшественник — «великий слепой» Паниковский из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова) надел темные очки, желтую повязку на рукав и взял палочку, а если на самом деле...

Невозможно без глубокого волнения читать признания оглохшего Л. Бетховена. Вот отрывок из его «Гейлигенштадтского завещания». «О люди, вы, которые меня ославили и сами считаете меня озлобленным, сумасшедшим или человеконенавистником, о, как вы несправедливы! Вы не знаете той скрытой причины, по которой я кажусь вам таким. По природе пылкий и деятельный, даже не чуждый светских развлечений, я еще юношей вынужден был отказаться от людского общества и вести одинокую жизнь. Если иной раз я и пытался преодолеть это, каким жестоким испытанием было для меня всякий раз новое подтверждение моего увечья. И мне невозможно было сказать людям: «Говорите со

мной громче, кричите, потому что я глухой!...» Простите же меня за то, что я вынужден сторониться всех, меж тем как мне хотелось бы быть среди вас. Мое несчастье для меня тем мучительнее, что я из-за него остаюсь непризнанным. Мне не дано находить вдохновение в обществе людей, в тонкой беседе, во взаимной откровенности. Один, совершенно один!.. Я должен жить как отверженный. Едва только я попадаю в какое-нибудь общество, как меня охватывает чувство мучительного страха, я боюсь себя выдать, боюсь, что люди заметят мое несчастье».

Впрочем, как всегда, в психологии даже столь трагические явления, как потеря слуха, переживаются людьми по-разному в зависимости от общего рисунка личности. Может быть, М. Шагинян иронизирует, может быть, невольно преуменьшает значимость несчастья, которое с ней произошло, но она оценивает потерю слуха совсем иначе.

«Глухота моя, — читаем мы в удивительной книге «Человек и время», — стала заметной, я уже начала вытягивать голову в сторону говоривших со мной. Тетки и особенно тетя-крестная, считавшая себя ответственной за судьбу мою и Линину, обратила на это внимание.

— Может помешать замуж выйти — кому приятно жениться на глухой! А не выйдет замуж — как она сможет зарабатывать?

Самой мне, честно говоря, глухота никогда не мешала, она даже утепляла, укутывала меня — и с годами все больше, все удобней».

По преданию, некоторые философы древности ослепляли себя для того, чтобы внешние впечатления не мешали самосозерцанию. Но исключения лишь подтверждают правило.

В космонавты отбирают абсолютно здоровых, и здесь при длительных полетах грозит сенсорный голод второго рода — черное безмолвие космоса. В кабине все привычно, ничто не радует глаз, возникает состояние, которое народ именует универсальным и точным термином «скука». А ученые — сенсорная депривация. Впервые ее описали исследователи глубоких пещер и полярные исследователи. В наши дни скуку, то бишь сенсорную депривацию, сенсорный голод создают искусственно и изучают в особых условиях.

Например, испытуемого в специальном снаряжении погружают в воду, так что полностью прекращается поток зрительных, слуховых, обонятельных и вообще всех внешних ощущений. А что происходит при этом с внутренним миром человека? Очень многое: обманы чувств, потеря ощущения собственного «я», нарушения в эмоциональной сфере и прочие неприятности. Недаром это одно из самых тяжелых испытаний для будущих космонавтов.

Есть смысл вместе с одним из них — героем цикла рассказов С. Лема Пирксом, погрузиться в специальную камеру, которую курсанты остроумно назвали «баней», и испытать все прелести строгой сенсорной депривации. Тем более в этом есть резон, во-первых, потому, что все психические явления описаны С. Лемом с бесспорной научной достоверностью (специально проверено), во-вторых, даже у инженеров этот путь — поставить себя на место работающей детали и почувствовать то, что должна «переживать» она, входит в моду. Тем более эффективна такая идентификация для начинающих психологов.

«...Пустота становилась тревожной. Прежде всего он перестал ощущать положение собственного тела, рук, ног. Он еще помнил, в какой позе лежит, но именно помнил, а не ощущал. Дальше он обнаружил, что у него уже нет ни туловища, ни головы — вообще ничего. Пиркс будто растворился в воде, которую тоже совершенно перестал ощущать. Нечем было шевельнуть: руки исчезли. Потом стало еще хуже. Темнота, в которой он находился, или, точнее, темнота — он сам, заполнилась слабо мерцающими кругами — круги эти даже и не светились, а смутно белели...»

Но зрительные и слуховые феномены, эти мерцания, мелькания, шумы и гулы были лишь безобидным прологом, игрушкой по сравнению с тем, что началось потом.

«...Он распадался. Он был немного здесь, немного там, и все расползалось. Верх, низ, стороны — ничего не осталось... Он вселился в кого-то. И этот кто-то раздувался. Распухал. Становился безграничным. Он кружился. Вращался. Глазные орбиты без лица, округлые, вытаращенные, расплывающиеся, если пробовать им сопротивляться, наступали на него, лезли в него, расширяли его изнутри, словно он резервуар из тонкой пленки, готовый вот-вот лопнуть.

И он взорвался».

Но, кажется, хватит. Теперь понятно, что означает сенсорная депривация. Стоит только еще раз напомнить: Лем ничего не придумал. В протоколах научных опытов есть и более впечатляющие картины психических изменений, причиной которых является недостаток чувственных сигналов.

Так да здравствует пение птиц и плохая звукоизоляция, шум ветра и телевизор у соседей, вспышки молнии и шейк на пятом этаже! И долой сенсорную депривацию!

— У меня были такие духи, что мужчины оборачивались и шли за мной по пятам.

— Не очень далеко, кажется.

— Не беспокойтеесь, главное сделано: когда понравилось хоть что-нибудь, нравится все!

— Выходит: переплатил за духи — выиграл впечатление?

Когда утверждают, что ум с сердцем не в ладу, забывают одно важное обстоятельство: само познание начинается с... эмоции, с сердца. Уже, так сказать, с порога оценивает организм поступившую через органы чувств информацию по простой, но надежной двоичной системе: приятно — неприятно. Цвета и звуки, запах и вкусы, прикосновения и температура еще до анализа, до рассуждения оказывают на человека непосредственное эмоциональное воздействие. Потом пойдет оценка, суд разума, потом выяснятся исключения и противоречия: приятно, но вредно; красиво, но опасно; привлекательно, но порочно.

Как характерны и знаменательны эти сдерживающие, тормозящие, многоумные и многоопытные «но». Они означают, что есть закон, есть генеральная тенденция, повелительная сила природной ориентировки, которым однако... Но, однако, все же, тем не менее... и т. д. О лингвистические воплощения осмотрительности и здравого смысла, слава вам! Еще не знаешь, что «но», но если оно есть, надо быть настороже...

Итак, оценки, которым, однако, не всегда, далеко не всегда, можно доверять. Все ощущения приятны или неприятны, все имеют эмоциональный тон, эмоциональный

аккомпанемент. Нежный звук флейты воздействует совсем иначе, чем скрежет тормозов на пустынном шоссе.

Особенно сильна эмоциональная власть запахов. Как будто на этом плацдарме они отвоевывают то, что отнято у них могучими соперниками — цветом и звуками. Власть запахов. Говорят, на острове Гаити можно встретить такую рекламу духов: «Привлекают мужчин и отпугивают комаров». Впрочем, бывает, что все наоборот.

«Почему, — писал Ф. Искандер, — так сильна над

нами власть запахов? Почему никакое воспоминание не может с такой силой всколыхнуть пережитое, как связанный с ним знакомый запах? Может, дело в его неповторимости, ведь запах нельзя вспомнить отдельно от него самого, так сказать, повторить воображением. А зрительные и слуховые впечатления мы часто повторяем своими воспоминаниями, и, может быть, потому в конце концов они притупляются».

Мысли интересные, но спорные. Прежде всего запах можно повторить воображением. Разве когда на киноэкране герой закуривает сигарету, многие зрители не ощущают запах табачного дыма? Есть даже обонятельные галлюцинации.

Другое дело — запах действительно неуловим. Не существует даже общепринятой классификации. На самом деле — цвета: красный, оранжевый, желтый и так далее до фиолетового, вкусовые ощущения: кислое, соленое, сладкое, горькое... А запахи? Чаще всего их называют по пахнущему предмету: цветочные, фруктовые и т. д.

Теории воздействия запаха на организм тоже фактически нет. И описывать запах очень трудно. Даже поэтам. У И. Сельвинского:

Запах... Вдыхаю невольно
Это холодное пламя...
Оно омывает память,
Как музыкальные волны.

Чтобы описать эмоциональное воздействие запаха (стихотворение называется «Шиповник»), поэту пришлось привести в действие могучий арсенал почти всех наших чувственных восприятий.

В этом, наверное, отразилась одна важная общая закономерность: в наших ощущениях и восприятиях все связано со всем. И вот мы говорим о теплых звуках и холодных тонах, о сладких трелях и... горьких воспоминаниях. Недаром в коре большого мозга все рецепторные зоны плавно переходят друг в друга, и нет резких между ними границ. Не поэтому ли все, что вокруг нас, имеет и цвет, и звук, и запах, и вкус? Прекрасную вкусовую палитру наших чувств описал В. Солоухин.

Какого вкуса чувства наши —
И скорбь и лютая тоска?
И впрямь горька страданий чаша?
Любовь и впрямь как мед сладка?

Горчинка легкая в стакане
У грусти явственно слышна.
Живая соль на свежей ране,
Когда обида солона.

Среди страстей, среди боренья
Я различить тотчас берусь
И резко-кислый вкус презренья,
И кисловатый скуки вкус.

Под вечер горькая услада,
И на просвет почти черно
Вино дождя и листопада,
Печали терпкое вино.

Но все оттенки бред и бренность,
И ничего не слышит рот,
Когда стоградусная ревность
Стаканом спирта оплеснет.

Все так. И пусть. И горечь тоже.
Приемлю мед, приемлю соль.
От одного меня, о боже,
По милосердию уволь:

Когда ни вьюги и ни лета,
Когда ни ночи и ни дня,
Когда ни вкуса и ни цвета,
Когда ни льда и ни огня!

Легко заметить, что в последней строфе автор просит уберечь его от... сенсорной депривации. Кстати сказать, она может возникнуть по вине замечательного и полезнейшего свойства наших органов чувств в совершенно обычных жизненных условиях без всякой сурдокамеры. Привыкание, приспособление органа чувств к действующему раздражителю, иначе — адаптация. Чтобы основательно познакомиться с этим явлением, не нужны приборы и лаборатории.

Что происходит, когда из ярко освещенной комнаты человек выходит в темную прихожую? Совершенно верно. В первые мгновения он ничего не видит, а потом начинает различать окружающие предметы. Точно такое же явление, но с обратным знаком наблюдается и при переходе от сумеречного освещения к яркому свету: сначала свет слепит глаза, а потом наш глаз перестраивает свою деятельность, чувствительность понижается, и человек нормально воспринимает окружающее.

В первом случае — от света к сумеркам — говорят об адаптации к темноте, во втором — об адаптации к свету.

Мы не ощущаем привычной одежды, рецепторы кожи адаптировались. По этой же причине вода, которая поначалу казалась слишком горячей или слишком холодной, через несколько минут уже вообще почти перестает ощущаться. Адаптация повинна в том, что бабушка ищет очки, которые преспокойно сидят у нее на лбу... Из-за адаптации даже самые изысканные духи очень быстро перестают ощущаться. Но ведь и неприятные запахи тоже.

Адаптация — это строгое психофизиологическое явление. Но как удержаться психологу от не столь строгих, но безусловно жизненных аналогий? Грозная эмоциональная адаптация. То, что вчера волновало, будоражило, радовало, приводило в восторг, сегодня уже оставляет равнодушным, спокойным. И чтобы вновь всколыхнуть, нужны новые раздражители. Когда-то, предостерегая родителей, прогрессивный русский педагог П. Лесгафт говорил: «Сначала конфета, потом — конфета с ромом, потом ром с конфетами, потом просто — ром...»

Как часто люди теряют интерес друг к другу из-за того, что в первый же период знакомства в ход были пущены орудия главного калибра и не осталось резервов...

А в последние годы заговорили и о социально-психологической адаптации. Человек в новом коллективе тоже должен как-то перестроиться, приспособиться, прижиться. Но глаз перестраивается автоматически, а здесь все посложнее. И главное различие вот в чем: когда орган чувств перестраивает свою работу под влиянием действующих раздражителей, он не меняет ничего в окружающей среде. От того, что человек вошел в темную комнату, там светлее не стало, вода в озере не нагрелась от нашего присутствия в нем, а молекулы душистого вещества не исчезли из-за того, что ими уже «надышались». Изменилось только ощущение.

Совсем иначе протекает социально-психологическая адаптация к новым людям. Здесь мы сами активно воздействуем на других. От нашего поведения, слов, мимики, жестов зависит вся ситуация общения, ее температура и освещенность. И часто мы сами — кузнецы собственных неудач в новых для нас группах и коллективах.

У одних процесс социально-психологической адаптации протекает стремительно и безболезненно: недели не прошло, а он уже перестал быть новичком. Свой парень! Другие нуждаются в помощи. И лучший психотерапевт здесь — комсомольский вожак, который постарается сделать так, чтобы новенький побыстрее освоился в полном смысле этого слова: стал своим в коллективе, о котором уже говорит «мы». И очень важно, чтобы это «мы» звучало гордо.

— На ромашках гадают: любит — не любит. Мистика одна, и никакой надежности...

— А вы точный прибор изобрели?

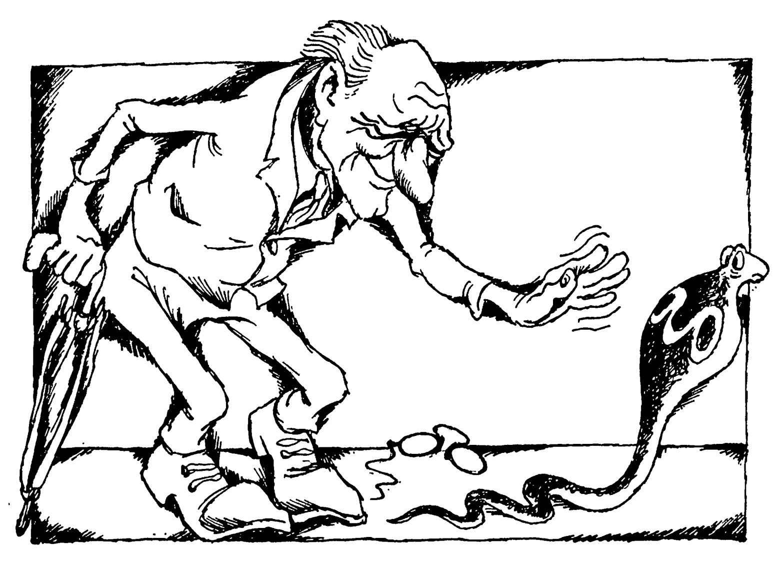
— И изобретать не надо: как начнет на часы поглядывать, пиши пропало. Надоел...

— А может, просто спешит куда-нибудь.

— Когда любят, не спешат!

Достаточно ли у человека органов чувств для познания всего многообразия окружающего мира? Более 80 процентов всей информации доставляет нам «солнечный орган» — глаз. Поистине, как сказал Э. Межелайтис:

Глаза — широкие ворота.
Весь мир проходит через них.
Ищет спросу и отчета
добро и зло мастей любых...
Все, что вне нас
и вокруг нас,
вбирает, поглощает глаз.

Но все ли? В книге известного исследователя психологии зрительного восприятия Р. Грегори «Глаз и мозг» помещена очень впечатляющая схема: на вертикальную шкалу нанесены обозначения электромагнитного

спектра от длинных радиоволн до гамма-лучей. Оказывается, мы в состоянии воспринять как свет и цвет лишь ничтожную, удручающе узкую полоску излучений. Мы почти слепы!

Пусть так, но откуда мы знаем о существовании всего спектра, о микробах и вирусах, загадочном микромире и обратной стороне Луны?

Видит не глаз сам по себе, человек всматривается в мир через мощную линзу своего разума, который преодолевает физиологическое несовершенство нашей телесной организации.

Именно разум дал нам крылья для покорения пространства и времени. (Не хотелось бы, правда, получить «вместо сердца — пламенный мотор» или еще что-либо железное, но из песни слова не выкинешь. Впрочем, в эпоху, когда возможна трансплантация самого сердца, подобная операция едва ли представляет особые технические трудности.)

Итак, мы покоряем пространство и время. С первым все более или менее ясно. В том смысле, что есть вполне очевидные, оче-видные, средства для его познания. В результате сложных взаимодействий, зрительных и двигательных ощущений человек воспринимает величину и форму предметов, их взаимное расположение и удаленность. При этом, как показали специальные исследования, как бы снимаются мозговые модели, слепки окружающего. Но как моделируется время, как оно непосредственно воспринимается и оценивается?

Исследования физиологических законов деятельности нашего организма показали, что сам организм весь подчинен законам ритма и времени.

Как мы вообще отмечаем время? Мы делаем это при помощи разных циклических явлений, захода и восхода солнца, движения стрелок по циферблату часов и т. д. Но ведь у нас в теле этих циклических явлений тоже немало. Головной мозг за день получает раздражения, утомляется, затем восстанавливается. Пищеварительный канал периодически то занят пищей, то освобождается от нее, и т. д.

На то, что «внутренние часы» тесно связаны с общим состоянием психики, указывают многочисленные факты поломок. И починкой здесь занимаются чаще всего психиатры.

Больные в депрессивном, подавленном состоянии

переоценивают время. Оно тянется для них томительно и долго.

— Будто мертво все. Замер весь мир, — жалуется женщина. — Точка. Люди движутся чересчур медленно. Все уплывает куда-то. Время остановилось. Оно текло и замерло. Я умерла или никогда не умру. Я знаю, что стрелка движется на ваших часах, но это лишь одна видимость движения... Вы приходите ко мне из другого времени.

А в состоянии повышенного возбуждения, в маниакальном состоянии у тех же больных восприятие времени резко меняется:

— Я не успеваю встать, как снова ложусь. Когда я сажусь за стол, я думаю, что уже конец обеда и нужно встать. Я иногда удивляюсь, неужели за две-три минуты я успела пообедать. Я часто отказываюсь верить, когда мне говорят, что прошло несколько часов. Неужели время может так быстро идти? Почему это так? Почему оно течет не так, как мне кажется?

Психологическая относительность времени связана с деятельностью человека, богатством его восприятий, его мыслями и чувствами, со всей направленностью личности, ее историей. Кстати сказать, в условиях сенсорной депривации, когда поток впечатлений резко сокращается, а привычные временные ориентиры отключены, расстраиваются и внутренние часы.

В книге «Один в глубинах земли» французский спелеолог М. Сифр, который провел почти 63 дня в пропасти Скарассон на глубине 135 метров в темноте пещеры без часов и других указателей времени, рассказывает об интересных явлениях, связанных с расстройством биологических часов. Через тысячу часов (более 40 суток) ему казалось, что прошло всего лишь 25 суток. А когда добровольное заточение окончилось и друзья пришли за М. Сифром, он заявил: «Если бы я знал, что конец так близок, я бы давно съел оставшиеся помидоры и фрукты».

Оказывается, субъективное убыстрение течения времени отмечали и другие покорители пещер. Вот как этот удивительный факт описывает Н. Кастере:

«Казалось бы, в недрах земли человек осужден на однообразное существование, скуку, неудобства, что там он испытывает неуверенность, страдает от холода и сырости и что все эти невзгоды способны превратить

минуты пребывания под землей в долгие часы. Действительно, в подобных условиях быстро теряется представление о времени, но, как ни парадоксально, время в пещерах течет быстрее, чем на поверхности».

Парадоксальность этого явления в том, что оно противоречит основному закону психологической относительности времени: временные отрезки, заполненные интересной, эмоционально насыщенной деятельностью, недооцениваются, а время, связанное со скукой или ожиданием, переоценивается. Этот закон, пожалуй, лучше всех сформулировал С. Маршак:

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течет
Ненагруженное, пустое,
Часов и дней напрасный счет.

Пусть равномерны промежутки,
Что разделяют наши сутки,
Но, положив их на весы,
Находим долгие минутки
И очень краткие часы.

Мы — современники одной из величайших психологических революций в восприятии времени. Мы, кажется, физически ощущаем его стремительный бег, его неумолимую последовательность, невозвратимость и ни с чем не сравнимую личностную ценность. Если для буржуа высшая оценка времени — «время — деньги», то для нас время — новые знания, время — новые впечатления, время — новые мысли, время — новые деяния. Из времени строим мы свою личность. Исчезает время — распадается связь времен, распадается личность. «Я» — это всегда синтез: «я» вчерашний, «я» сегодняшний, «я» завтрашний. «Время, вперед!» — великий лозунг нашей эпохи.

Психологическую относительность времени можно рассматривать не только как его различную личностную оценку в зависимости от «содержимого» наших чувств и нашей деятельности. Она проявляется и в двойной исторической экспозиции. Первая экспозиция — это различия в восприятии времени в разные

исторические эпохи. Вторая — история восприятия времени в ходе развития каждого человека от рождения до кончины.

«Человек, — говорит советский историк А. Гуревич, — не рождается с чувством времени. Его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит».

Первобытный человек знал лишь недавнее прошлое и непосредственное будущее. Пространство и время для него выступало в качестве могущественных таинственных сил, которые могут быть добрыми и злыми. Долгие века прошли, прежде чем люди пришли к идее необратимости времени. Им казалось, что все всегда существует, а то, что сегодня отмирает, завтра возрождается в неизменном виде. «Ничто не ново под луной».

«Завтра, — говорили американские индейцы, — это только другое имя для сегодня».

Выразительный символ древнеиндийского, например, понимания времени — колесо. Колесо космического порядка извечно движется, это постоянно возобновляющийся круговорот рождения и смерти.

Медленно текло время и для жителя средневековой Европы. Главным ориентиром суток был звон церковных колоколов.

«Поскольку, — рассказывает А. Гуревич, — темп жизни и основных занятий людей зависел от природного ритма, то постоянной потребности знать точно, который час, не существовало... не дорожили временем, и привычного деления на части дня было вполне достаточно, понятия о минуте как отрезке времени и интегральной части часа не было. Даже после изобретения и распространения в Европе механических часов они очень долго не имели минутной стрелки, которая стала их неотъемлемой деталью не раньше XVI века».

Для средневековья наглядный образ времени — это канат, протянутый с востока на запад и изнашивающийся от ежедневного свертывания и развертывания. И только лирические поэты уже тогда почувствовали и выразили психологическую относительность времени: в горе и в порывах страсти герои забывают о времени, оно меняет для них свое привычное течение. Сгорая от нетерпения поскорее соединиться со своей невестой, один из героев скандинавского эпоса «Старшей Эдды» восклицает:

Ночь длинна,
две ночи длиннее,
как вытерплю три!
Часто казался мне
месяц короче,
чем ночи предбрачные.

Так, пожалуй, мог сказать уже Ромео. А что касается Джульетты, то для нее:

В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотни лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.

— Ой, сколько на твоих? Неужто целых два часа пролетело?

— Только два? Остановились, видать.

«Прекрасное мгновенье, не слишком ли ты подзатянулось?» — это из А. Вознесенского. А дальше из В. Шекспира: «С одним время идет шагом, с другим бежит, с третьим скачет, а с четвертым стоит, не двигаясь с места».

Психологическая относительность времени... Если социолог, который проводит интервью (а попросту говоря, задает ни в чем не повинному человеку множество всяких вопросов), хочет проверить степень своего искусства, ему надо в конце спросить у своей жертвы, сколько времени, с ее точки зрения, длилась беседа. Если время преувеличено, плохо дело: ты надоел собеседнику. Не пора ли переквалифицироваться?

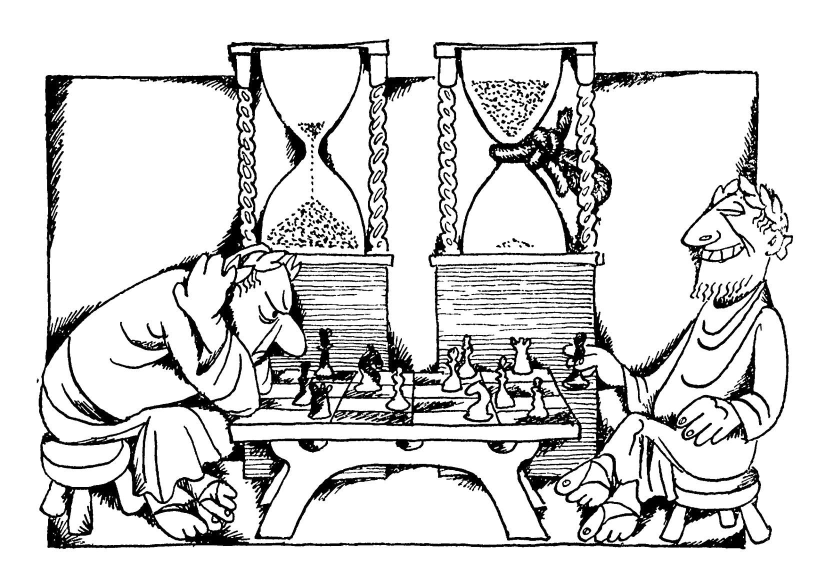
Голубая мечта лектора — горестный вздох покоренных слушателей: «Неужели звонок?!»

А ведь действительно счастливые часов не наблюдают. Русский психолог прошлого века Н. Марин сформулировал эту же мысль, пожалуй, даже более четко: «Наслаждение не может создать времени, как растратчик богатства». Но это для переживания настоящего момента. Что касается оценки прошедшего времени, то здесь действует обратная закономерность: незаполненные, пустые отрезки, которые тянулись мучительно долго, при воспоминании кажутся промелькнувшими мгновениями, а мгновения, наполненные интересной, ответственной и эмоционально насыщенной деятельностью, оцениваются потом как значительные этапы жизни.

Не потому ли чаще помнится доброе, радостное, а пустое и грустное забывается? Не потому ли все, что прошло, рисуется воображением в розовых тонах? Не потому ли: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя?» Наконец, не потому ли всегда счастливой кажется невозвратимая пора детства?

А как воспринимается время в эту счастливую пору, какова личная история времени каждого человека?

Психологи установили, что восприятие времени — самое трудное для детей. И не мудрено. Начать хотя

бы с того, что время не имеет наглядной формы. Его невозможно понюхать, попробовать, пощупать, увидеть. Его можно только прожить. А сколько путаницы вносит относительность словесных обозначений: «сегодня» — это вчерашнее «завтра» и завтрашнее «вчера». А что такое «скоро», когда так хочется в кино и так не хочется идти в поликлинику?

Конечно, с самого рождения взрослые запускают режимные часы, и ребенок регулярно в одно и то же время хочет есть, спать, гулять. Разумеется, если у самих взрослых с этими режимными часами все в порядке. Но одно дело жить по часам и совсем другое — осознавать временную протяженность своей жизни.

И все начинается сызнова: природные явления, ритм дня и ночи — первые надежные опоры детского внутреннего календаря.

Ребенок ищет и находит в своей жизненной практике надежную систему временных координат. Правда, эти координаты еще легко сжимаются от его страстного желания приблизить какое-либо радостное событие и растягиваются, когда хочется отдалить что-то неприятное.

— Мама, — спрашивает четырехлетний Миша, — когда наконец наступит мой день рождения?

— Послезавтра.

— Это сколько раз я должен лечь спать?

— Два раза.

Миша немедленно ложится в кровать, всхрапнул два раза:

— Уже поспал! Уже день рождения!

Да, течение времени у детей не укладывается в арифметический ряд. М. Шагинян рассказывает такой случай:

«Когда дочери моей Мирэли было три года, Лина несла ее на руках из столовой в спальню, чтобы уложить спать. Дочке спать не хотелось, и, как все малыши, она выдумывала предлоги, чтобы оттянуть время, и попросила дать ей яблочко. «Яблочки уже все спят», — ответила сестра. «Неправда, — сказала Мирэль, — это маленькие яблочки спят, а большие не спят!»

Ответ трехлетнего существа, — комментирует М. Шагинян, — был очень сложен, время в нем оказалось богатейшего содержания, и притом не только «исторического» — маленькие спят, а большие не спят, но в переносе на яблоки и практического, более выгодного для ребенка, — «бо̀льшие по объему»...

Неутомимую и бесконечно любознательную М. Шагинян так поразили психологические сложности детского восприятия времени, что она прилежно штудирует специальное исследование швейцарского психолога Ж. Пиаже и даже кое в чем поправляет знаменитого ученого.

Главный метод исследования, как почти всегда у Ж. Пиаже, — клиническая беседа. Со стороны просто непринужденный разговор с семилетним мальчиком.

— Сколько тебе лет?

— Семь лет.

— Есть у тебя товарищ старше тебя?

— Да, этот вот возле меня, ему восемь лет.

— Хорошо. Кто же из вас родился раньше?

— Не знаю. Я не знаю, когда его день рождения.

— Но подумай хорошенько. Ты сказал, что тебе семь лет, а ему восемь, кто же из вас родился раньше?

— Вам надо спросить у его матери, а я не могу вам сказать.

На основании подобных диалогов Ж. Пиаже делает вывод о том, что мышление ребенка еще не способно скоординировать дату рождения с последовательностью числа лет. Это логика ученого. Логика художника угадала нечто совсем иное и, видимо, более близкое к живой психологии ребенка, к его эмоциональной логике.

«Осечка тут, — говорит М. Шагинян, — не от неумения, а скорей от разницы восприятия движения времени у ребенка и взрослого, разницы важной, многозначащей, интересной. Неувязка с ответом произошла, когда вопрос коснулся конкретного события — дня рождения. Отпало внимание к числу лет. Выдвинулась последовательность фактов — празднования дня рождения его и товарища, чей раньше».

— Конечно, Шагинян совершенно права! — воскликнула одна студентка. — Младший брат, день рождения которого отмечали десятого июля, а мой — седьмого, очень долго не мог понять, как это я старше его на целых шесть лет — три дня разницы всего!

В итоге М. Шагинян дает своеобразную формулировку психологической относительности восприятия времени: «Не окажется ли многое «долгое» — коротким, многое «короткое» — долгим, многое последовательное — непоследовательным, многое разрозненное — логически сцепленным?»

Собственно говоря, именно так строится временная ось в хороших романах и хороших фильмах.

В связи с этой неожиданной дискуссией мудрой писательницы с крупнейшим психологом нашего времени, дискуссией, где правда на стороне непрофессионала, вспоминается недавний спор в кулуарах большой психологической конференции. Суть его сводилась к вопросу: кого принимать в психологи? Теперь на психологических факультетах профилирующий экзамен — математика. Не лучше ли было бы отбирать, как в Литин-

ститут: по способности без цифири говорить и думать о тонкой материи — живом человеке. Статистика приложится. Нельзя без нее, спору нет. Но научить формулам легче, чем человекочувствительности, без которой психолог может, конечно, стать инженером, но не душ человеческих.

— Видел фильм про психологию — прямо чудеса в решете: один смотрит на женский портрет, а ему другие — мужчина, мол, это. Поверил. Смотрит на черное, говорит, белое...

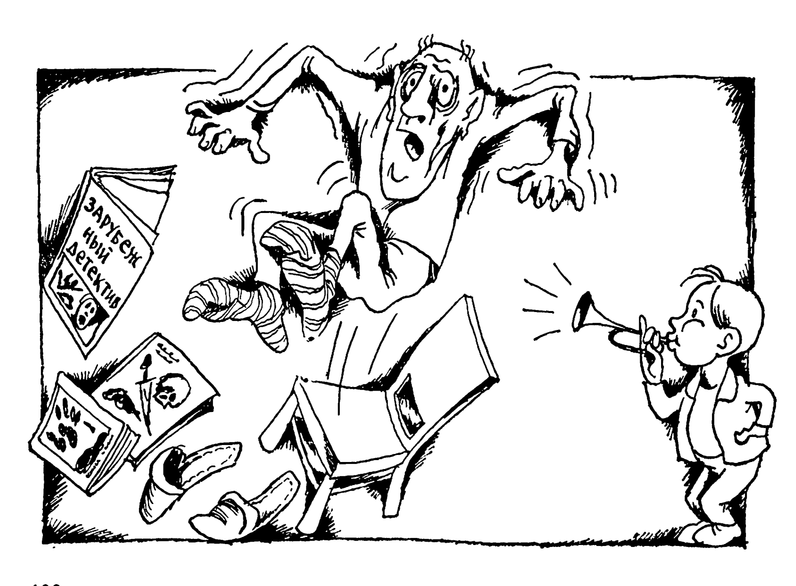
— Выходит, другим больше, чем себе, доверяет.

— Это кто как!

В классической ленинской формуле «ощущение есть субъективный образ объективного мира» спрессованы ответы на многие загадки человеческой психологии.

Здесь, что ни слово, то глубочайшая философская проблема.

Итак, в результате сложной и согласованной работы органов чувств, познавательной деятельности человека в мозгу возникает образ объективного мира. А это значит, во-первых, что мир существует вне нас и независимо от нас, во-вторых, что картина мира в человеческом

мозгу — не мозаика условных знаков или иероглифов, а система моделей-образов, которые в своих существенных свойствах повторяют вызвавшие их оригиналы.

Но внутренняя картина мира каждого человека не просто образ окружающего, а субъективный образ. Это значит, во-первых, что индивидуальные картины мира могут существовать только в сознании конкретного живого человека и что, во-вторых, у каждого человека свой вариант этой картины, у каждого «свой тайный личный мир».

Кто-то сравнил писателя с человеком, который идет по дороге с большим зеркалом и отражает увиденное в своих произведениях. Этот образ, может быть, хорошо подчеркивает идею правдивости и реализма, но не очень точно выражает активность и избирательность человеческого мировосприятия. И то, что увидит человек, и то, *как* он этот увидит и поймет, во многом зависит от внутреннего содержания его личности, от его опыта, знаний, интересов, чувств, потребностей, от всей его индивидуальной истории.

Человек смотрит на мир (еще одно подтверждение силы зрительных впечатлений. Мы говорим «смотрит» там, где точнее было бы перечислить все виды ощущений и сказать: слушаем мир, обоняем его, пробуем, осязаем и т. д., вообще — воспринимаем) через призму своей личности.

В нашей стране особенно внимательно изучают зависимость восприятия и вообще всей психической деятельности человека от содержания сознания, от того, что было понятно и пережито человеком, от его чувств и желаний (от установки) грузинские психологи — последователи замечательного советского психолога Д. Узнадзе.

Классический опыт выработки у человека простейшей установки (этим термином обозначается то состояние психики, которое как бы вклинивается между познающим человеком и познаваемым объектом) легко повторить. Для этого надо иметь три шара и добровольца-испытуемого. Человека надо усадить в кресло и предложить на ощупь определить объем шаров, которые мы будем вкладывать ему в правую и в левую руки. При этом в правую руку всегда дается меньший шар, а в левую — больший. Можно, разумеется, и на-

оборот. Дальше предоставим комментировать ход опыта самому Д. Узнадзе:

«Через определенное число повторных воздействий (обычно 10—15 воздействий) субъект получает в руки пару равных по объему шаров и задание сравнить их между собой. И вот оказывается, что испытуемый не замечает, как правило, равенства этих объектов, наоборот, ему кажется, что один из них явно больше другого, причем в преобладающем большинстве случаев в направлении контраста, то есть большим, кажется ему шар в той руке, в которую в предварительных опытах он получал меньший шар».

Подобную установку можно выработать почти во всех видах восприятия.

Все, наверное, помнят о чеховском школяре, который так усердно овладевал латынью, что даже написанное русскими буквами слово *«чепуха»* прочитал на латинский манер — *«реникса»*. Оказывается, во всем виновата опять-таки установка. Трудно утверждать, но не исключено, что именно А. Чехов подсказал грузинскому психологу З. Ходжаве остроумные опыты по выработке эффекта установки методом «нейтрального шрифта».

Сначала испытуемому, умеющему читать по-немецки или по-французски, предлагают прочитать написанные от руки латинским шрифтом бессмысленные слова, которые с определенной частотой появляются на специальном экране: *zidel, hilud, dulsa, daluf* и т. д. После того, как испытуемый прочитывает 25 таких псевдослов, ему в том же темпе предлагаются хорошо знакомые русские слова, тоже написанные от руки. Слова эти состоят из букв, которые по конфигурации не отличаются от латинских: *почва, напор, потоп, парча, вечер, сироп, почта* и т. д. И вот оказывается, что несколько первых русских слов произносятся как бы на иностранный манер: «Почва» произносится как «норба», «парча» — как «напра», «почта» — как «норма» и т. д.

(Пишущий эти строки обнаружил, что даже он, знающий «секрет» после зрительного восприятия достаточно длинного ряда установочных псевдослов, начал испытывать трудности и с чтением и с написанием последующего текста: приходится даже делать над собой специальное усилие, чтобы не путать два вида шрифта.)

Объясняя внутренний психологический механизм этого явления, З. Ходжава пишет:

«Предварительное чтение латинских знаков не остается для субъекта без последствий; оно влияет на чтеца, и влияние это таково, что он (субъект) как бы изменяется, делается совершенно иным, иначе направленным, чем был раньше — до чтения... И вот это-то «новое», измененное психическое состояние «направленности», создающееся в предварительном чтении латинских комплексов и представляющее собой готовность и установку субъекта «отселе читать только по-латыни», и есть тот фактор, который обусловливает латинское чтение нейтральных букв русского слова».

Интересна устойчивость и «агрессивность» таких установок: испытуемый пишет латинским шрифтом под диктовку 15 немецких слов, после чего ему предлагают следующее слово написать правой ногой (видимо, опыты проводились на песчаной отмели?). Слово предлагалось русское, но под влиянием установки оно теряет свой смысл и воспринимается как какое-то незнакомое немецкое слово, и нога выводит — *baran* (баран), *udar* — (удар) и т. д. Так было бы, темпераментно восклицает экспериментатор, даже «если возможно было бы писать носом, языком или ухом»!

В жизни каждого человека установки играют огромную роль. Возникают они совершенно незаметно то в виде обычая, то привычки, то в форме присоединения к мнению окружающих. Порой такие установки действуют как предубеждение, предрассудок, предвзятость. Легко заметить, что приставка «пред» во всех этих словах означает, что определенная тенденция так или иначе воспринимать явления окружающего мира возникла еще до встречи с объектом, предшествовала этой встрече.

Порой такие установки буквально заслоняют от человека реальные факты и явления.

Этнограф Б. Малиновский, который изучал жизнь одного первобытного племени, приводит яркий пример зависимости восприятия от обычаев. Ученый обратил внимание на то, как похожи на своего отца и, естественно, друг на друга пять сыновей вождя племени. В присутствии многих туземцев Б. Малиновский сказал, что сыновья похожи на отца. Это его замечание было встречено с одобрением. Однако когда он сказал,

что они похожи друг на друга, это мнение было отвергнуто с большим негодованием.

Более того, туземцы удивились, как вообще можно было высказать столь абсурдную мысль. Этнограф, который своими глазами видел сходство братьев, был поражен странной реакцией окружающих. В конце концов ему удалось установить, что существует старинное табу, запрещающее туземцам находить такое сходство, и они не видели того, чего видеть не полагалось.

Выработанные в детстве установки могут определить не только, что и как надо видеть, они во многом обусловливают все виды восприятий, формируют глубоко своеобразный вариант картины мира. И в этот мир легко входит лишь то, что соответствует его законам. Впечатления, которые им противоречат, нередко видоизменяются или вообще отбрасываются.

В биографических записках М. Шагинян есть поразительно яркий случай такого отбрасывания. На этот раз установка, усвоенные нормы, заблокировали слуховые восприятия.

«В гимназии Ржевской, — рассказывает М. Шагинян, — на каникулы осталась из пансионерок одна только я... Вдруг в наш дортуар шестиклассниц пришла восьмиклассница — нарядная, в выходном платье, длинной юбке, с дамским ридикюлем, в прическе, — она только что, раньше времени, вернулась из отпуска.

— Ты, Шагинян, брось читать, послушай, что я тебе расскажу. — Она уселась передо мной, вырвала у меня книгу. — Я была с очень интересными людьми, с мужчинами, понимаешь, не с мальчишками, а с настоящими мужчинами...

Еще до того, как эта девушка начала рассказывать, у меня все вдруг сжалось внутри, как от прикосновения к лягушке. Нас учили вежливости. Она была старшая. Просто невозможно было ее выгнать. Некуда было убежать. И в мои уши стали проникать слова, непонятные по смыслу, но понятные сразу в чем-то одном: *слушать* их *нельзя, не нужно, нехорошо* (подчеркнуто мною. — *Я. К.*). Сперва я старалась миновать их слухом, удерживая лишь впечатление неразборчивости, бессмысленности. Она продолжала:

— Они не только показывали, они делали! — Эта фраза дошла до меня в какой-то страшной обнаженности, как край пропасти на ходу, когда вдруг оступаешься, видя, что сейчас свалишься; и тут я сделала вещь, неожиданную для себя, — я помолилась богу: «Господи, дай, чтоб я не слышала, господи, дай, чтоб я не слышала!»

Здравые люди могут говорить, что хотят. Медики могут говорить о шоке, о самовнушении. Я знаю одно: то, что произошло дальше, святая правда. Я видела перед собой губы восьмиклассницы. Эти губы двигались, они двигались очень быстро, как при еде или жевании. Но звука из них не выходило. Губы двигались мертво и безмолвно. Я перестала слышать. С чувством невероятного облегчения, очищения, покоя дождалась я, покуда она ушла, как-то удивленно поглядев на меня напоследок, — и заснула сразу, в детской благодарности богу».

Вообще, когда человеку приходится воспринимать какую-то несовместимую с его внутренними убеждениями информацию, у него возникает неприятное переживание психологического дискомфорта. И дальше он сознательно или несознательно старается как-то выйти из этого тревожного состояния: новая информация либо просто отбрасывается по принципу: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», либо как-то обесценивается, либо от нее просто убегают, занимая страусовую позицию. Сплошь и рядом, конечно, приходится присмотреться и прислушаться даже к тому, что поначалу кажется неприятным, ненужным и даже абсурдным. Более того, эта новая информация может оказаться верной и полезной и в конце концов принимается. Но для нас здесь важно было подчеркнуть сам факт барьера, который возникает благодаря нашей внутренней преломляющей среде. Впрочем, установка, содержание внутреннего мира человека может сыграть роль увеличительной линзы и даже искажающего зеркала. Так возникают мнимые восприятия, обманы чувств, галлюцинации.

«Информация между людьми, — писал советский историк и психолог Б. Поршнев, — проходит через фильтр доверия и недоверия. Информация может быть абсолютно истинной и полезной и все-таки остаться не принятой, не пропущенной фильтром. И наоборот, ин-

формация может быть ложной и вредной, но принятой в силу открытости для нее шлюза доверия».

Собственно говоря, на учете этих личностных факторов восприятия основаны все прожективные методы изучения внутреннего мира человека: что испытуемый увидит или не увидит в причудливых пятнах Г. Роршаха или двусмысленных фотографиях ТАТа зависит от того, что у него на душе. Короче говоря, скажи мне, что и как ты воспринимаешь, и я скажу, кто ты.

ЩЕДРЫЙ ДАР ПРОМЕТЕЯ

— Неудивительно, что ему в жизни везет — память-то какая: раз прочитал и все!

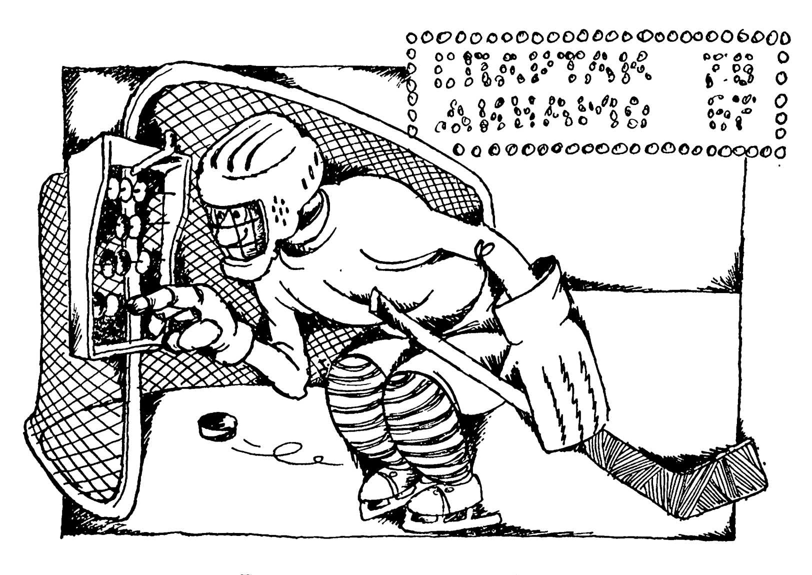
— Ну не памятью же единой...

— Нет-нет, дайте мне хорошую память...

— И вы станете академиком?

Память — одна из самых популярных психических особенностей человека. Сразу скажем: она того заслуживает. Недаром еще древние греки считали, что богиня памяти Мнемозина — мать девяти муз, которые покровительствовали всем известным в то время наукам и искусствам. Кстати сказать, имя этой богини дало название самой памяти.

В современных научных трактатах можно прочитать выражения: «мнемическая направленность», «мнемическая задача», «мнемические действия», «мнемическая

деятельность». Все это о памяти. Происхождение человеческой памяти древние греки связывали и с именем одного из самых прекрасных героев, созданных человеческой фантазией, с именем Прометея. Оказывается, этот самоотверженный юноша не только одарил человечество огнем. Вот какие слова вкладывает в его уста великий древнегреческий поэт Эсхил:

Послушайте, что смертным сделал я:
Число им изобрел,
И буквы научил соединять —
Им память дал, мать муз —
всего причину.

Как известно, все три дара неразрывно связаны: раненный в голову пациент А. Лурии Л. Засецкий стал неграмотным:

«И вдруг я опять, когда стал взрослым, забыл все буквы и не могу запомнить их заново. Я смотрел на новую учительницу и без конца глуповато улыбался. Я не верил сам себе, что я вдруг стал неграмотным, что я забыл все буквы...

Я разучился владеть карандашом: верчу его туда и сюда и никак не могу начать писать...»

Великое открытие, которое сделал для себя Л. Засецкий и которое вернуло его в строй, опять-таки связано с памятью. С памятью и драгоценной догадкой психолога: пусть разрушена зрительная память, но рука должна сохранить навыки письма, усвоенные с детства. Ведь никто из взрослых не вспоминает по букве, пишется «автоматически» целое слово. На помощь пришла двигательная память.

«С письмом, — рассказывает Л. Засецкий, — дело вначале пошло точно так же, как с чтением, то есть я долго не мог вспомнить буквы, когда уже, кажется, знал их, проделывая ту же процедуру в порядке алфавитном. Но тут вдруг ко мне во время занятий подходит профессор, уже знакомый мне своей простотой обращения ко мне и к другим больным, и просит меня, чтобы я написал не по буквам, а сразу, не отрывая руки с карандашом от бумаги. И я несколько раз (переспросил, конечно, раза два) повторяю слово «кровь» и наконец беру карандаш и быстро пишу слово и написал слово «кровь», хотя сам не помнил, что написал, потому что прочесть свое написанное я не мог».

Можно понять радость победы и врача и больного.

«И он стал писать! — восклицает обычно такой сдержанный А. Лурия. — Он просто писал, писал сразу, не думая. Он писал!!»

Да, именно память позволяет человеку быть тем, чем он является, действовать в окружающем мире, осознавать свое собственное «я», учиться, любить... Ведь надо

хотя бы узнавать того, кого любишь. Недаром часто вместо «разлюбил» говорят «позабыл»...

О том, что может произойти с любовью в случаях амнезий (так именуются потери памяти), рассказывается в книге французского психолога Т. Рибо «Память в ее нормальном и болезненном состоянии»:

«Одна молодая женщина, страстно любившая своего мужа, имела во время родов продолжительный обморок, после которого она совершенно утратила всякое воспоминание о своей супружеской жизни. Всю остальную жизнь до замужества она помнила отлично... Тотчас после обморока она с ужасом отталкивала от себя мужа и ребенка. Впоследствии она никогда не могла вспомнить свою жизнь замужем и все, что с ней было в это время. Родители и друзья с трудом убедили ее..., что у нее есть муж и сын. Она поверила этому только потому, что ей легче было считать себя утратившей память о целом годе, чем признать всех своих близких обманщиками. Но в этой вере не принимали никакого участия ни ее внутреннее убеждение, ни сознание. Она видела перед собой мужа и ребенка, совершенно не понимая, каким волшебством получила она этого мужа и этого ребенка».

Мир без памяти. Едва ли самое пылкое воображение способно нарисовать его достоверную картину. Такую попытку предпринял колумбийский писатель Г. Маркес в знаменитом романе «Сто лет одиночества».

Сначала жители города Макондо, в котором происходит действие, заболевают бессонницей. Но «самое страшное в заболевании не утрата способности спать — от этой бессонницы тело не испытывает какой-либо усталости, — а неизбежное наступление второй стадии болезни — забывчивости. Когда больной свыкается с состоянием бодрствования, в его памяти начинают стираться сначала воспоминания детства, потом названия и назначения предметов, затем он перестает узнавать людей и даже утрачивает сознание своей собственной личности и, лишенный всякой связи с прошлым, погружается в некое подобие идиотизма».

Интересно отметить, что течение амнезии описано Г. Маркесом очень точно, но... в обратном порядке. Согласно закону, который Т. Рибо назвал законом регрессии или обратного развития памяти, «закону Рибо»,

сначала забывается то, что усвоено недавно, потом забвение распространяется на то, что усваивалось прежде. В самом конце утрачиваются воспоминания детства... Что ж, правда искусства имеет право на подобные инверсии.

До последней стадии жители Макондо не дошли, но названия предметов и их назначение уже начали забываться. Тогда один из героев романа придумал средство, которое, впрочем, скоро, как и следовало ожидать, оказалось неэффективным.

Когда Аурелиано (так звали этого героя) заметил, что с трудом припоминает названия почти всех вещей, он приклеил к ним соответствующие ярлыки, и теперь «достаточно было прочесть надпись, чтобы определить, с чем имеешь дело». Этот способ Хосе Аркадио Буэндиа (другой персонаж романа) ввел в употребление сначала у себя в семье, а потом и в городе. «Обмакнув в чернила кисточку для бритья, он подписал каждый предмет в доме: *стол, стул, часы, дверь, стена, кровать, кастрюля»*. Потом отправился в загон для скота и в поле и пометил там животных, птиц и растения: *корова, козел, свинья, курица...*

Мало-помалу, изучая бесконечное многообразие забывчивости, люди поняли, что может наступить такой день, когда они, узнав предмет по надписи, будут не в силах вспомнить его назначение. Тогда все усложнилось. Наглядным примером того, как жители Макондо пытались бороться с забывчивостью, служит объявление, повешенное на шею коровы: *«Это корова, ее нужно доить каждое утро, чтобы получить молоко, а молоко надо кипятить, чтобы смешать с кофе и получить кофе с молоком».*

Вот так они жили в постоянно ускользающей от них действительности, с помощью слова им удавалось задержать ее на короткое мгновение, но она должна была неизбежно и окончательно исчезнуть, как только забудется значение букв.

У входа в город водрузили объявление *«Макондо»*, другое, побольше, установили на центральной улице, оно гласило: «БОГ ЕСТЬ».

Дальше доказывать значение памяти в жизни человека, пожалуй, излишне. Порой даже хочется подчеркнуть другое: нельзя все успехи и неудачи человека, его победы и поражения, открытия и заблуждения припи-

сывать одной только памяти. А ведь к этому существует вполне определенная тенденция. Недаром французский мыслитель Ф. Ларошфуко остроумно подметил: «Всяк жалуется на свою память, но никто не жалуется на свой здравый смысл».

На самом деле: сплошь и рядом услышишь: «Ах, опять забыл», «Проклятый склероз», «Совсем память отшибло!..» И почти никогда не говорят: «Я немного глуповат», «Не умею рассуждать», «Мало что понимаю». Наверное, потому, что память невольно связывается с особым даром, который непосредственно от личности не зависит, как-то не полностью совпадает с «я», ну, например, как рост, физическая сила или цвет волос... Огромная психологическая разница в выражениях: «У меня плохая память» и «Я глуп». Примерно такая же, как между признаниями: «Я близорук» и «У меня нет совести».

Соотечественник Ф. Ларошфуко М. Монтень даже специально перечисляет преимущества своей, по его словам, плохой памяти: во-первых, этот недостаток помогает бороться с честолюбием. Далее, при хорошей памяти «я мог бы усыпить и обессилить мой ум и мою проницательность, идя проторенными путями, как это делает целый мир, не упражняя и не совершенствуя своих собственных сил, если бы облагодетельствованный хорошей памятью, имел всегда перед собою чужие мнения и измышления чужого ума». (Великую правоту Монтеня печально подтверждает судьба гиганта памяти Ш., о котором еще пойдет речь, и успехи людей, у которых была весьма посредственная память.)

Еще преимущества: «Я немногословен в беседе, ибо память обладает более вместительной кладовой, чем вымысел». «Я нахожу для себя утешение также в том, — продолжает М. Монтень рекламировать плохую память, — что моя скверная память хранит в себе меньше воспоминаний... об учиненных мне обидах». Наконец, «не без основания говорят, что, кто не очень-то полагается на свою память, тому нелегко складно лгать».

— Ну и память у человека, раз посмотрел — все знает.

— А назавтра спросишь — забыл. Уж лучше медленно запрягать, зато далеко ехать!

— Еще лучше — быстро выучивать и долго помнить...

— Это смотря что!

Прежде всего надо договориться о том, что такое хорошая и плохая память. Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Ведь и сама память состоит из нескольких процессов, каждый из которых имеет ряд более или менее самостоятельных качеств.

Нередко память сравнивают с какой-либо технической ее моделью, например с магнитофоном. С чего начинается его работа? Конечно же, с записи. Память начинается с того, что наши органы чувств принимают информацию, поступающую из окружающего мира, а

мозг производит ее запись в виде биохимических изменений в составе клеток, в виде электрических импульсов, которые циркулируют по нервным цепям в виде... Впрочем, все, что сегодня можно об этом написать, результат огромной исследовательской работы ученых многих специальностей — и тем не менее все еще гипотезы.

Может быть, психолог вправе обойтись пока без них: композитор или певец прекрасно использует маг-

нитофон, не очень-то вникая в технические принципы его работы.

Итак, память начинается с запоминания — на пленку наносится какая-то информация. Эти образы, слова, вообще впечатления должны удержаться, законсервироваться, остаться. В психологии памяти этот процесс так и называется — сохранение. Мы закладываем кассету, нажимаем на клавиши, и записанная когда-то музыка звучит. Происходит воспроизведение. Именно так именуется соответствующий процесс памяти.

Сочтем ли мы аппарат исправным, если не будет происходить стирания с ленты записей, которые уже отслужили? В памяти тоже есть такой очистительный, а может быть и разрушительный, процесс — забывание. Иногда кажется, что это всего лишь антипамять, от которой хорошо бы избавиться. Но скоро станет ясно: противоречие здесь из диалектических.

Итак, на входе — запоминание, запечатление, на выходе — воспроизведение. При этом именно по одному-единственному процессу, воспроизведению, судят о качестве работы всего аппарата памяти. И качества всех других процессов памяти выводятся из представления о том, каким должно быть воспроизведение. А желательно, чтобы было оно точным и своевременным: аппарат должен выдать нужную информацию тогда, когда в ней появилась нужда. За это ответственно особое качество — готовность памяти. Дорога ложка к обеду! Чего стоят сетования того незадачливого студента, который уверяет, что после экзамена он все вспомнил.

Из представления о результате вытекают и качества, которые приписываются другим процессам памяти. Запоминать можно быстро и медленно, много и мало. Разумеется, лучшей считается память у того, кто запоминает быстро и много. К сохранению, как легко понять, предъявляются требования, которые верны для любого склада или архива: хранить надежно, долго и без потерь.

Так что же такое хорошая память? Быстро и много запоминать, долго хранить, точно и вовремя воспроизводить.

Но и этих определений мало. В них речь только о том, как запоминается, хранится и воспроизводится. Но есть еще вопрос — что. Когда говорят «хорошая память», то следовало бы уточнить, что, собственно,

имеется в виду: память на слова? А если хорошо помнятся движения, как, например, у гимнастов? Это память двигательная...

Юный Моцарт после первого же прослушивания сложнейшего музыкального произведения в Сикстинской капелле записал его в гостинице почти без ошибок — музыкальная память.

Актриса вызывает у себя слезы, вспоминая печальный случай своей жизни — «память сердца», эмоциональная память. Пожалуй, лучше всех о ней написал Н. Огарев:

Когда мы в памяти своей
Проходим прежнюю дорогу,
В душе все чувства прежних дней
Вновь оживают понемногу,
И грусть, и радость те же в ней,
И знает ту ж она тревогу.

Наверное, вообще на все восприятия окружающего есть особая, своя память. Так что же такое хорошая память? Может быть, когда она сочетает в себе все виды и типы? Человек с такой абсолютной памятью существовал. Был ли он счастлив?

Ш. работал репортером одной из газет. Редактор обратил внимание на то, что во время утренней планерки, когда каждому сотруднику давался длинный ряд поручений и адресов, Ш. ничего не записывал. Невнимательность? Нет, нечто более удивительное: репортер легко и безошибочно повторил всю дневную программу действий. Спасибо редактору. Это он направил странного сотрудника в психологическую лабораторию на обследование. Так еще в двадцатые годы нашего века встретились Ш. и молодой тогда психолог А. Лурия, который уже в наши дни написал о своем удивительном пациенте «Маленькую книжку о большой памяти».

«Я, — рассказывает А. Лурия, — приступил к исследованию Ш. с обычным для психолога любопытством, но без большой надежды, что опыты дадут что-нибудь примечательное. Однако уже первые пробы изменили мое отношение и вызвали состояние смущения и озадаченности, на этот раз не у испытуемого, а у экспериментатора».

Психолога можно понять: его испытуемый... ничего не забывал. Увеличилось число элементов для запоминания (30, 50, 70 слов или чисел). Ш. как будто не за-

мечал никаких трудностей и повторял все без всякого заучивания.

После многочисленных опытов пришлось признать, что объем его памяти не имеет ясных границ. Практически безграничной оказалась и прочность: он безошибочно воспроизводил длинные ряды слов через 15—16 лет после их прослушивания. В подобных случаях, вспоминает А. Лурия, Ш. садился, закрывал глаза, делал паузу, а затем говорил: «Да-да... это было у вас на той квартире... вы сидели за столом, а я на качалке... вы были в сером костюме и смотрели на меня так... вот... я вижу, что вы мне говорили...» И дальше следовало безошибочное воспроизведение словесных рядов, прозвучавших много лет назад.

«Я вижу» — это очень характерное признание: Ш. действительно «видел» звуки, «видел» таблицы, показанные ему много лет назад, так же ясно, как если бы они находились сейчас перед глазами.

На его примере удобно познакомиться с интересными явлениями в области восприятия и памяти. Прежде всего слияние нескольких ощущений в единое целое — синестезия. Каждый звук у такого человека непосредственно рождает переживание света и цвета. Кстати сказать, к таким людям относился и композитор А. Скрябин, который в партитуру своей симфонической поэмы «Прометей» включил партию «люкс», партию света. Отсюда и пошла цветомузыка.

Во время специальных испытаний выяснилось, что у Ш. определенные тоны вызывают вполне конкретные зрительные ощущения. Один тон вызывает зрительный образ «полосы цвета старого серебра, которая затем превращается в какой-то предмет, блестящий, как сталь». Тон повышается — «коричневая полоса на темном фоне с красными языками; на вкус этот звук похож на кисло-сладкий борщ...

(Здесь невольно вспоминается место из «Овода» Э. Войнич. Сцена Артур и Джули:

«От ее тонкого, пронзительного голоса у Артура стало кисло во рту...»)

Новое повышение звука: «Широкая полоса, середина которой красно-оранжевая, а края — розовые».

При этом к зрительным ощущениям добавляются не только вкусовые, но и осязательные: «Что-то вроде фейерверка, окрашенного в розово-красный цвет... по-

лоска шершавая, неприятная... неприятный вкус, вроде пряного рассола... Можно поранить руку».

А вот как Ш. воспринимал голоса людей.

— Какой у вас желтый и рассыпчатый голос, — сказал он беседовавшему с ним Л. Выготскому.

Это наблюдение, связанное с замечательным советским психологом, само по себе представляет большой интерес.

Может быть, удастся по таким воспоминаниям плюс свидетельства людей, знавших Л. Выготского, как-то сконструировать, восстановить звучание его голоса. Для этого потребуется создать звуковой вариант фоторобота, с помощью которого криминалисты воссоздают внешний облик человека. Фоноробот?

«А есть люди, — говорил Ш., — которые разговаривают как-то многоголосо, которые отдают целой композицией, букетом... такой голос был у покойного С. Эйзенштейна, как будто какое-то пламя с жилками надвигалось на меня».

Каждый звук речи сразу вызывал у Ш. яркий зрительный образ, имел свой цвет и вкус.

Как отмечает А. Лурия; у него не было той четкой грани, которая у каждого из нас отделяет зрение от слуха, слух — от осязания или вкуса.

Итак, Ш. прекрасно запоминал, безгранично долго хранил и совершенно точно воспроизводил. Но память, как уже нам известно, не только единство этих «позитивных» процессов. В нее органически включается и забывание. И здесь выясняется удивительная особенность, слабость памяти Ш.: он не умел забывать. Пришлось специально вырабатывать технику забывания того, что уже не нужно сохранять в памяти, того, что мешает. Особенно важно это было потому, что Ш. стал профессиональным мнемонистом, выступал в цирке, где демонстрировал свою память. Ему приходилось запоминать огромное количество бессмысленного материала. При этом слова, буквы, цифры на разных сеансах писались на одной и той же доске и легко было «увидеть» на ней задания предыдущего сеанса. Научиться забывать...

«Для того чтобы запомнить, люди записывают, — удивлялся Ш. — Мне это было смешно, и я решил все это по-своему: раз он записал, то ему нет необходимости помнить, а если бы у него не было карандаша в ру-

ках, и он не мог записать, он бы запомнил! Значит, если я запишу, я буду знать, что нет необходимости помнить... И я начал применять это в маленьких вещах: в телефонах, в фамилиях, в каких-нибудь поручениях. Но у меня ничего не получалось, я мысленно видел свою запись...»

Он начал выбрасывать бумажки, сжигать их, следы выступали на обуглившейся пленке. Помогло самовнушение: я не хочу видеть доску с надписями...

Такова была удивительная память этого человека. Но в психике, во внутреннем мире все взаимосвязано, все психические свойства и особенности составляют стройную структуру, особый узор.

Как изменилась вся личность Ш. под воздействием памяти? А. Лурия как любознательный и внимательный проводник осторожно шаг за шагом вводит нас в сложный внутренний мир мнемониста, который оказался во многом не таким, как у других людей. Не стоит лишать читателей удовольствия познакомиться с «Маленькой книжкой о большой памяти». Здесь важно ответить лишь на давний вопрос: как распорядился Ш. своей большой памятью, сделала ли она счастливым его самого и принесла ли пользу окружающим.

«Он, — рассказывает А. Лурия, — всегда ждал чего-то и больше мечтал и «видел», чем действовал. У него все время оставалось переживание, что должно случиться что-то хорошее, что-то должно разрешить все вопросы, что жизнь его вдруг станет такой простой и ясной... И он «видел» это и ждал... И все, что он делал, было «временным», что делается, пока ожидаемое само произойдет... Так он и оставался неустроенным человеком, менявшим десятки профессий, из которых все были «временными».

Итак, все дело в том, в какое «я», в какую личность включена память, как ею распорядился тот, кому она досталась. А распорядиться можно и по-иному.

И. Андроников вспоминает в одном из своих устных рассказов о замечательном человеке И. Соллертинском, который обладал совершенно непостижимой памятью. Если перед ним открывали книгу, которой он никогда не читал и даже видеть не мог, — он, мельком взглянув на страницы, бегло перелистав их, возвращал, говоря: «Проверь». И какую бы страницу ему ни называли, произносил наизусть!

«— Напомни, пожалуйста... напомни, если тебе нетрудно, что напечатано внизу двести двенадцатой страницы второго тома Собрания сочинений Николая Васильевича Гоголя в последнем издании ОГИЗа?

— Ты что, смеешься, Иван Иванович? — отвечали ему. — Кто может с тобой тягаться? Впрочем, сомнительно, чтобы ты сам знал наизусть страницы во всех томах Гоголя. Двести двенадцатую во втором томе ты, может быть, помнишь. Но уж в третьем томе двести двенадцатую, наверно, не назовешь!

— Прости меня, — выпаливал Иван Иванович, — одну минуту... Как раз!.. Да-да! Вот точный текст: «Хвала вам, художник, виват Андрей Петрович — рецензент, как видно, любил фами...»

— Прости, Иван Иванович. А что такое «фами»?

— «Фами», — отвечал он небрежно, как будто это было в порядке вещей, — «фами» — это первая половина слова «фамильярность». Только «льярность» идет уже на двести тринадцатой!»

Он мог... Стоп. Опасно сбиться на перечислении мнемонических подвигов, которые нередко только расхолаживают, — «где уж нам», — а ведь мы только что видели: не памятью единой. Важно, что делает человек со своей памятью, как ею распоряжается.

«Эти обширные познания, — говорит И. Андроников, — непрестанно умножаемые его феноменальной памятью и поразительной трудоспособностью, не обременяли его, не подавляли его собственной творческой инициативы... Наоборот! От этого только обострялась его мысль — быстрая, оригинальная, смелая».

Память на службе у творчества?

И вот перед нами «талантливейший музыковед, театровед, литературовед, историк и теоретик балетного искусства, лингвист, свободно владеющий двумя десятками языков, человек широко эрудированный в сфере искусств изобразительных, в области общественных наук, истории, философии, эстетики, великолепный оратор и публицист, блистательный полемист и собеседник».

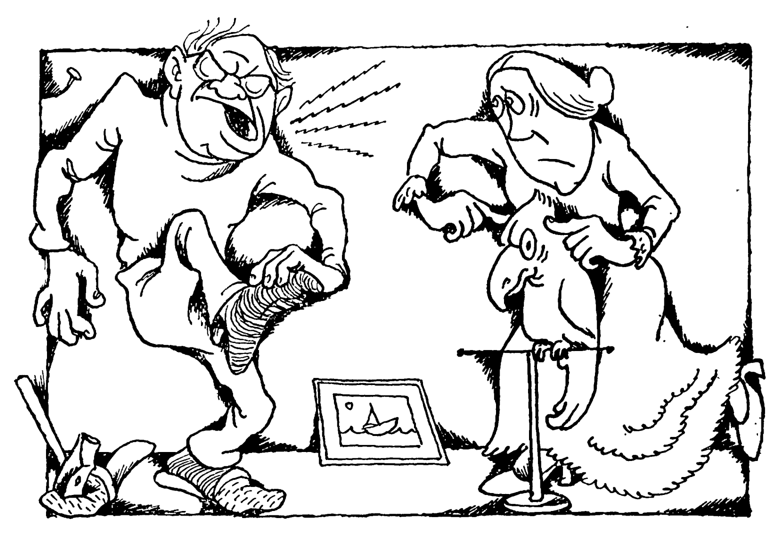
Впрочем, вполне достижимы любые высоты науки, культуры и искусства и при обычной памяти, памяти, «как у всех». В конце концов, не человек служит памяти, а память человеку. Задача — заставить ее служить как можно лучше.

— Удивительная у меня память: иной раз не хочу, а запоминаю. А бывает, что учишь, учишь — и никакого результата...

— Это потому, что и не хотел выучить.

— Странно: учил и не хотел!

Психологи только в целях подробного рассмотрения вынуждены отдельно рассказывать о восприятии окружающего мира, потом о памяти, потом о мышлении и т. д. На самом деле все познавательные процессы выступают в едином строю. Нельзя по-настоящему воспринимать, если не помнишь того, что воспринималось прежде и не осмысливаешь увиденное и услышанное. Но этого мало. Воспринимает не восприятие, запоминает не память, думает не мышление, фантазирует не воображение: вся многообразная и сложная психическая

деятельность — это внутренняя жизнь живого конкретного человека, внутренняя жизнь личности. Что и как познается, зависит во многом от наших чувств, желаний, намерений, от наших жизненных целей и задач. Недаром все процессы познания делятся на две большие подгруппы: произвольные, преднамеренные и непроизвольные, непреднамеренные.

На самом деле, человек может ставить перед собой

цель что-то увидеть, услышать, запомнить, представить, обдумать... А иногда мы говорим: «Случайно обратил внимание, запомнилось, представилось, подумалось...» Конечно, более детальный анализ покажет, что и эти случайности далеко не случайны: после фильма девушка «почему-то» запомнила фасоны, а юноша — марки автомобилей. Но все же ни тот, ни другой специально не ставил перед собой цель запомнить то-то и то-то. Так, без специального намерения человек запоминает огромное число сведений, узнает, как говорится, обо всем на свете. Все, что мы знаем и не знаем, откуда знаем, проникло в сознание благодаря непроизвольному запоминанию. А огромный запас сведений, полученный в раннем детстве, когда никто специально ничего не заучивает, когда ребенок, по выражению Л. Выготского, учится по собственной программе, возникает исключительно непроизвольно.

Размышляя об этом драгоценном фундаменте, который закладывается в первые годы жизни, Л. Толстой писал: «Разве я не жил тогда, когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить, когда спал, сосал грудь и целовал грудь и смеялся и радовал свою мать? Я жил и блаженно жил. Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь не приобрел и одной сотой доли этого? От пятилетнего ребенка до меня — только шаг. От новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние. От зародыша до новорожденного пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость».

Понятно, что этот неиссякаемый источник — непроизвольное запоминание — стал предметом пристального внимания психологов уже в конце прошлого века.

Прежде всего выяснилось, что человек непроизвольно запоминает не все подряд, а то, что тесно связано с его личностью и деятельностью. Особенно четко это было показано в опытах известных советских психологов А. Смирнова и П. Зинченко.

Что же рассказали испытуемые профессора А. Смирнова в ответ на его просьбу вспомнить все, что с ними было по пути на работу. Они, конечно, не знали, с каким предложением обратится к ним коллега, и все, что вспомнилось — результат непроизвольного запоминания. Приведем хотя бы один монолог.

Испытуемый Т.:

«Выходя из дому, знал, что надо ехать на метро, так как поздно. Сразу завернул за угол и пошел по переулку к метро. О чем думал? Не помню. Никакого воспоминания об этом не осталось. Но есть зрительный образ сегодняшнего утра, от меня идущей картины. Шел медленно. Людей не помню. Подумал: ничего ли, что иду медленно? При переходе через улицу пришлось подождать, шла машина. Встал в середину группы людей, чтобы переходить, не глядя в сторону, так как был поднят воротник. На середине улицы снова пережидал машины. Перед станцией метро длинная очередь за газетами, через которую пришлось пройти. На лестнице в метро страшный сквозняк, у всех чудно̀ поднимавший полы пальто. Подумал: наверное, и я сейчас так чудно̀ выгляжу. Билетов не брал, был последний талончик. Пошел по необходимости лестницей направо. Там было много народу. Спуск медленный. Обнаружил, что поезд стоит. Досада, так как закрывались двери. Хорошо вижу кусочек вагона с закрытой дверью. Прошел по пустой платформе. Двое было таких же, как и я. Прошел до конца, как делаю обычно. Дошел до места, откуда видны часы. Было без четверти десять. Хорошо вижу сейчас положение стрелок. Попался какой-то высокий человек с газетой в руках. Подумал: наверное, вчерашняя. Нет, сегодняшняя. Вспомнил об очереди в метро. Увидел, что сводка штаба длинная. (Опыты проводились в годы Великой Отечественной войны. — *Я. К.*) Здесь встретил Г. (фамилия знакомого). Он тоже проявил интерес к сводке и подошел к читавшему газету. Тот читал последнюю страницу. Показал Г. первую, но сейчас же стал читать последнюю. Г. пытался подглядеть снизу. Пришел поезд. Вошли в вагон. Как вошел Г., не помню. Я пропустил несколько женщин с сумками. Встал у дверей. Вплотную еще две женщины по углам. Одна с сумкой продовольственной, без перчаток. Вижу ее руки. Подумал: почему без перчаток? В руках у нее газета. Сейчас вновь появляется воспоминание о Г. Разговариваем по поводу сводки. Что было до этого с ним, не помню. В вагоне помню Г. как собеседника, то есть разговор с ним, самого его не помню... (Дальше сообщается содержание разговора с Г. относительно событий на фронте.)»

Этот предельно прозаический протокольный рассказ

рождает яркую картину военной заснеженной Москвы. Очереди за газетами, жадные глотки сообщений Информбюро, женщина без перчаток, но с газетой... Кто она, чью судьбу надеется прочесть в скупых строках: мужа, сына, брата?

Но мы отвлеклись, речь сейчас о психологическом эксперименте, который, кстати сказать, часто воспроизводится на семинарах по психологии. Впрочем, его легко повторить и со своими знакомыми. Повторить и сделать научные выводы о том, что же запоминается само по себе. Это ничего, что А. Смирнов эти выводы уже сделал. Ведь повторяем же мы без конца опыты по химии и физике. А здесь не надо ни пробирок, ни горелок. Только добрая воля и любознательность.

Итак, на основе многих подобных рассказов выяснилось, что воспоминания прежде всего касаются не того, что *думали* испытуемые — здесь чаще всего они отделывались формулой «Думал, но о чем думал, не помню», а того, что они *делали*. Это, как отмечает А. Смирнов, связано с направленностью человека на основную деятельность, а она заключалась в том, чтобы скорее дойти до работы. Испытуемые в этом случае не *думали* и *шли*, а *шли* и *думали*. Между прочим, могло быть наоборот.

А. Вознесенский признается, что вышагивает свои стихи. Вот он *думает* и ходит. Ходит по московским улицам, по осенней Сигулде, кольцевой дорожке вокруг овального и зеркального белорусского озера Свитязь. Его воспоминания о проделанном пути тоже опубликованы. Это стихи.

«Я пишу стихи ногами. Я не боюсь двусмысленности этой фразы. Я вышагиваю стихи или, вернее, они меня. Во время ходьбы ритм улиц, сердечной смуты, толпы или леса ощущается почти что осязанием, предсознанием. От Стремянного до Лаврушинского написалась «Параболическая баллада».

Почему обрывающееся в небо ночное Мукачевское шоссе продиктовало моим армейским сапогам «Плач по двум нерожденным поэмам», или эвакуационная вьюга провыла детской памяти ритм «Гойи», а качка одесской палубы сообщила моим подошвам сбив строки в «Озе»?

Не знаю. Ноги знают».

Но вернемся в психологическую лабораторию: запоминается то, что так или иначе связано с целью деятельности, что помогает или, наоборот, мешает ее

достичь. Именно поэтому, кстати сказать, заставляли нас в школьные годы на уроках языка «списать и вставить пропущенные буквы», «подчеркнуть», «придумать предложение с союзом», а на уроках математики решать задачи. В ходе конкретной деятельности правила и теоремы запоминаются как бы сами по себе. Специально не учишь, а запоминаешь. Так, как нередко запоминают длинные монологи и многочисленные реплики актеры.

А. Смирнов специально беседовал со многими артистами о том, как они заучивают свои роли.

«Заучивать роль нельзя, — говорит заслуженная артистка Ю. — Зубрежка вырабатывает штампы... *творчески* надо запоминать, внутренне жить этим надо, идти сюда к тексту, к его запоминанию со всей внутренней жизнью... Если линия психологических поворотов ясна, то все запоминается само собой... Идешь иной раз по улице и вслух произносишь отдельные места роли, ищешь, как их надо сказать. Раз в «Европейской» гостинице в Ленинграде всю ночь соседям спать не давала. Громко разучивала, но не текст запоминала, а хотела найти интонацию... Каждый раз ставлю себе вопрос: что я *делаю* здесь?.. *Это действие и служит основой запоминания».*

О том же другая актриса:

«Не забочусь ни о самих словах, ни о том, чтобы запомнить их, а стараюсь понять, что *делается* в этом куске, понять состояние действующего лица сейчас... Хотя не все, но многое и многое само собой запоминается».

А вот свидетельство еще одного актера:

«Вот одну роль 137 раз играл, но и сейчас ее по-настоящему не знаю. Не подходит она мне... На чем основываешься, запоминая роль? *На действиях, на поворотах действия».*

А может быть, и впрямь не повторение, а действия, деятельность — мать учения?

Очень любопытную связь деятельности с непроизвольным запоминанием обнаружила в 1927 году Б. Зейгарник. Теперь она знаменитый психолог, профессор МГУ, но открытие, которое вошло в науку под названием «эффект Зейгарник», было сделано в те далекие годы, когда молодая исследовательница работала под руководством одного из крупнейших психологов XX столетия, К. Левина.

Какие действия лучше запоминаются, те, которые успешно начаты и завершены, или те, которые оборвались на высокой ноте? В опыте Зейгарник испытуемые должны были как можно быстрее и как можно точнее выполнить около 20 заданий разного характера. Здесь были и небольшие математические задачи, загадки, лепка фигурок из глины, изготовление картонных ящиков и т. п. Когда исполнители, как говорится, вошли во вкус, работа над половиной задач прерывалась. Потом экспериментатор просил перечислить все выполнявшиеся задания.

$$(\text{Отношение}) \quad \frac{\text{количество запомнившихся прерванных задач}}{\text{количество запомнившихся завершенных задач}}$$

в разных группах было равно в среднем 1, 9; 2, 1; 2... Легко понять, что прерванные задачи запомнились лучше завершенных примерно в два раза. Почему? Психологи считают, что здесь все дело в том психическом напряжении, которое возникает под влиянием принятого решения. Если задача выполняется, напряжение спадает и все, что с ним было связано, забывается. Когда исполнение решения прерывается, напряжение не исчезает и само дело закрепляется в памяти.

Интересно было бы исследовать, распространяется ли «эффект Зейгарник» на более сложные виды деятельности. Например, на общение между людьми. На самом деле, кого мы вспоминаем: тех, с кем отношения прошли все стадии от знакомства через кульминацию к охлаждению, или тех, с кем отношения не достигли этой финальной черты? По-видимому, каждый может здесь прибегнуть к самонаблюдению...

— Блеск получается: зубрить не надо: что запомнилось, то и ладно!

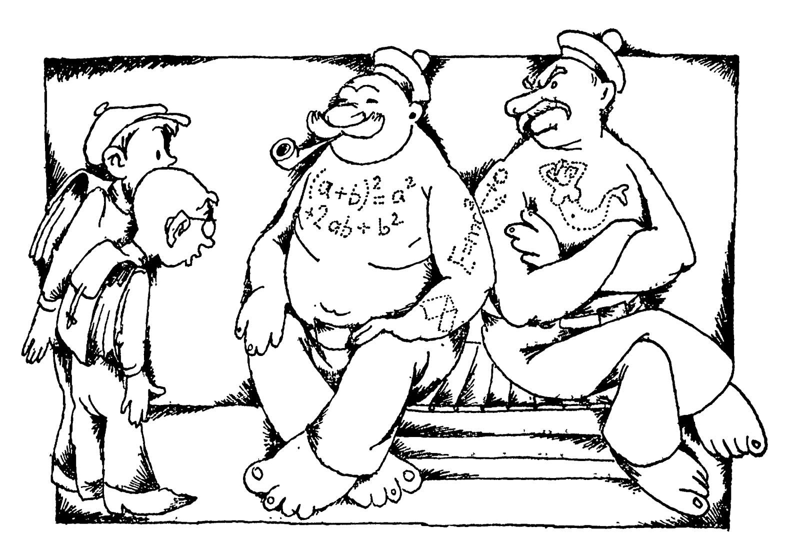
— А еще б лучше: принял таблетку — все знаешь, история — голубенькая, математика — желтенькая.

— Разговорчики одни, а я вчера опять пару схлопотал... Забыл.

«Мне запомнилось», «мне вспомнилось» — безличные предложения. В непроизвольных познавательных процессах человек все же пассивен. А сознательная че-

ловеческая деятельность характеризуется именно активностью, целенаправленностью, волевым началом. Непроизвольная память есть уже у животных. Произвольная — великое достижение эволюции, историческое приобретение человека. «*Животному,* — писал К. Ушинский, — *вспоминается, но животное не вспоминает.* В человеке же мы различаем ясно оба эти явления памяти».

Жизнь ставит перед нами определенные задачи, и во имя их осуществления мы ставим задачи перед собой:

запомнить не только то, что само застревает в памяти, но и то, что *надо.* А это уже сложная целенаправленная мнемическая деятельность со своими мотивами, средствами, объектами и результатами.

Прежде всего надо поставить перед собой цель, мнемическую задачу. Без нее... Один психолог привел очень яркий пример о бесплодности повторений, если нет цели, нет желания, нет установки выучить. Он на протяжении 25 лет читал около 5 тысяч раз молитву из 124 слов и тем не менее не смог безошибочно воспроизвести ее по памяти. Ему понадобилось 44 «подсказки», прежде чем было достигнуто первое правильное воспроизведение. Легко проверить: 124 слова — меньше, чем половина одной страницы этой книги!

В историю психологии вошел такой случай. Психолог Радославлевич однажды экспериментировал над иностранцем, который плохо понимал немецкий язык. Опыты велись по методу Г. Эббингауза, был предложен ряд в восемь слогов. Дальнейший ход событий Радославлевич описывает так: «Он читал его 20, 30, 40, 46 раз, не заявляя, однако, что он его выучил наизусть, как должен был сделать согласно моей (не понятой им) инструкции. Я уже почти усомнился в возможности благоприятного результата, остановил после 46 повторений механизм (по-видимому, использовался специальный мнемометр, который позволяет равномерно предъявлять испытуемому материал для запоминания. — *Я. К.*) и спросил, может ли он повторить этот ряд слогов наизусть.

— Как? Так я должен заучивать эти слоги наизусть? — был его ответ. Тогда он еще шесть раз повторил ряд и легко достиг цели».

Не мог запомнить, потому что не знал, что это необходимо, а вследствие этого и не хотел...

С подобными фактами можно встретиться на каждом шагу. Преподавателю психологии приходится из года в год проводить со студентами опыты на запоминание. Читается, например, такой ряд, состоящий из 10 пар слов:

книга — окно
рука — туча
вилка — дѐло
чашка — трава
кошка — свеча
гора — краска
якорь — кино
сосна — ложка
бритва — солнце
танец — река.

При этом студентам дается инструкция: послушайте и постарайтесь запомнить. Потом я буду читать первое слово каждой пары, а вы должны вспомнить и записать второе слово.

И вот студенты — кто больше, кто меньше — вспоминают и записывают, а преподаватель — экспериментатор — ни одного слова за долгие годы так и не выучил. Ему не надо. У него эти слова на бумажке напечатаны.

А что, если нас поменять местами? Собственно говоря, по такой схеме был построен интересный опыт психолога Д. Дженкинса. Испытуемыми были 24 пары студентов. (Слава вам, наши неизменные и терпеливые помощники. Пора перед институтами психологии и исследовательскими лабораториями поставить памятник Неизвестному студенту... и студентке.) В каждой паре один из студентов играл роль экспериментатора, а другой — испытуемого. Экспериментатору с помощью аппарата последовательно в постоянном темпе предъявлялся ряд из 20 бессмысленных слогов, а он только должен был прочитывать эти слоги испытуемому. Тому предлагалось запомнить эти слоги. После первого безошибочного воспроизведения испытуемого, так же как и экспериментатора, просили прийти на следующий день для завершения эксперимента. Тех и других просили воспроизвести слоги, которые они запомнили. Экспериментаторы правильно вспомнили в среднем 10,8 слога (результат непроизвольного запоминания), а группа испытуемых — 15,9 слога. Преимущества произвольного запоминания, как говорится, налицо!

О значении установки на запоминание, о значении внутреннего отношения к самой задаче запомнить свидетельствует эпизод из романа В. Кожевникова «Щит и меч», прекрасно воссозданный в одноименном кинофильме. Советский разведчик Белов (Вайс) только один раз прочитывает секретный документ с многочисленными цифрами и потом точно воспроизводит его нашему резиденту. Белов знает: от того, запомнит он или не запомнит, зависит жизнь тысяч узников гитлеровских лагерей... Он не имел права не запомнить...

Словесные пары, которые здесь приведены, нередко используются для доказательства еще одной закономерности запоминания — преимущества осмысленного запоминания по сравнению с механическим. Этот эксперимент легко повторить. Сначала надо произвести опыт с напечатанными выше словесными парами и записать результат. Испытуемые запоминают в среднем три-четыре слова. Потом можно предложить такой ряд:

почта — письмо
буква — слово
касса — деньги
стакан — кофе

небо — звезда
театр — драма
сани — зима
гнездо — птица
рыба — вода
трактор — поле.

Показатели достигнут почти 100 процентов, испытуемые воспроизведут все десять слов! Почему? Совершенно верно: первые пары бессмысленны, слова соединены случайно, а во втором столбце соединены по смыслу.

Впрочем, можно осмыслить и пары первого столбца. Например, читают «книга — окно», а испытуемый соображает: «Книга лежит на окне». «Кошка — свеча»? Пожалуйста: «Кошка обожглась о свечу!» Результат подскочит до 100 процентов. Все, что осмысленно, над чем человек думал, запоминается во много раз лучше, чем непонятное, неосмысленное.

Еще Г. Эббингауз, экспериментируя на себе, установил, что для заучивания 36 лишенных смысла слов ему в среднем требовалось 55 повторений, в то время как 36—40 слов, взятых из перевода «Энеиды», сделанного Ф. Шиллером, он запоминал уже после шести-семи повторений. Почти в девять раз быстрее.

Золотое правило дидактики: ничего нельзя заставить заучивать, кроме того, что хорошо понято.

Опыт со столбцами может продемонстрировать еще одну закономерность запоминания — «эффект края». Почти наверняка все испытуемые лучше запоминают первые и последние слова.

Не потому ли спорщики хотят, чтобы за ними осталось последнее слово? Кстати сказать, этим эффектом удачно воспользовался наш разведчик Штирлиц из «Семнадцати мгновений весны»: сначала завел с гестаповцем разговор на интересующую тему, а потом попросил таблетку от головной боли. Зачем приходил Штирлиц? Просил таблетку. Запоминается последнее.

Заучивать, не понимая, невыгодно. Точно так же, как невыгодно учить «назавтра», «до экзамена», «до семинара»... Тот, кто ставит стрелку на «вечно», выигрывает. Если, конечно, запоминаемое этого заслуживает.

То, что человек хочет запомнить, необходимо подвергнуть специальной мыслительной обработке, которая, как и всякая сложная деятельность, имеет ряд

операций. Начать можно с операции, которую профессор А. Смирнов назвал смысловой группировкой. То, что надо запомнить, разбивается на короткие порции. Иногда это происходит как бы само собой, но часто необходимо применять этот прием сознательно.

Со смысловой группировкой тесно связана другая очень полезная при запоминании умственная операция, выделение смысловых опор, на которых потом как бы держится весь материал. Внешне такие опоры напоминают тезисы или развернутый план. Вот как описывают поиски таких опор испытуемые А. Смирнова.

«Не сразу понимала текст. Чтобы лучше уяснить его, старалась формулировать основные мысли в виде кратких положений. Это очень помогало запоминанию. Собственно, эти положения только и приходилось запоминать. Все прочее в них уже имелось, подразумевалось мною. Припомнить текст легко, если вспомнить такую фразу».

«Понимаешь, о чем читаешь, но что именно сказано, приходится размышлять, докапываться до этого. Прочтешь некоторую часть, чувствуешь, что о чем-то другом говорится, вернешься к прочитанному, стараешься вдуматься в него. Поймешь, закрепишь в виде маленькой фразы, словно тезис краткий составишь, идешь дальше. Продумывать иногда долго приходится. Зато, когда поймешь и сформулируешь суть, чувствуешь, что нашел хорошую опору для запоминания. Так тезисами и запоминал. Они служили хорошими путеводными огнями».

Путеводные огни для запоминания загораются и при смысловой группировке, когда человек по-своему разбивает текст на кусочки и потом составляет из них осмысленную мозаику. Часто школьники, да и люди постарше страдают от того, что не привыкли, не умеют объединять знания, полученные из разных источников.

Ученик на уроке истории отрывочно и сухо «доложил» некоторые факты о восстании Степана Разина.

— Ты ведь только вчера ребятам о книжке про него так здорово рассказывал, — удивился отец.

— Так то по литературе, а это история!

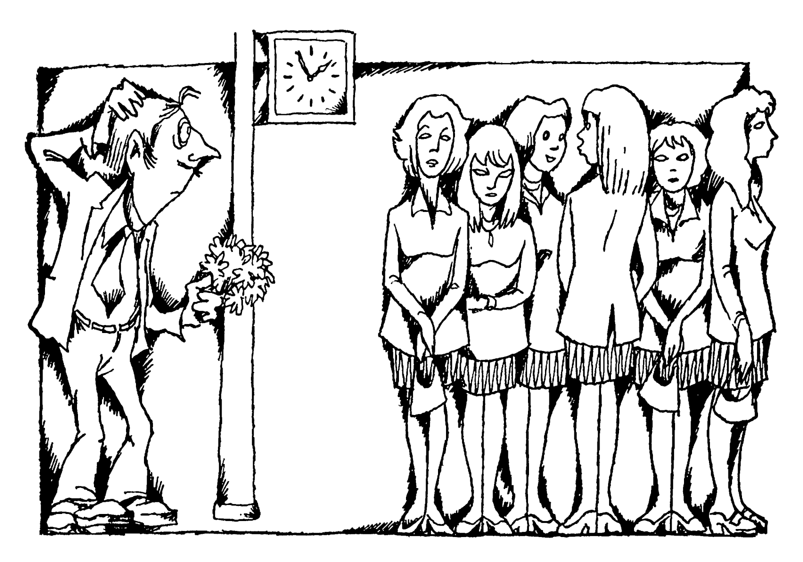
Плохо, когда знания об одном и том же лежат как бы на разных полках сознания и не помогают, не усиливают, не углубляют друг друга.

Кто-то сказал, что мышление начинается там, где

кончается память. Это не совсем верно: мышление нередко неотделимо от памяти. Тот, кто хорошо думает, хорошо запоминает.

— Выбейте мне триста граммов медицинской колбасы...
— Не бывает у нас такой.
— Врачебной дайте.
— И такой нет. Может, докторской?
— Ах да, вечно путаю...

Запоминание, все его подвиги и ухищрения предпринимаются ради конечного результата — воспроизведения, вспоминания. Не очень большим утешением служит предположение некоторых ученых о том, что на самом деле человек вообще ничего не забывает: он *только* не в состоянии вспомнить. Сокровищница, ключ от которой потерян? Не шарить же, на самом деле, по коре больших полушарий мозга электродом, выискивая нужное воспоминание, как в знаменитых опытах В. Пенфилда.

Нередко то, что запомнилось, воспроизводится как бы само по себе, непроизвольно. Особенно гладко обычно происходит узнавание. «Так ведь это Иванов Сидор

Минаевич!» — такого рода восклицания, относящиеся к самым разнообразным явлениям, которые воспринимаются повторно, слышишь буквально на каждом шагу.

Собственно говоря, без узнавания невозможно осмысленное восприятие. Узнать — означает включить воспринятое в систему наших знаний, нашего опыта, отнести к определенной категории и т. д. Узнать — значит... узнать. Интересно, что узнавание сопровождается определенным эмоциональным переживанием — чувством знакомости: «видел», «уже слышал», «пробовал»... Нередко это чувство подводит школьников и студентов. Перелистывая дома книжку, ученик *узнает* то, о чем говорилось на уроке, а кажется ему, что он *знает*. Нередко это кончается сценой типа «Опять двойка».

«Чувство знакомости» повинно и в других типичных заблуждениях. Вызвали человека к доске, после нескольких тщетных плавательных движений он бесславно усаживается на свое место... На лобном месте новая жертва? Нет, кажется, не жертва. Отвечает бойко и гладко. Но вот что обидно — ведь и я все это знал: этот пример и этот вывод... Знал? Вернее было бы сказать «узнал». Не по этой ли самой причине счастливые билеты обычно достаются не тебе, а товарищу? И не потому ли наконец «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны»?

Узнать легче, чем воспроизвести в отсутствии оригинала. Но и здесь бывают ошибки. Наверное, каждому хотя бы изредка приходилось испытывать странное переживание: ты приезжаешь в заведомо новый для тебя город, или оказываешься в новой ситуации, а тебе кажется, что все это уже было. Мнимое узнавание. Оно обозначается специальным термином «*déja vu*». В переводе с французского — «уже видел».

Древнегреческий философ Пифагор считал, что узнавание это не мнимое: человек вспоминает аналогичный случай, который имел место в его... прежней жизни. Вернее, в предыдущем цикле существования. Такое же значение эффекту «*déja vu*» придается и в индуизме: человек не умирает безвозвратно. Он лишь перевоплощается, но в период нового существования могут вспоминаться эпизоды из предыдущего...

А на самом деле нас подводят ассоциации — похоже только кое-что, а кажется, будто все повторилось.

Вообще ассоциации, связи между отдельными звеньями воспринятого, играют очень большую роль в припоминании, а значит, и в запоминании. То, что вместе воспринимается, вместе и запоминается: связи в памяти отражают связи, которые существуют в жизни.

В своих «Основах психологии» классик изучения памяти Г. Эббингауз отмечал, что элементы запоминания «ассоциативно связываются не только самым разнообразным образом между собою, но и с элементами случайными и в известном отношении совершенно для них безразличными, второстепенными... Отдельные члены ряда ассоциативно связываются с местом, которое случайно занимают на клочке бумаги, со столом, на котором они случайно были продемонстрированы передо мной, с положением тела, которое у меня тогда было...».

В основном здесь речь идет об ассоциациях по смежности.

Очень часты ассоциации по сходству. Собственно, на них-то и основаны почти все поэтические метафоры и сравнения. Относительно простые и прозрачные, как в этом отрывке из Н. Матвеевой:

Река текла, как дождь,
Лежащий на боку,
А дождик шел, как речка в вертикали,
И мост подныривал, подобно поплавку,
Когда струи по нем перетекали.

Или символические и усложненные, как у А. Вознесенского:

На черной Вселенной любовниками
отравленными
Лежат две поэмы,
как белый бинокль театральный,
Две жизни прижались судьбой
половинной —
Две самых поэмы моих
соловьиных!

Здесь уже ассоциации и по смыслу и по противоположности. Так, в жаркий полдень может возникнуть в сознании образ снежного поля...

Наша память перенаселена ассоциациями. Они услужливо выдают на-гора клише-воспоминания, клише-сравнения и, увы, клише-мысли. Недаром И. Ильф и

Е. Петров отбрасывали то, что приходило в голову им обоим.

Люди помечены друг другом и своими творениями. «Мы с Тамарой ходим парой...», «Слон и Моська», «Тарапунька и Штепсель», «Принц и Нищий», «Чук и Гек»... Б. Слуцкий, автор замечательного стихотворения о лошадях в океане (но не этого одного!), сетует:

Про меня вспоминают и сразу же —
про лошадей,
рыжих, тонущих в океане.
Ничего не осталось — ни строк, ни идей,
только лошади, тонущие в океане.

И покуда плывут — вместе с ними
и я на плаву:
для забвения нету причины,
но мгновения лишнего не проживу,
когда канут в пучину.

Может быть, ассоциации — мрамор для нерукотворных памятников?

— Назовите, только быстро, часть лица, плод, птицу, время года.
— Нос, яблоко...
— У всех почти одинаково.

Это скорее исключение, которое касается того, что лежит на поверхности, чем правило. Правило в другом: одни и те же слова-стимулы вызывают то, что связано с опытом человека, его главным делом, его мыслями и чувствами, «корень» вызовет у ботаника представление о части растения, у филолога — о части слова, у стоматолога — зуба, у философа — «корень зла», у математика — $\sqrt{}$ и т. д.

Когда лингвист А. Иванова методом ассоциативного эксперимента выявляла, какие слова всплывают в сознании юристов и неюристов в ответ на одинаковые слова-раздражители, обнаружилась довольно существенная разница. Например, у юристов наиболее распространенная реакция на слово *состав* — *преступления*, у неюристов — *вагоны*.

А нельзя ли таким путем выудить у человека то, что он, в общем, сказать не хочет или не может? Именно на этой идее построен так называемый ассоциативный эксперимент.

Испытуемому читают слова и просят быстро отвечать первым попавшимся. Расчет ясен: у кого что болит, тот о том и говорит. А если не говорит? Значит, пауза... Значит, говорить не хочет, выходит, что-то скрывает... Психологи и психиатры используют ассоциативный эксперимент как метод исследования личности. В криминалистике с ним связывались другие надежды. Лучше всех, пожалуй, эти попытки спародировал К. Чапек в рассказе «Эксперимент профессора Роусса».

Профессор заявляет подозреваемому в убийстве Суханеку:

«— Я не буду вас допрашивать. Я только буду произносить слова, а вы должны в ответ говорить первое слово, которое вам придет в голову. Итак, внимание! Стакан... Стакан, — повторил профессор Роусс.

— Пиво, — проворчал Суханек.

— Вот это другое дело, — сказала знаменитость. — Теперь правильно.

Суханек подозрительно покосился на него: не ловушка ли вся эта затея?

— Улица, — продолжал профессор.

— Телеги, — нехотя отозвался Суханек.

— Надо побыстрей. Домик.
— Поле.
— Токарный станок.
— Латунь.
— Очень хорошо.

Суханек, видимо, уже ничего не имел против такой игры.

— Мамаша.
— Тетка.
— Собака.
— Будка.
— Солдат.
— Артиллерист.

Перекличка становилась все быстрее. Суханека это забавляло.

Похоже на игру в карты, и о чем только не вспомнишь!

— Дорога, — бросил ему Роусс в стремительном темпе.

— Шоссе.
— Прага.
— Бероун.
— Спрятать.
— Зарыть.
— Чистка.
— Пятна.
— Тряпка.
— Мешок.
— Лопата.
— Сад.
— Яма.
— Забор.
— Труп!

Молчание.

— Труп! — настойчиво повторил профессор. — Вы зарыли его под забором. Так?

— Ничего подобного я не говорил! — воскликнул Суханек.

— Вы зарыли его под забором у себя в саду, — решительно повторил Роусс.

— Вы убили Чепелку по дороге в Бероун и вытерли кровь в машине мешком. Все ясно».

Преступник был разоблачен.

А что получится, если «смонтировать» ассоциатив-

ный эксперимент с какой-либо методикой объективной регистрации эмоционального состояния человека? Совершенно верно. Получится то, что иногда называют «детектором лжи». Впервые, пожалуй, нечто подобное создал еще в 20-е годы А. Лурия.

В его исследовании сначала устанавливалось, с какой непроизвольной реакцией сочетается восприятие того или иного слова. Бралась, например, кожногальваническая реакция — разница электропотенциалов наружной и внутренней сторон ладони, которая, как известно, чутко отзывается на изменение эмоционального состояния человека. Оказалось, что близкие по смыслу слова дают сходную объективную картину. Если, например, вырабатывалась реакция на слово «скрипка», то наиболее похожую реакцию вызвали «смычок», «скрипач», «струна», несколько менее похожую «флейта», «рояль», «соната», а предъявление слов «корова» или «печка» не вызвало никакой реакции.

В наши дни ассоциативный эксперимент широко применяется прежде всего в психолингвистике. Правда, лингвисты жалуются, что «ассоциативные эксперименты страдают как бы излишней чувствительностью», но именно за это их любят психологи. Не так давно М. Новикова и Т. Новикова применили ассоциативный эксперимент для изучения психологической совместимости членов группы. В опытах участвовало двенадцать испытуемых, которые с помощью социометрии были распределены на три группы: группа лиц взаимно симпатизирующих друг другу (позитивная), группа с отрицательными взаимными отношениями (негативная) и индифферентная группа.

Групповой вариант классического ассоциативного эксперимента «эстафетно-кольцевая ассоциативная проба» заключался в том, что в ответ на пусковое слово-раздражитель, произнесенное экспериментатором, испытуемые должны были ответить первым пришедшим в голову существительным. Первый давал ответ экспериментатору, второй реагировал на слово первого, третий подхватывал реплику второго, а четвертый — третьего.

Основной эксперимент состоял из двадцати четырех серий, по двести ассоциаций в каждой. При этом от серии к серии менялись пусковые слова, менялись местами и испытуемые.

Мы не будем рассказывать здесь обо всех получен-

ных результатах. Отметим только, что людям, связанным различными эмоциональными отношениями, на память «приходили» непохожие слова. Так, «наиболее распространенной тематикой ассоциирования для позитивной группы оказалась «сексуальная»... Для негативной группы такой тематикой оказалась «судебная» и «военная»... Для индифферентной группы выделить не удалось».

«Обращает на себя внимание, — продолжают далее авторы этого исследования, — крайне высокий уровень употребления негативных терминов и ассоциаций, связанных с личными отношениями и внутригрупповыми конфликтами, негативной группой. Так, среди слов, повторно употребленных испытуемыми, слово «дурак» встречается у всех четырех членов негативной группы (повторено в общей сложности пятнадцать раз), у трех членов индифферентной группы (повторено двенадцать раз) и только у одного члена позитивной группы (повторено три раза)».

Надо полагать, что упомянутое энергичное и не в меру популярное определение высоты интеллектуальных способностей не было обращено к кому-то конкретно. Оно, так сказать, витало в воздухе и четко охарактеризовало соответствующую психологическую атмосферу... Скажите, какие слова вы употребляете, и я скажу, какая у вас группа...

Ассоциации обеспечивают автоматическое, непроизвольное воспроизведение. Благодаря им материал *вспоминается*... Это хорошо знал уже А. Пушкин: «...морозы. Читатель ждет уж рифму: розы...»

Однако такого автоматизированного вспоминания для человека совершенно недостаточно. «Вспоминается — опять-таки предложение безличное. Сплошь и рядом приходится *вспоминать,* активно искать в лабиринтах памяти необходимую информацию. Этот поиск нередко развертывается в специальную умственную работу — припоминание. Вспоминается легко. Вспоминать гораздо труднее. «Упорное припоминание, — писал К. Ушинский, — есть труд, и труд иногда нелегкий, к которому должно приучать дитя понемногу, так как причиной забывчивости часто бывает леность вспомнить забытое, а от этого укореняется дурная привычка небрежного обращения со следами наших воспоминаний».

Интересно, что привычка забывать связана с неко-

торыми профессиями, которые связаны с необходимостью «пропускать» через себя много разнородной информации. Э. Хемингуэй писал, что ему стало трудно заниматься газетной работой, которая «учит забывать каждый день о том, что случилось накануне», и таким образом «начинает усиленно разрушать память».

На ослабление памяти, связанное с привычкой забывать, жалуются и опытные радиодикторы.

— Ну вот, нашла на что обижаться. Забыл я, закрутился, просто забыл.

— Вот именно, А еще год назад ты бы о таком дне не забыл.

Прошлое зарастает травой забвения. Недалеко от источника памяти древние греки поместили реку Лету. Глоток — и ты забыл. Дорога жизни устлана тем, что выпадает из памяти. И все-таки почему-то одно помнится долгие годы, а другое улетучивается из памяти уже на следующий день.

Издавна подмечена связь забывания с чувствами и переживаниями человека. Немецкий философ Ф. Ницше считал, например, что, находясь на службе нашего «я», память выталкивает из сознания человека мысли и

переживания, которые ему угрожают: «Я это сделал», — сказала мне память. «Но я не мог этого сделать», — сказала мне гордость и была непреклонна, и память должна была сдаться ей».

На связь памяти с эмоциями, с отношением человека к тому, что предстоит сохранить в сознании, указывал и К. Ушинский.

«Если то, что заучивается детьми, — писал он, — не пробуждает в них никакого чувства, желания и стремления, то тогда заученное не может иметь никакого *непосредственного* влияния на их нравственность, но если чтение или учение, как говорится, *затрагивает сердце,* то и в памяти останутся следы комбинаций представлений с чувствами, желаниями и стремлениями, пробужденными чтением или учением, и такой сложный образ, *след,* возбуждаясь к сознанию, пробудит в нем не только представление, но и желание, стремление, чувство».

Но различные события, факты, сведения могут затрагивать сердце с разных сторон. Они могут радовать и огорчать, вызывать удовольствие или приносить страдание. З. Фрейд многие факты забывания объяснял воздействием вытеснения. Вытесняется из сознания то, что нам неприятно, уязвляет наше самолюбие, связано с тяжелыми переживаниями. Пациент З. Фрейда никак не мог отправить написанное письмо: один раз, идя на почту, забыл письмо дома, в другой — взял письмо, но забыл написать адрес на конверте, в третий запамятовал наклеить марку. В конце концов он выяснил для себя, что ему фактически не хотелось посылать это письмо...

Один обладатель весьма хорошей памяти постоянно забывает номер телефона поликлиники... Есть смысл произвести инвентаризацию того, что постоянно забывается — сроков сдачи работы, обещаний, адресов, имен... Недаром еще М. Монтень сетовал на то, что «о силе моей привязанности судят по моей памяти; природный недостаток перерастает, таким образом, в нравственный. «Он забыл, — говорят в этих случаях, — исполнить такую-то мою просьбу и такое-то свое обещание. Он забывает своих друзей. Он не вспомнил, что из любви ко мне ему следовало сказать или сделать то-то и то-то и, напротив, умолчать о том-то и том-то».

Забываем, потому что хотим забыть? Хотим забыть,

но не признаемся себе в этом? Бывает и так. Но всегда ли неприятное забывается?

Советский психолог П. Блонский провел специальное исследование на тему «память и чувство». «Я предлагал, — пишет автор, — студентам в аудиторной обстановке написать «первые пришедшие им в голову воспоминания» из текущего года, и, когда они уже написали, предлагал еще раз сделать то же, но уже из жизни до института. Так было собрано мной 224 воспоминания!»

Что же сохранилось в памяти? Прежде всего то, что связано с эмоционально затронувшими событиями. Таких воспоминаний — 81 процент. И наибольший процент приходится на «воспоминания о неприятном».

В другом исследовании П. Блонский собрал первые воспоминания детства. И опять тот же вывод: «Дольше всего помнится сильно эмоционально возбудившее событие... поражает ничтожный процент воспоминаний о приятных событиях: всего шесть. Но к этим воспоминаниям обычно присоединяется меланхолическое чувство, и их можно назвать грустными воспоминаниями о потерянном счастье детства... дольше всего помнится неприятное».

На основании своих опытов П. Блонский решительно отвергает положение З. Фрейда о вытеснении. «Поскольку, — говорит он, — фрейдистская теория вытеснения неприятного находится в вопиющем противоречии с вышеприведенным мной фактическим материалом, она должна быть решительно отвергнута...»

Впрочем, едва ли стоило торопиться с решительным отвержением. Скорее всего речь идет о различном содержании самого понятия о неприятном. У З. Фрейда прежде всего говорится не вообще о неприятном, а о таком, которое уязвляет мою гордость, унижает, бьет по самолюбию. Ясно, что забывание событий такого рода в прямых опытах обнаружить невозможно. Невозможно потому, что они... забылись!

Забыть — это не только не уметь вспомнить. Это еще и вспомнить, но не то, вспомнить, но не точно, искаженно.

Вообще нельзя представлять себе дело так, будто информация в нашей памяти хранится в неизменном виде, как документы в архиве. Сходство, пожалуй, только в том, что от долгого хранения и там и тут следы стано-

вятся все бледнее, яркие краски выцветают. Но это количественные изменения.

В памяти материал изменяется и качественно, реконструируется. Эту реконструкцию легко проверить: достаточно попросить своих товарищей припомнить и рассказать содержание определенного текста. Какие отличия репродукции от подлинника прежде всего будут обнаружены? Их может оказаться немало: обобщение или «сгущение» того, что в подлиннике дано в развернутой и детализированной форме. Может быть и обратное явление: то, что в подлиннике изложено кратко, испытуемые развернут и расширят. Обнаружится немало замен не только отдельных слов, но и целых ситуаций на равнозначимые, выяснится, что части подлинника в репродукции по-новому расположены, что вспоминающий кое-что привнес в его содержание, а кое-что невольно исказил...

Этот же опыт способен продемонстрировать еще одну интересную особенность памяти. Мы привыкли к тому, что чем больше времени прошло между восприятием и воспроизведением, тем больше потерь. Так бывает часто, но далеко не всегда. Случается, что более позднее воспроизведение оказывается более полным и точным, чем раннее. Это явление получило название «реминисценции». Особенно характерна она для детей.

Советский психолог А. Люблинская, которая провела немало интересных исследований с детьми осажденного Ленинграда, рассказывает о таком случае.

Дети интерната, жившие в условиях блокады Ленинграда, получили возможность летом 1943 года выехать на дачу. Богатство впечатлений от переезда в автобусе на вокзал, от поезда, от всей железной дороги, множество новых, никогда не виденных предметов, таких, как настоящая курица, коза, которых дети увидели из окна вагона, мелькающие леса, станции, поля, речки произвели огромнейшее впечатление. Однако ни на следующий после переезда день, ни через день никто из детей ничего не рассказывал о путешествии. Оно не фигурировало в играх, не отражалось в рисунках.

Прошел месяц. Дети вернулись в город... И только через две недели после возвращения бурно вспыхнула в их жизни тема «Переезд». Дети нагружали и перевозили кукол, мебель, посуду, строительный материал. Младшие охотно выполняли роль пассажиров, стар-

шие — вели паровоз, дежурили на станции, впускали и выпускали... «Переезд» ворвался в рисунки, рассказы, споры. Всплывали все новые и новые детали и подробности, как будто с течением времени из массы неразобранных впечатлений, из целого клубка образов, чувств и мыслей в памяти детей постепенно выступали, вычленялись то одни, то другие элементы сложного целого.

Пример не только яркий, но и поучительный. Выученное должно отлежаться, отстояться в памяти. «Эх, спросили бы меня теперь, все знаю», — сокрушаются студенты спустя несколько дней после экзамена. Между тем существует простой выход: закончить подготовку к экзаменам не на пороге экзаменационной комнаты, а на два-три дня раньше. Но это, кажется, из области педагогических утопий. А жаль.

Профессор А. Люблинская приводит впечатляющие факты и других особенностей детской памяти, которые, впрочем, в какой-то мере характерны и для взрослых. Ведь и они иногда невольно «вспоминают» не то, что было, а то, что им представилось, а порой и приснилось. Детей за такие рассказы нередко даже наказывают и обвиняют в обмане. И совершенно напрасно.

«Задолго до войны, — рассказывает А. Люблинская, — шестилетний Миша, гуляя с матерью вечером накануне праздника по Ленинграду, любовался праздничным убранством и иллюминацией нарядных улиц города. Речь зашла о прожекторах, освещавших темное небо. Однако мальчик был несколько удивлен тем, что эти яркие снопы света в мирное время являются только средством украшения города и лишь в случае войны используются для оборонных целей, чтобы обнаружить вражеские самолеты. Через день, вернувшись домой из детского сада, Миша с увлечением рассказал, что накануне над площадью, где происходили демонстрация и гулянье, прожекторами был обнаружен и затем сбит фашистский самолет с «таким значком на крыльях». На недоверчивые вопросы и замечания взрослых Миша продолжал все упорнее и все настойчивее развивать свою выдумку, внося, впрочем, некоторые поправки: «Самолет не сбили, нет, но два прожектора только осветили его крыло, и фашистский самолет скрылся».

В какой газете было напечатано? В «Известиях». Эту газету дома не получали. В результате длительной беседы с матерью Мише пришлось согласиться, что по-

добного случая не было... И все же, встретив вечером приятеля, Миша снова потихоньку повторил ему эту же выдумку, добавив с видом заговорщика, что это военная тайна, которой никто не должен знать».

Что же в действительности произошло? Факты, взволновавшие мальчика, рассказы воспитателя о советских воинах и детская фантазия сплелись воедино. А вот отличить образы фантазии от следов памяти ребенок не смог. Только ли ребенок? Не здесь ли разгадка того, как определенная психологическая атмосфера порождает иллюзии и слухи? То, чем живут окружающие, их разговоры, волнения, переживания определяют не только реальные представления людей, но и их фантазию. Фантазию, которую дети бывают не в силах отличить от реальности.

Еще один пример из записей А. Люблинской о жизни детей в блокадном Ленинграде. Вадик Б. пришел однажды утром в детский сад и со слезами сообщил, что его мать убита сегодня утром во время артиллерийского обстрела. Весь день мальчик горевал и плакал. Когда же работники детского сада пошли на дом к ребенку, оказалось, что мать жива и здорова. Никакого несчастья с ней не было. Но утром действительно был обстрел, а накануне, в присутствии мальчика мать разговаривала с соседкой о смерти ее сослуживицы.

Эмоциональность ребенка, — комментирует этот факт психолог, — быстро сплела новую историю из разных фактов, и, поверив в нее, ребенок полностью и искренне пережил выдуманную им потерю матери.

Да, Великая Отечественная прочно вошла не только в память и сердце нашего народа, не только в его историю и литературу, но и в анналы психологии.

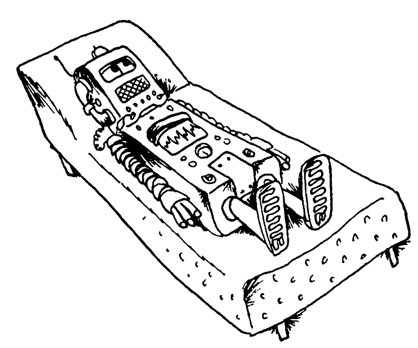
Папки и фолианты на полках архива не общаются друг с другом, не вторгаются в чужие информационные фонды, не стараются стереть или переписать друг у друга страницы. В памяти все наоборот. Выученное постоянно взаимодействует с тем, что изучалось раньше, и с тем, что поступило в кладовые сознания потом. И нередко взаимодействие это отнюдь не мирное.

Вообще, как заметил один психолог, есть так много причин для забывания, что удивительно, как мы все-таки кое-что помним. Не так, не в тех выражениях, в иной последовательности, но помним.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЛИЧНОСТЬ

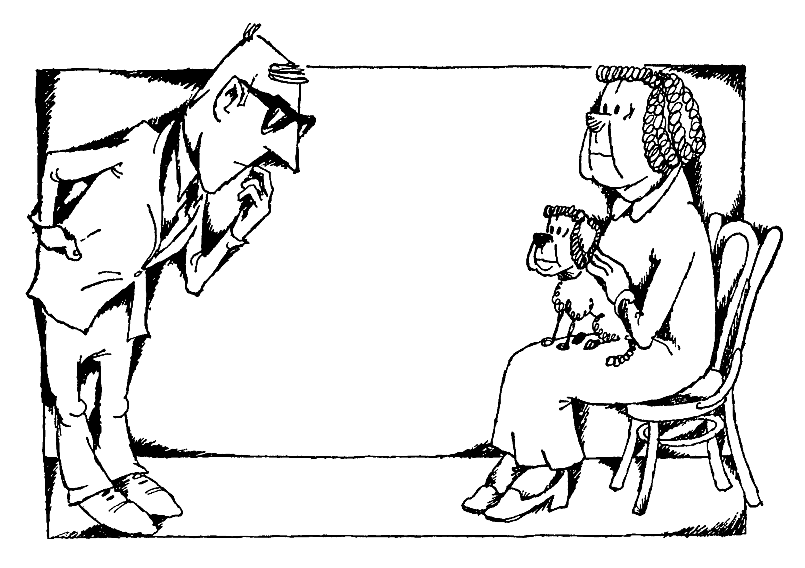
— Скромнее надо быть, молодой человек!

— Подумаешь, личность какая!

— От личности слышу!

— Граждане, не переходите на личность, детей бы постеснялись.

Люди любят заглядывать в будущее, в грядущие годы, которые, как известно, «таятся во мгле». Предсказания эти для психологии полезны хотя бы тем, что они, как и любые мечты, являются симптомами назревших и осознанных потребностей человека. В одной из японских сводок «прогнозов экспертов» есть и прямо-таки психологическая надежда: «Создание простых методов установления личности человека — 1996 год». Через двадцать лет можно будет «установить лич-

ность»? Сомнительно. Хорошо бы сначала вообще разобраться, что это такое.

Когда хотят охарактеризовать какого-то отдельного человека, то часто говорят о нем то как о личности, то как об индивиде, индивидуальности. В психологии эти два понятия различаются. Индивид, индивидуальность — это конкретный человек во всем своеобразии своих физических и физиологических, психологических

и социальных качеств и свойств. Но индивидуальностью, вообще говоря, обладают не только люди. К. Лоренц научился даже галок, за которыми наблюдал, различать «в лицо». Всякий знает, как непохожи друг на друга домашние животные — собаки, кошки, коровы: у каждого не только своя внешность, но и свой «нрав». Однако никто никогда не говорит о *личности* лошади или даже очень сообразительной овчарки.

Нет никакого сомнения в том, что все новорожденные младенцы похожи друг на друга только на первый взгляд. Фактически каждый из них — уже индивидуальность... Но не личность! Человек становится личностью, а не рождается ею. Обязательно ли все? Или только некоторые? Недаром же, наверное, можно слышать об одном «настоящая личность!», а о другом — «нет, это не личность. Так, ни то, ни се».

Интересно, что даже само слово «личность» испытало в истории удивительные приключения, которые, кажется, еще продолжаются. Первоначально латинское слово persona — персона означало маску, личину.

В античном театре актер надевал ту маску, которая характеризовала основное содержание изображаемого персонажа. Потом маска как бы «приросла» и стала обозначать внутреннюю суть самого действующего лица. «Персона» сошла с «театральных подмостков и шагнула в жизнь. В Древнем Риме «персона» уже обозначала «лицо перед законом». Раб, тело и труд которого принадлежали господину, персоны иметь не мог.

В русском языке, как отмечает известный лингвист Р. Будагов, слово «личность» долго имело оскорбительный оттенок. В Академическом словаре 1847 года говорится, что личность — «отношение одного лица к другому. Никакая личность не должна быть терпима в службе»; «колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбление, не должно употреблять личности».

Теперь понятны и строки А. Пушкина:

Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: такой-то де старик,
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: все это будет личность.

Даже у Л. Толстого в «Войне и мире» еще можно прочитать такое описание хода бурных прений: «Чем дольше они продолжались, тем больше разгорались споры, доходившие до криков и личностей».

Удивительно, что параллельно развивалось и совсем другое значение этого слова.

«Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты?» — вопрошал А. Радищев. Так мог бы написать сегодняшний философ или психолог.

Личность чаще всего стала обозначать индивидуальность в ее социальных связях и отношениях. Но в наши дни приключения *личности* продолжаются. Все еще в пылу жаркого спора порой раздается предостерегающее: «Товарищи, не переходите на личность!» А на научных симпозиумах и конференциях психологи, социологи и философы ведут полемику (иногда «переходя на личность»!) о том, как отделить «личность» от «индивидуальности», биологическое — от социального; и над ними витает образ загадочного биосоциала — бессмертный Сфинкс со своей издевательской улыбкой. Может быть, именно ему в пику один психолог воскликнул: «Для меня личность — то, что выше пояса!»

А если все-таки ниже? Дело в том, что любая особенность человека, любая черта его внешности или строения тела может быть безразличной для его личности, но может оказаться и весьма существенной. Все зависит от того, как относятся к этой особенности окружающие и сам ее обладатель, как она влияет на положение человека среди других людей.

Один из крупнейших советских психологов, академик А. Леонтьев, предлагает проделать следующий отнюдь не абстрактный, а вполне жизненный умственный эксперимент. «Представим себе, — пишет он, — следующий случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту... Сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик в сторонке; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как «подпирать стенку». Как сложится в этих условиях его личность? Это невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. *Сама по себе* она не способна породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям и вообще никаких собственно психологических особенностей человека как личности. Парадокс в том, что пред-

посылки развития личности по самому существу своему безличны».

Да, «безличны» по своему существу такие, например, детали внешности, как форма головы и носа, цвет глаз и волос, но, когда гитлеровские специалисты по «чистоте расы» включили их в перечень соответствующих признаков, они стали вдруг играть весьма существенную роль не только в формировании личности, но в сохранении самой ее жизни...

Вообще любой признак человека «безличен» только до тех пор, пока не включен в тот образец, эталон, который в данном месте и в данное время служит для «измерения» личности. Люди как бы прикладывают друг к другу определенный шаблон: вписываешься, соответствуешь — хорошо... Отклоняешься — тогда неизвестно, хорошо или плохо. Это зависит от того, в какую сторону отклоняешься: если по направлению, продиктованному таинственными силами моды, — отлично. У тебя даже могут быть последователи. Если в противоположную, окружающие произносят суровый приговор.

Наверное, лучше всего себя чувствует тот, кто точно вписывается в господствующий стереотип внешности, поведения, а иногда и мыслей. Как-то в одном фильме показывали конкурс на звание «королевы красоты». В большом фанерном щите вырезан силуэт — шаблон женской фигуры. Претендентки одна за другой входят в эту скважину, примеряются. Одна не помещается — широковаты плечи или таз, или ноги слишком длинны; другая узковата там, где предписано быть пошире, зато широковата там, где следовало бы поужаться... Некоторые монтируются с трафаретом точно. Аплодисменты.

Следующий тур. Жюри задает вопросы. Надо, чтобы и мысли были вполне шаблонны... Да здравствует королева! На какое-то время все ее параметры станут эталоном для новых претенденток.

Человек, который вполне соответствует принятой средней норме, как бы делается невидимкой. Он неотличим от общей массы. Его не выделишь из общего фона. Недаром в детективах многоопытный шеф придирчиво осматривает все детали внешности будущего агента. Прическа, одежда, манеры — все должно соответствовать тому типу, в образе которого предстоит действовать. Иначе будешь обращать на себя внимание, не смешаешься с толпой, провалишься.

История медицины знает немало случаев, когда отважные изобретатели новых лекарств и методов лечения экспериментировали на себе... Психологи и социологи тоже порой идут по этому пути. Один рассказывал об опытах над собственной персоной. Он привил себе... нет, не черную оспу, не холерный вибрион — бороду... После отпуска появился в своем учреждении с пышной растительностью на лице.

— Что может произойти, — рассуждал он, — ведь внутренне я не изменился: у меня тот же характер, те же знания, те же моральные убеждения, те же взгляды на природу и общество. Неужели какое-то ничтожное дополнение к внешности может что-либо изменить в отношениях ко мне окружающих?

Оказалось, очень даже может. Это выяснилось уже по дороге на работу. Прежде всего ему казалось, что все встречные обращают на него внимание и смотрят как-то не так... Из человека-невидимки он превратился в «человека, на которого смотрят». При этом, поскольку он ожидал, что смотреть будут с осуждением, ему казалось, что большинство бросает на него взгляды, полные презрения...

Сотрудники разделились на четкие группы «за» и «против». Пожилая лифтерша, с которой он всегда был в прекрасных отношениях, всплеснула руками.

— Ах и вы развели на лице эту гадость! Такой был симпатичный молодой человек, — заключила она в стиле некрологов и речей на поминках.

Зато в глазах молоденькой секретарши в приемной он прочел полное одобрение («Как вы помолодели!» — воскликнула она). Это одобрение несколько утешило.

Мнение коллег было не столь категоричным, но вполне определенным. Мужчины, особенно те, у кого борода росла плохо, и те, кто «вообще-то сам когда-то собирался, да неудобно как-то...» — осуждали. Степень осуждения и его форма зависели от ранее сложившихся отношений.

Женщины явно разделились по возрастному признаку. «Молодежь за меня!» — воскликнул экспериментатор в ответ на бурное негодование одной дамы с репутацией раскаявшейся грешницы.

Но самый любопытный и, может быть, полезный результат эксперимента заключался в том, что борода как бы сняла какие-то запреты, вернее, создала удобный по-

вод для тех, кто относился к экспериментатору не очень благожелательно, они нашли удобный повод высказать свое «фэ». На какой-то миг он, даже утратив обычное спокойствие и академическую беспристрастность, парировал: «Знаете, Мария Филимоновна, меня в *вашей* внешности тоже далеко не все устраивает!»

Ждали, что скажет начальство... Оно безмолвствовало. И экспериментатор постепенно опять превратился в человека-невидимку.

— У вашего с этой крашеной серьезно?

— А кто их разберет нынче?!

— Побереглись бы... Злая небось: губки тоненькие. И хитрая, видать: глазами-то — зырк, зырк...

У каждого своя «теория личности». И не мудрено. Из собственного опыта известно каждому, что чуть ли не по любому, даже на первый взгляд случайному проявлению, мелкому поступку, детали внешности, вкусам и пристрастиям личность проявляется целиком. Отсюда обилие сентенций типа. «Скажи мне..., и я скажу, кто ты». С кем дружишь? Что читаешь? Что помнишь? Где отдыхаешь? На что обращаешь внимание?..

Собственно говоря, на таких многочисленных конкретных вопросах построены и научные личностные тесты. А у каждого не совсем научные, зато свои способы разгадки личности.

В. Солоухин придумал, например, оригинальный тестовый набор для решения знаменитой задачи английского математика А. Тьюринга на различение кибернетического устройства от живого человека. Представим себе, что двое ведут беседу, не видя друг друга. Если человек не может распознать в своем собеседнике кибернетическое устройство, значит, у человека перед компьютером нет, в сущности, никаких преимуществ.

«Может быть, — замечает В. Солоухин, — и правда нельзя распознать живого собеседника от кибернетического, если обсуждать математические закономерности или литературные произведения, несущие в себе только информационную функцию».

И дальше писатель предлагает свой тест. Надо спросить у собеседника: «Когда он последний раз плакал или смеялся? По какому случаю? Жалко ли ему Грушницкого, Каренину? Симпатизирует ли он Раскольни-

кову? За какой идеал он способен пожертвовать собой? На что он готов ради любви? Ради матери? Болит ли за что-нибудь у него душа?

Мне кажется, — говорит автор, — при таком разговоре изобличить механического собеседника не так уж трудно».

Механического, но не обязательно робота, хочется добавить по этому поводу... «Домашняя» теория личности, теория личности «на каждый день», зависит от пола, возраста и в особенности от профессии.

Свою теорию личности имеют продавцы, водители такси, официанты — все работники сферы обслуживания. Здесь основной критерий типологии: «качает права» или проглатывает, что дают, требует сдачи или застенчиво отворачивается. Профессия заставляет ее обладателя высвечивать в человеке одно и затенять другое.

Известный детский хирург С. Долецкий предлагает свою остроумную типологию маленьких пациентов. Большинство составляют «нормальные ребята». Остальные подразделяются на десять типов. Здесь «исследователи» и «невропаты», «деловые люди» и «нежные», «воришки» и «безразличные», «трусишки» и «анархисты», «интеллектуалы» и «страстные». Почти всегда в основу

типа кладутся черты поведения в больнице, различия по отношению к предстоящей операции и медперсоналу.

Исследователи «откручивают слабо завинченные болты. Втыкают согнутую проволоку в оба отверстия розетки электрической сети... В туалете они поджигают разные порошки и таблетки, чтобы сравнить их пламя и просто проверить: какие из них горят, а какие — нет...».

Невропаты. «Их волнует и интересует все происходящее в отделении. Они прислушиваются к шумам, плачу, крикам. Их волнуют непонятные запахи. Они задают массу вопросов с момента поступления до момента выписки. Число вопросов — необозримо... Я видел маленького мальчика, который стоял около постельки годовалого младенца... и спрашивал его: «Спать хочешь? Кушать хочешь? Живот у тебя болит?» Впрочем, не исключено, что в нем пробуждался будущий врач».

Деловые люди «все время заняты... Объединяет их одно общее качество: они деловиты, серьезны и не теряют времени напрасно. Их будущее обеспечено: деловой человек нигде не пропадет».

Безразличные. «Они удобны. Но я их не очень люблю. Кажется мне, что, взрослея, они сберегут это свое свойство. Даже тогда, когда жизнь потребует от них занять определенную позицию».

Трусишки «боятся абсолютно всего, без исключения. Укола и клизмы, процедуры и ее отмены. Непонятных слов и терминов... Большую беду приносит трусость в трудных условиях жизни. И не одним детям».

Анархисты. «— Все равно убегу. Кость сместится — поставите. Или сошьете — это ваше дело.

Никакие доводы на него не могут подействовать... И все-таки для развития личности некоторая доля анархии, может быть, имеет какие-то преимущества? Но, наверное, только на определенном этапе...»

Интеллектуалы. «Вы думаете, что это результат воспитания? Образования? Среды? Возможно. Спорить не стану. Но в том, что интеллектуалами рождаются, у меня нет сомнений... Мне не хотелось бы, чтобы понятие «интеллектуал» путали с понятием «интеллигент». В Британской энциклопедии написано: «Интеллигент — это интеллектуал, находящийся в оппозиции к собственному правительству». Вот он, английский взгляд, на семантику — немного иронии и много путаницы».

Похожий вывод можно сделать и по отношению к тем «теориям личности», которые вырабатывает для себя «собственноручно», так сказать, каждый человек: немного здравого смысла и житейского опыта и много путаницы и поспешных обобщений. Хорошо еще когда человек не объявляет свою теорию единственно верной и не возводит ее в ранг руководства для всех.

Наиболее известные типологии личности предложили врачи. Чаще всего психиатры. Это наложило свой отпечаток. К любому человеку прикладывается мерка: а насколько ты, голубчик, ненормален. (Нет, в том, что все немножко сумасшедшие, авторы не сомневаются. Мерка нужна лишь для выяснения, в какую сторону...)

Их предшественник великий древнегреческий ученый Аристотель (он, кстати, был военным лекарем при Александре Македонском), не мудрствуя лукаво, предложил совсем простые способы расшифровки характера по внешности. Настолько простые, что порой кажется, будто все это в шутку: величайший ум древности решил поразвлечься и написал для этой благородной цели специальный трактат «Физиогномика». Впрочем, соответствующий воз настолько «и нынс там», что даже подумать страшно об оценке, которой современные психологические трактаты удостоятся через две тысячи лет. Живущий в стеклянном доме не должен бросать камни даже в огород предшественника.

Физиологическая логика Аристотеля базируется на том основательном предположении, что между внутренними, душевными, и внешними, телесными, качествами существует закономерное соответствие. «Разглядывать природу живого существа, — пишет он, — возможно, если признают, что физические переживания одновременно изменяют душу и тело». И еще «Тело и душа слиты друг с другом таким образом, что становятся друг для друга взаимной причиной большинства состояний: в самом деле, никто никогда не видел живого существа, которое имело бы вид одного существа, а душу — другого, но всегда оно имеет чье тело, того и душу, так что необходимо заключить, что такому-то телу присуща такая-то душа».

В то же время Аристотель предостерегает от слишком прямолинейных выводов: «Те, кто заключает о характере лишь по видимому внешнему переживанию, ошибаются, во-первых, потому, что некоторые люди,

будучи разными, имеют одно и то же выражение лица, так, например, мужественный и бесстыжий имеют одно и то же выражение, по душевным качествам сильно различаясь; во-вторых, потому, что в разное время выражения лица изменяются: если, например, угрюмому случится приятно провести день, то он принимает выражение лица добродушного человека, и, наоборот, добродушному случается иногда горевать так, что у него изменяется выражение лица. К тому же еще и не о многих можно судить по внешнему выражению». Но как это нередко случается, этим исключительно тонким и верным общим замечаниям противоречат конкретные физиогномические выкладки. Создатель формальной логики оказался нелогичным. В этом легко убедиться.

«Признаки *робкого:* мягкие волосы, тело сутулое, не бодрое; икры смещены вверх; лицо бледноватое, глаза вялые и часто моргающие; конечности тела слабые, голени маленькие, руки тонкие и длинные... выражение лица подвижное, взор потупленный».

«Признаки *способного:* ...тело бледно-розовое и чистое, кожа тонкая; волосы не слишком жесткие, не слишком черные; глаза карие, влажные».

«Признаки *тупого:* ...лоб большой, круглый, мясистый; глаза светлые, тупые; икры ближе к пяткам, толстые, мясистые, круглые, щеки большие, мясистые; бедра толстые, голень длинная...»

«Признаки *бесстыжего:* глаза широко раскрытые и светлые, немного навыкате, веки красные и толстые; ...лицо круглое; грудная клетка приподнята кверху»...

Это общие характеристики. А вот кое-что из Аристотелевых частных признаков.

Диагноз по форме и величине ног:

«У кого хорошие и большие ноги — те сильны душой... У кого на ногах кривые пальцы — бесстыжи; также — у кого кривые ногти. Это соотносится с птицами, у которых кривые когти...»

И в том же духе обо всех признаках тела и манерах поведения, походке, движениях глаз.

Мать одного знакомого, которая согласно закону Рибо уже легко забывает о том, что было вчера, но прекрасно помнит свои гимназические годы, иногда цитирует пародию на определенную логическую фигуру: «Кто много ест, тот много спит; кто много спит, тот не грешит; кто не грешит, тот свят душой». Вывод о связи хо-

рошего аппетита с высоким моральным обликом вполне в духе Аристотелевой физиогномики...

И тем не менее остается нетленной главная идея: между физическим строением человека, между его физиологическими особенностями и психическим складом существует закономерная связь. Задача заключается в том, чтобы понять, в чем она состоит.

Уже в нашем веке немецкий психиатр Э. Кречмер попытался на основе своих клинических наблюдений связать личностные черты человека с особенностями строения тела, конституциональным типом. Действительно, всех людей по их конституции можно отнести к одному из трех типов:

1. Пикнический — объемистый живот с обильным отложением жира, грудная клетка и череп, расширяющиеся книзу («редька хвостиком вверх»?), короткие руки и ноги.

2. Лептозомный — худой, со слабо развитой мускулатурой и тонкими костями конечностей, узкогрудый и узкоплечий, грудная клетка и череп сужаются книзу («редька хвостиком вниз»?), длинные конечности.

3. Атлетический — широкая грудная клетка, хорошее развитие мускулатуры, грудная клетка сужается книзу.

Э. Кречмер приводит любопытную таблицу, которая ясно показывает... как опасно создавать общие схемы и всеобъемлющие классификации. Вот каковы циклотимики и шизотимики со специальными дарованиями. Итак:

	Циклотимики	Шизотимики
Поэты	реалисты, юмористы	патетики, романтики, художники формы
Исследователи	наглядно описывающие эмпирики	люди точной логики, системы, метафизики
Вожди	смелые борцы, ловкие организаторы, умелые посредники	чистые идеалисты, деспоты и фанатики, люди холодного расчета

Общие схемы не только опасны, но очень убедительны: прочтет человек нечто подобное и приступает к классификации своих знакомых... Самое удивительное — всегда находятся подходящие. Под любую схему. Человеческая личность так многообразна, что в ней можно высветить черты почти каждого типа. И будет похоже.

Вполне убедительную типологию личности предложил недавно грузинский психолог В. Норакидзе. Проанализировав множество схем и классификаций, он пришел к выводу, что все они фактически отражают одно и то же содержание: люди относятся к положительному или отрицательному типу. «Сущностью «положительных» типов, — говорит автор, — является *внутренняя* целостность, активное приспособление к внешней действительности, социальность, синтонность (экстравертный, гармонический, циклотимический и другие типы), тогда как для «отрицательных» типов таковой считается внутренняя дисгармония, меланхолия, внутренние и внешние конфликты (интравертный, конфликтный, дезинтегрированный, шизотимический, меланхолический и другие типы)».

Итак, коротко, просто, убедительно и, главное, очень жизненно: человек — «да» и человек — «нет». С существованием именно такого деления столкнулись социологи, которые проводят среди населения многочисленные опросы по «да-нетной» системе. Оказывается, одни люди, еще не вникнув в суть дела, говорят «да», другие — «нет».

— Теперь понятно, почему они никогда не выходят из бюджета! — воскликнул один инженер о своих близких друзьях.

— Почему же?

— А Николай сам признавался: стоит его жене спросить: «А не купить ли нам?» — он, не дослушав, немедленно говорит: «Нет». С этой платформы начинается обсуждение.

Но, пожалуй, самое точное воплощение человека — «нет» — жена Наполеона Жозефина.

«Наполеон знал, — рассказывает А. Манфред в своей известной книге «Наполеон Бонапарт», — что Жозефина все и всегда отрицает, что она как бы родилась со словом «нет» на устах и что, даже когда это лишено смысла, она все равно по привычке, по непреодолимой,

рефлекторной реакции будет отрицать, будет повторять: «Нет, нет, нет».

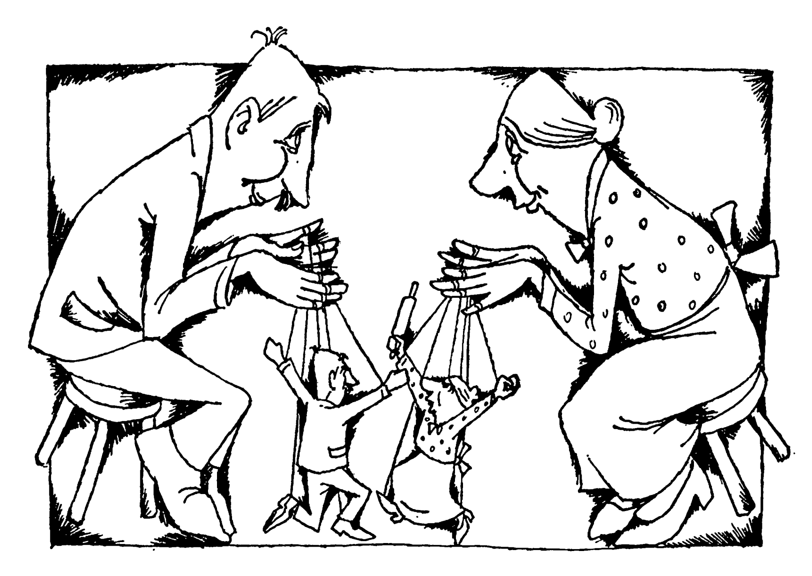
Есть смысл прислушаться к самим себе: какие слова произносятся чаще, «да» или «нет»...

— Чего вы с ним церемонитесь? Мал еще взрослым перечить.

— Как ни мал, а все же личность!

— Сомневаюсь!

Те, кто читал, пожалуй, первую в нашей стране «психологию для всех» — книгу профессора К. Платонова «Занимательная психология», наверное, запомнили любопытную деталь оформления. И на обложке, и в рисунках, помещенных среди текста, всегда присутствует фигурка человека, опирающегося на трость. Он энергично жестикулирует, доказывает, объясняет. Этот шествующий по страницам «психолог» очень похож (не случайная случайность) на автора — К. Платонова. Когда-нибудь о нем, докторе медицинских и психологи-

ческих наук, обаятельном, талантливом и веселом, несмотря на плохое здоровье, человеке, напишут отдельную книгу. А пока только одно воспоминание, связанное

с обсуждением злободневного вопроса: что же такое личность?

Всесоюзная конференция психологов. На трибуне К. Платонов.

— Структуру личности можно наглядно представить как единство четырех подструктур, которые соотносятся так...

Здесь оратор поставил ладонь ребром на край кафедры.

— Начнем снизу, с мизинца. Это подструктура темперамента и других биологических черт... Здесь социального почти нет. Развиваются эти свойства путем тренировки.

Над ней безымянный палец — подструктура психических процессов — память, воля, чувства и эмоции, восприятие, мышление, ощущения. Здесь чаще больше социального. Развивается она путем упражнений.

Дальше, вернее выше, подструктура опыта — привычки, умения, навыки, знания. Социальное здесь уже значительно преобладает над биологическим. Развивается благодаря обучению.

И, наконец, высшая подструктура...

Тут профессор сжал пальцы и только указательный смотрел на слушателей в упор.

— Перст указующий — направленность! Это убеждения и мировоззрение личности, ее идеалы, склонности, интересы, желания. Биологического здесь почти нет, а формируется направленность путем воспитания.

Так что же такое личность? Это человек, наделенный сознанием. Любой психически здоровый человек. Может быть, уже где-то с трех лет... А то некоторые психологи отказывают в праве зваться личностью слишком многим.

Себя-то они небось считают личностями...

По-видимому, К. Платонов имел в виду тех психологов, которые думают, что личность — это определенный уровень развития человека, и весьма высокий уровень.

«Мы считаем, — говорит известный советский психолог Л. Божович, — что личностью следует называть человека, достигшего определенного уровня психического развития. Этот уровень характеризуется тем, что в процессе самопознания человек начинает воспринимать и переживать самого себя как единое целое, отличное от

других людей и выражающееся в понятия «я». Такой уровень психического развития характеризуется также наличием у человека собственных взглядов и отношений, собственных моральных требований и оценок, делающих его относительно устойчивым и независимым от чуждых его собственным убеждениям воздействий среды.

Необходимой характеристикой личности является ее активность. Человек на этом уровне своего развития способен сознательно воздействовать на окружающую действительность, изменять ее в своих целях, а также изменять в своих целях самого себя. Иначе говоря, человек, являющийся личностью, обладает, с нашей точки зрения, таким уровнем психического развития, который делает его способным управлять своим поведением и деятельностью, а в известной мере и своим психическим развитием».

Да, здесь в пору каждому задуматься: личность — «я» или все еще нет? И критерии ясные предлагаются: имей собственные убеждения, не сваливай на то, что на тебя кто-то как-то не так повлиял и не туда повел. Сам влияй и веди за собой, сам изменяй себя, подравнивай под идеал. Если он, конечно, у тебя есть, если ты... личность.

А как же дети, подростки? То и дело слышишь: уважение к личности ребенка и т. д. Действительно, противоречие, как говорится, имеет место. И снять его можно так, как это делает академик А. Леонтьев.

«Личность, — говорит он, — действительно рождается дважды».

В первый раз, наверное, это происходит в период «возрастной революции», когда трехлетний демонстрант выставляет знаменитый лозунг: «Я сам!» Личность по К. Платонову?

«Второй раз, когда, по выражению А. Леонтьева, возникает его сознательная личность». Личность по Л. Божович? Хочется думать, что возникает она у всех. Во всяком случае, к этому надо стремиться.

Человек без личности. Пожалуй, наиболее остро он воплощен в образе существа с планеты Марс из известных «Марсианских хроник» американского фантаста Р. Брэдбери.

В этих хрониках есть удивительная новелла «Марсианин». Это рассказ о существе, которое лишено соб-

ственной личности, личностной определенности и самостоятельности. Марсианин постоянно меняется в зависимости от желаний того человека, в сферу влияния которого попадает.

Старик тоскует о своем умершем сыне, и Марсианин, оказавшийся поблизости, принимает облик их Тома.

Стоит ему очутиться возле людей, у которых недавно погибла дочь, как он перевоплощается в Лавинию... Полицейские инспекторы заставляют его принять облик убийцы, который разыскивается... И вот Марсианин в толпе.

«Он, — пишет Р. Брэдбери, — менялся на глазах у всех. Это был Том и Джеймс, и человек по фамилии Свичмен, и другой, по фамилии Баттерфильд; это был мэр города, и девушка по имени Юдифь, и муж Уильям, и жена Кларисса. Он был словно мягкий воск, послушный их воображению...

Он лежал на камнях — застывал расплавленный воск, и его лицо было как все лица, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая...».

Впрочем, чтобы продемонстрировать поведение «человека без личности», совсем необязательно переноситься на Марс. Их не так уж мало и на нашей собственной планете, в нашем городе, в нашем учреждении.

Но было бы большой ошибкой считать, что личность — это некое твердокаменное изваяние, над которым не властны ни годы, ни обстоятельства.

Все дело в том, что именно изменяется в человеке, а что остается неизменным:

Н. Заболоцкий писал:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, —
На самом деле то, что именуют мной,
Не я один. Нас много. Я — живой.

Одного имени для сохранения того, что называют личностной определенностью, конечно, маловато. Если человек — личность, даже серьезные жизненные бури не способны изменить в нем чего-то главного, каких-то глубоких жизненных установок и убеждений.

То, что в одних обстоятельствах оборачивается бедой и жизненной драмой, в других — становится примером вдохновляющей стойкости и героизма.

И основное здесь — социальная значимость той генеральной цели, во имя которой человек строит свою личность и прокладывает свой жизненный путь. Пламенный революционер Ф. Дзержинский пишет сестре:

«Ты знала меня ребенком, подростком, но теперь, как мне кажется, я уже могу назвать себя взрослым, с установившимися взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня».

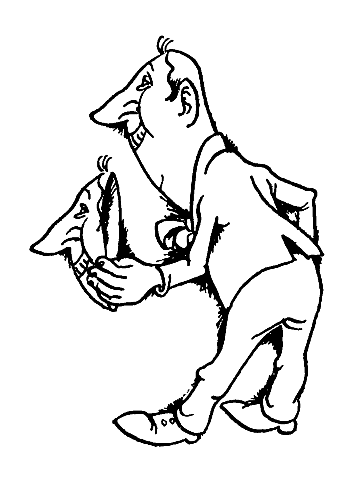
В наши дни много говорят о междисциплинарных связях, о достижениях на стыках наук. Интересно было бы изучить и другой процесс — взаимопроникновение науки и искусства в изображение диалектики человеческой души, человеческой личности. Такое исследование, наверное, выявило бы поразительную научную точность у многих писателей и поэтов и сдержанную художественную образность у ученых. Видится том, где будут под одной крышей собраны психологические стихи и отрывки из прозы и поэтические этюды из научных трактатов.

В главу, посвященную личности, наверняка войдет немало страниц из новой книги А. Леонтьева «Деятельность, сознание, личность». И обязательно прекрасные строки о личности — «этого высшего единства человека, изменчивого, как сама жизнь и вместе с тем сохраняющего свое постоянство».

В одной песне утверждается: «Если в женщине есть доброта, значит, женщина состоялась». Это, конечно прекрасно. Особенно если учесть и более весомые критерии. Если у человека есть дело по сердцу, если он нашел свое место в рабочем строю и знает, что «мой труд вливается в труд моей республики», значит, личность состоялась.

ЛИЦО И МАСКА

— А остряк-то наш нынче скучает: уткнулся в журнал, словечка не вымолвит...

— Это он зря стараться не желает: все свои, и показаться некому.

Психологам нравятся аналогии из мира театра: это неудивительно: театр — модель жизни, где психологические ситуации заострены и освобождены от второстепенных деталей. Каждый спектакль — это своеобразный психологический эксперимент.

Люди театра не остаются в долгу. Для них сама действительность порой своеобразный спектакль, а для В. Шекспира, например;

Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва младенец,
Ревущий горько на руках у мамки...
Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,
С лицом румяным, нехотя, улиткой
Ползущий в школу.

Роли сменяют друг друга: юноша-любовник, солдат, судья, старик...

Последний акт,
Конец всей этой странной, сложной пьесы —
Второе детство, полузабытье:
Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего...

Личность, персона давно уже сошла с театральных подмостков. Не дошла ли очередь до роли? Во всяком случае, в психологии личности и социальной психологии это понятие заняло весьма почетное место. А началось все с маленького колеса или деревянного цилиндра (ролик), на который наматывались в древности пергаментные свитки. Называлось такое нехитрое приспособление латинским словом rotula. Оно-то и превратилось потом во французское role. В Греции и Древнем Риме на этих пергаментных свитках писались и театральные пьесы. Впоследствии *ролью* стала называться часть свитка, предназначенная для одного определенного актера. А теперь, как известно, роль — это воплощение литературного образа, созданного драматургом, и сам текст, который необходимо оживить.

В психологии говорят о социальных ролях личности. В приведенном отрывке В. Шекспир трактует каждый возраст как определенную роль на жизненной сцене. Но роль играют, это, как говорят дети, «понарошке». В реальной жизни, как известно, «просто» живут: здесь звучит не отрепетированный, а настоящий смех, льются подлинные слезы, люди стонут не по воле драматурга, а потому, что испытывают страдания, умирают и уже не поднимаются, чтобы выйти на авансцену под аплодисменты восхищенных зрителей, которые, кстати сказать, чаще всего действительно восхищаются, а не играют роль «восторженного зрителя». (Впрочем, могут и играть, если рядом сидят родственники знакомого актера, режиссер-постановщик или автор пьесы и кто-то из них пригласил тебя на премьеру.)

Во всяком случае, трудно согласиться с теми западными психологами, которые утверждают, что «личность состоит из ролей, которые она выполняет» или что она «синтез всех социальных ролей, которые человек выполняет от рождения до смерти». А что же тогда представляет собой сам исполнитель? Марионетку, которая послушно выполняет «ролевые ожидания» окружающих?

Недаром у наших психологов ролевая теория личности вызывает определенную настороженность. «Идея прямого сведения личности к совокупности «ролей», ко-

торые исполняет человек, — пишет А. Леонтьев, — является одной из самых чудовищных. Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой, скажем, что ее нужно слушаться, но можно ли сказать, что при этом он играет *роль* сына или дочери? «Роль» — не личность, а скорее *изображение,* за которым она скрывается».

Эти возражения совершенно законны, если под ролью понимать именно притворство, лицедейство и пр. Но в социальной психологии понятие роли оказалось удобным для описания поведения личности в ее различных социальных функциях. Собственно говоря, социальная роль — это программа действий человека в определенных обстоятельствах, выработанная обществом.

В этом смысле социальная роль в какой-то мере действительно напоминает роль театральную. Прежде всего тем, что, приняв на себя определенную функцию, человек начинает действовать по заданной программе по принципу: взялся за гуж, не говори, что не дюж...

Эта «заданность» в зависимости от характера самой роли может быть более или менее жесткой, зафиксированной в каких-то официальных документах или закрепленной только обычаем, традицией, осознаваемой человеком или неосознанной, но она всегда существует. И окружающие четко контролируют точность выполнения роли. При этом чаще всего в качестве контролеров выступают партнеры по определенному акту жизненной драмы.

Собственно говоря, роль может быть полноценной только когда есть с кем, перед кем и для кого ее играть. Невозможно быть мужем без жены, сыном без матери, племянником без дяди. Это дуэты семейных сцен. Точно так же нельзя быть начальником без подчиненных, учителем без учеников, вождем без ведомых, актером без зрителей.

Когда Робинзон Крузо после многолетнего одиночества встретил наконец человека, он немедленно воспроизвел привычное для предприимчивого англичанина распределение социальных ролей:

«— Прежде всего я объявил ему, что его имя будет Пятницей, так как в этот день недели я спас ему жизнь. Затем я научил его произносить слово «господин» и дал понять, что это мое имя...»

Характерны в этом смысле встречи Маленького

принца из чудесной сказки А. Сент-Экзюпери с обитателями астероидов и планет: они почти всегда начинались опять-таки с распределения ролей: «На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горностай, он восседал на троне, очень простом и все же величественном.

— А вот и подданный! — воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? — подумал Маленький принц. — Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди — подданные».

Далее, как известно, король, осуществляя свое ролевое поведение, принялся «повелевать» и «запрещать».

«На второй планете жил честолюбец.

— О, вот и почитатель явился! — воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца...

— Похлопай-ка в ладоши, — сказал ему честолюбец.

Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец приподнял шляпу и скромно раскланялся».

Нужно отметить, что партнерам по исполнению социальных ролей очень важно знать, насколько искренен их визави, насколько вкладывает он *себя* в исполнение роли:

«— Ты в самом деле мой восторженный почитатель? — спросил честолюбец у Маленького принца».

Роль это всегда и «я», и все-таки не совсем «я». Вернее, далеко не все «я».

— Как тебе новый шеф?

— Не пойму пока что: то вроде свой в доску, то начальство из себя строит.

— Да, видать, не нашел еще себя человек.

Известный драматический артист В. Папазян жаловался, что актеру приходится играть и переживать так много чужих жизней, что не остается физических и духовных сил, чтобы «найти себя в жизни». Он был бы счастлив сыграть себя в жизни...

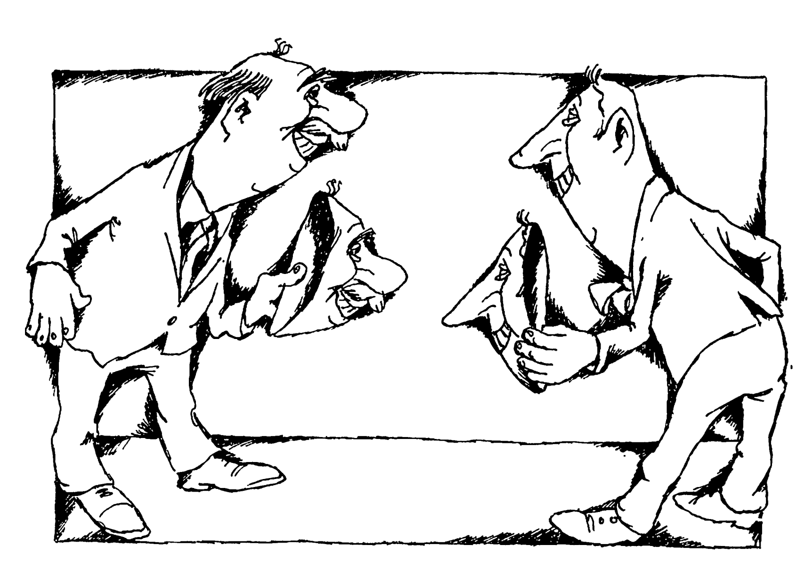
Сыграть себя? Создать свой собственный образ по собственному сценарию — не это ли одна из главных задач самовоспитания? А может быть, единственная.

В этом нет ровно ничего предосудительного. Более

того, это прекрасно. Подобная творческая работа над собственным образом есть одновременно превосходная форма самовоспитания.

Вообще, влияние принятой жизненной роли на личность, превращение внешнего во внутреннее — интереснейшая психологическая проблема. Профессор К. Платонов на одной психологической конференции привел такой пример влияния новой социальной роли на перестройку личности:

«Я знал человека, который в силу холерического

темперамента привык стучать кулаком. Назначили его директором. Под воздействием данного нового ролевого статуса он перестает стучать кулаком. Он перестает стучать кулаком потому, что его роль перестраивает его личность. Иногда перестраивает в положительную сторону, а иногда — в отрицательную. Здесь приведу в пример человека, который получил звание генерала и стал иначе здороваться, перестал пожимать руку, подает руку «уточкой». Это была невысокого уровня личность, а поэтому она за очень короткий период времени изменилась под влиянием изменившейся социальной роли».

По поводу приведенных жизненных случаев, а каж-

дый наблюдает такие примеры перестройки буквально повседневно, стоит порассуждать более подробно.

На самом деле, изменилась ли личность человека, которого назначили директором, или другим стало только его ролевое поведение. Хорошо зная «правила игры», он, может быть, «не стучит кулаком» только в кабинете, вообще на глазах у подчиненных... Интересно было бы понаблюдать, как ведет он себя дома, в кругу друзей, с начальством своим. Действительно ли он обуздал свой холерический темперамент или только «играет» роль выдержанного, спокойного человека. Если только играет, перестройка личности не состоялась.

Теперь о новопроизведенном генерале... Есть в психологии такой метод исследования — дополнение незаконченных предложений. Испытуемому в быстром темпе читают: «Если все против меня, то и я...», «Знаю, что глупо, но боюсь...», «Не люблю людей, которые...», «Супружеская жизнь кажется мне...» и т. д. В ответ надо быстро, не обдумывая, заканчивать. В результате такой «охоты на личность», психологу порой удается выудить некоторые глубинные желания и тенденции человека.

Так вот, среди незаконченных предложений могло бы быть и такое: «Если бы я стал генералом, я бы...» Не исключено, что знакомый К. Платонова непроизвольно воскликнул бы: «Я бы их всех». Нет, до «бараньего рога», может быть, он не дошел бы, но и так ясно, что никакой перестройки личности не произошло. Просто новая роль дала возможность проявиться тому, что в личности было, но тормозилось прежней ролью.

Подлинная перестройка личности, ее перевоспитание под воздействием новой роли — длительный и сложный процесс. Собственно говоря, именно этот метод использовали в своей воспитательной работе и А. Макаренко, и его последователи: нарушитель дисциплины ставился в положение, в роль ответственного за ее соблюдение.

Процесс перестройки личности под влиянием новой социальной роли с большой художественной убедительностью прослеживается в известном итальянском фильме «Генерал Делла Ровере».

Генуя, 1944 год. Темное время гитлеровской оккупации. В руки гестапо попадает игрок и жулик Бертоне (его роль исполняет де Сика), который наживался на несчастьях своих соотечественников: вымогал деньги у родственников арестованных, обещая им добиться

смягчения наказания, освобождения, передачи посылок и писем якобы с помощью своих друзей и сообщников из числа немецких солдат и офицеров. До войны он восемь раз осуждался за мошенничество, обман, торговлю наркотиками и даже за двоеженство.

Эсэсовский полковник Мюллер обещает Бертоне жизнь и миллион за то, чтобы тот сыграл в тюрьме роль крупного деятеля Сопротивления генерала Делла Ровере, убитого в момент высадки на итальянскую территорию. В дальнейшем полковник надеется использовать мнимого генерала как «подсадную утку» и установить с его помощью личность попавшего в тюрьму вождя Сопротивления, которого никто не знает в лицо.

Бертоне быстро усваивает внешний рисунок роли. По тюремным камерам разносится слух о появлении генерала. И политические заключенные, и надзиратели относятся к Бертоне как к генералу, мужественному борцу за свободу. Бертоне все глубже вживается в роль патриота, постепенно происходит подлинное перерождение личности. Бывший мошенник и любитель легкой наживы уже не только ведет себя так, как, по мнению окружающих, должен вести себя итальянский генерал, который ненавидит фашистов, он умирает, как герой, так и не выдав руководителя Сопротивления... То, что было маской, стало внутренним содержанием личности.

Преобразующую силу ролевых ожиданий человек ощущает не только при непосредственном общении, когда эти ожидания исходят от конкретных людей, так сказать, персонифицируются. Эти ожидания могут переживаться как знание того, чего вообще ожидают от нас окружающие не только близкие, но и «дальние», как переживание надежд, которые связываются с нашей деятельностью. Нередко именно стремление «оправдать надежды», «не обмануть ожидания» становятся сильным внутренним мотивом, помогающим преодолеть трудности и достигнуть своей цели, хорошо сыграть свою жизненную роль. Впрочем, в этом случае уместнее другой термин — предназначение.

Принятая роль оказывает такое глубокое воздействие на человека, что не может вызвать удивление ее использование не только в воспитании и перевоспитании, но и в лечении, когда врачевать приходится не тело, а личность.

Разработал психодраму как метод психотерапии и основал специальный психодраматический театр американский психиатр Д. Морено. Он рассуждал следующим образом: человек становится невротиком от того, что его стремления и желания, его притязания на определенную роль в жизни (например, Наполеона или Иисуса Христа!) окружающие, мягко говоря, не поддерживают. Неутоленные желания подавляются, но окончательно победить их сознание не в состоянии. Этот внутренний конфликт и приводит к заболеванию.

Отсюда метод лечения: надо помочь больному высвободить подавленные влечения, если не в жизни, то хотя бы в процессе игры — драматизации, где человек может взять себе желанную роль и побыть тем, кем ему хочется. На помощь больному приходят режиссер-психотерапевт, вспомогательные актеры... Какой Наполеон может обойтись без своих маршалов, а Иисус Христос без апостолов? Некоторые элементы психодрамы, правда, с совершенно иных теоретических позиций, используют и наши психиатры.

Но если в психодраме образ, взятая на себя роль лишь помогают избавиться от внутренних противоречий, то в психотерапевтическом методе, разработанном ленинградскими психиатрами, роль и образ используются более активно. В ходе имаготерапии (буквально образолечении) больному прописывается определенный «целительный образ», вживаясь в который он сам внутренне перестраивается, подравнивается под предложенный образец.

Преобразующее и активизирующее влияние принятой роли своеобразно используется в известных опытах гипнолога В. Райкова по стимулированию творческой деятельности в состоянии гипноза.

Начинающему художнику внушается, например, что он «Репин» или «Рафаэль», музыкант «вписывается» в образ С. Рахманинова или Ф. Крейслера, артистке предписывается «стать» В. Комиссаржевской и т. д. О результатах могут судить те, кто видел фильм «Семь шагов за горизонт». Они очень убедительны. А вот опыты по активизации, так сказать, шахматного творчества в фильм не успели попасть.

«Мы, — рассказывает В. Райков, — пригласили в нашу лабораторию экс-чемпиона мира гроссмейстера Михаила Таля, который сыграл с одним из наших испы-

туемых шесть партий. Три партии испытуемый играл в состоянии гипноза, когда ему был внушен образ выдающегося шахматиста прошлого П. Морфи и три партии играл в обычном состоянии. Михаил Таль выиграл. После сеанса он дал следующую оценку игры испытуемого: «До гипноза я играл с человеком, едва передвигавшим фигуры. В состоянии гипноза передо мной сидел совсем другой человек, экспансивный, энергичный, смелый, который играл на два разряда лучше».

Но это, конечно, экзотика. Экзотика, которая еще раз демонстрирует огромные скрытые возможности человека. И еще один вывод напрашивается: строить свою личность, свой образ следует по «лучшим мировым образцам».

— Галину-то нашу и не узнать: куда все ее легкомыслие девалось.

— И он туда же — кудри долой, гитару побоку. Отец семейства...

— Да, положение обязывает.

В театре все просто: актерам читается пьеса, те «примеривают» к себе роли, а потом режиссер говорит, кто кого будет играть (с учетом их пожеланий, разумеется, своего «видения» и многого другого).

В жизни с распределением ролей дело обстоит несколько иначе: одни роли тебе обеспечены, так сказать, изначально и биологически. Никто пока не выбирает, кем родиться, мужчиной или женщиной. Из этого генерального распределения последуют неизбежно новые роли: по мужской линии — сын, возлюбленный, муж, брат, отец, дядя, дедушка, вплоть до пра-пра-пра, как говорится, дай нам бог здоровья дожить. Точно такой же, даже обычно более длинный (слабая половина человечества живет в среднем дольше, чем сильная, и поэтому больше шансов стать пра), ряд женских естественных, натуральных, биосоциальных ролей. Среди них есть пожизненные, временные, переменные и т. д.

Другие роли человек тоже получает без специального выбора — они обычно связаны с возрастом, завершением среднего образования и пр. Но одновременно каждый исполняет множество других ролей, часть которых ему предписана, а часть он берет сознательно, среди них опять-таки есть временные («калиф на час»),

постоянные, желательные и отвергаемые, приятные и неприятные. Роли можно классифицировать бесконечно, но вряд ли в этом есть необходимость.

Может быть, вообще неправильно и даже несколько кощунственно «все» считать ролями. Например, мужчина, женщина, отец, мать, сын, дочь... Какие же это роли? Может быть, следует ролями называть только такие программы поведения личности, которые человек должен специально усваивать: роль надо выучить. А надо ли учиться быть мужчиной или женщиной? Оказы-

вается, вопрос этот очень непростой. Конечно, в огромном большинстве случаев (есть исключения, и весьма интересные, с точки зрения разбираемого вопроса) младенец появляется на свет либо мальчиком, либо девочкой. Но это только биологическая основа, которая...

Профессор И. Кон на основе анализа большого числа специальных источников говорит о том, что даже вполне нормальное биологическое развитие само по себе еще не делает человека мужчиной или женщиной в социально-психологическом и личностном смысле.

О том, что пол — это своеобразная социальная роль человека, а не только биологическое явление, свидетельствует уникальный медицинский опыт советского исследователя А. Белкина, который изучал изменения в пси-

хологии людей, перенесших смену пола в возрасте от 16 до 32 лет. При этом у 12 больных смена пола была посредством хирургических операций и гормональной терапии произведена с женского на мужской, у 18 — с мужского на женский. Он пришел к выводу, что «личность от рождения (простим биологу неточность этого выражения. — *Я. К.*) в разной степени биологически бисексуальна, психологически же всегда нейтральна. Формирование половой идентификации (то есть осознание себя мужчиной или женщиной. — *Я. К.*) — это сложный биосоциальный процесс выбора и овладения одной из двух моделей полового поведения».

Итак, все младенцы появляются на свет с одинаковыми возможностями усвоить «мужскую» или «женскую» психологию? В известном смысле это так, но, говорит далее автор, «несмотря на важность всего комплекса социальных и педагогических факторов, отсутствие (или недоразвитие) соответствующих биологических предпосылок ставит личность в конфликтную позицию к требованиям общества». Иными словами, если человек родился мужчиной, а воспитан как женщина, ему не позавидуешь.

— А мой как увидел игрушечный грузовик, сразу к нему потянулся, — утверждает иной папа и со сдержанной гордостью добавляет: — Мужчина!

Ему и невдомек, что у его наследника не было выбора: возле него «случайно» оказались только «мужские» игрушки.

«Мужская» и «женская» психология программируется родителями с самого раннего детства. И эта программа транслируется родителями из поколения в поколение.

«Не реви, ты не девчонка!», «Не дерись, ты не мальчишка». «Настоящие мальчики так не делают!» Значит, бывают и ненастоящие? Американский социальный психолог Р. Браун так описывает шаблон «среднего настоящего мальчика» и «средней настоящей девочки» в США.

«Настоящий мальчик» взбирается на деревья, обижает девочек, пачкает колени, играет в солдаты, выбирает голубой цвет своим любимым. «Настоящая девочка» одевает кукол, играет в классики, выбирает розовый цвет...

В школе «настоящая девочка» предпочитает му-

зыку и английский... мальчик — ручной труд, гимнастику, арифметику.

В колледже — мальчики курят трубку, пьют пиво, обучаются на инженерных и физических факультетах. Девочки — жуют жевательную резинку «Джусси фрут», пьют вишневый коктейль и занимаются изящными искусствами.

Мальчик вырастает в «мужчина есть мужчина», который играет в покер, пьет бренди и умирает на войне.

Девочка вырастает в «женственную» женщину, которая любит детей, вышивает носовые платки, пьет слабый чай и страдает от чахотки.

В этом гротеске много истинного, особенно если учесть, что подобные эталоны мужчины и женщины усиленно навязываются в западных странах средствами массовой пропаганды.

Каждое время имеет свою программу и, как бы далеко ни шагнуло женское равноправие, это всегда все-таки две программы — женская и мужская.

Каким следует быть мужчине и какой женщине, — это всегда четко предписано не столько в официальных законодательных актах, сколько в тех неписаных «алгоритмических предписаниях», которые с молоком матери усваиваются представителями данного времени, данной культуры, данного класса.

Вот какими правилами следовало руководствоваться в «свете», описанном Л. Толстым. «Жизнь Вронского, — читаем мы в «Анне Карениной», — тем была особенно счастлива, что у него был свод правил, несомненно определяющих все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимает очень малый круг условий, но зато правила были несомненны, и Вронский, никогда не выходя из этого круга, никогда ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. Правила эти несомненно определяли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, — что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, — что обманывать нельзя никого, но мужа можно, что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т. д. Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову».

Как известно, счастливой жизни Вронского и спокойной — Анны пришел конец именно потому, что они

нарушили «правила игры». При этом Анна вышла к тому же из роли жены высокопоставленного чиновника.

Роль жены, роль мужа. Опять социальные роли, которые могут мужем и женой трактоваться по-разному. Мало оказаться в определенной роли, надо еще внутренне принять ее, усвоить алгоритм соответствующего отношения и поведения. Жена и подруга... Нередко девушка, выходя замуж, хорошо представляет себе роль подруги, возлюбленной, и гораздо хуже роли жены и матери. То же самое можно, разумеется, сказать и о парне... Если добавить к этому, что представления мужа и жены о ролевых функциях друг друга могут не совпадать, становится ясным, что такая неподготовленность довольно часто становится причиной развода.

Один американский психолог решил проверить это экспериментально. Он опросил по специальной шкале 100 разведенных и 100 супружеских пар, задавая вопросы о содержании ролей мужа и жены. *Разница* между средней оценкой совпадения представлений у разведенных пар более чем в четыре раза превосходила разницу между оценками пар, состоящих в браке. Таким образом, те, кому удалось сохранить брак в целости, проявили значительно больше сходства в понимании семейных ролей, чем те, кто не добился в этом успеха.

В буржуазном обществе это ролевое начало во взаимоотношениях мужчины и женщины противопоставлено искренности и непосредственности отношений, которые нередко сводятся к серии ритуальных, стереотипных проявлений. Нередко западные авторы склонны считать выводы, сделанные на основе наблюдений над взаимоотношениями мужчины и женщины в своей среде, всеобщим законом.

«Мужчина, — пишет А. Моруа, — никогда полностью не меняется, роль возлюбленной всегда одна и та же, и он ограничивается тем, что отдает ее более молодой комедиантке, лучше приспособленной для этой цели. Лишь талант актрисы и ее характер определяют различную манеру исполнения этой роли».

Сама супружеская жизнь порой превращается в одну из «прелестных картинок», которые продают публике специалисты по рекламе. Именно так рисует жизнь киноартистки Аннабел Кристофер и ее мужа талантливая английская писательница М. Спарк в повести «На публику».

«Индивидуальность, — поучает героиню кинорежиссер, — создается из впечатлений окружающих людей. Мы всю жизнь стараемся произвести то или иное впечатление. Натуральны только животные».

И супруги старались: «Взглянув на мужа, она одобрительно подумала, что он прекрасно исполняет роль «мыслящего человека», а уж был ли он на самом деле мыслящим человеком, для нее значения не имело... Такой муж кинозвезды превосходно работал на публику».

Со своей стороны, «он тем временем все основательнее и глубже входил в роль, воплощая на подмостках жизни условный тип, в существование которого многие верят: человека образованного и тонкого, но холодного, спортсмена, аристократа, надежного и положительного представителя рода людского, супруга Аннабел Кристофер».

Такое опустошающее, чисто ролевое существование в конце концов доводит его до самоубийства...

Никогда нельзя забывать, что роль лишь до тех пор служит самораскрытию личности, пока не вступает в противоречие с ее глубинными стремлениями, с ее представлением о самой себе, самооценкой и уровнем притязаний.

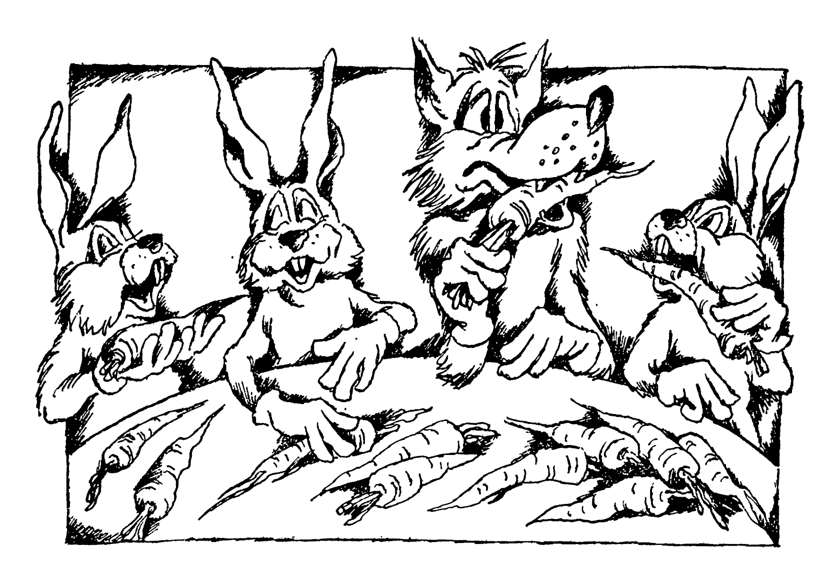
Социальные роли — это способ, с одной стороны, реализации внутренних сил личности, а с другой стороны — средство их развития и совершенствования.

— Посмотрите на Иванова — расцвел прямо в новой бригаде.

— Да, можно сказать, ко двору пришелся!

В конце прошлого века вышла в переводе на русский язык книга Э. Льебо под многообещающим и несколько даже устрашающим названием «Как узнать характер человека». Чего здесь только нет! Физиогномика (почти по Аристотелю!) и френология, которая учит определять характер по выпуклостям черепа; хиромантия с изображением «линий жизни» на ладонях великих людей («линия сердца проходит под буграми, находящимися у основания пальцев... крестик на конце ее предвещает счастливый брак») и графология — искусство распознания характера по почерку... Впрочем, ирония едва ли уместна. Не над собой ли смеемся? Далеко ли шагнули за последние сто лет?

Среди советов, говоря современным языком, общеметодологического плана содержится в этой книге один, который требует серьезного обсуждения. Ссылаясь на авторитет знаменитого немецкого философа А. Шопенгауэра, автор рекомендует наблюдать человека «тогда, когда он находится в комнате один. Только наедине со своими мыслями у человека появляется именно то выражение, которое ему свойственно и которое, следовательно, выдает его действительное душевное состояние; только тогда человек бывает самим собою, складки на

его лице не подтянуты и видны во всей своей резкости. Как только человек заговорит с кем-нибудь или знает, что на него смотрят, — свойственное ему выражение улетучивается; складки на лице подтягиваются, глаза становятся любезнее, добрее, и вообще вся его физиономия принимает условное, соответствующее данному моменту выражение. Если нам удается наблюдать человека, когда он бывает наедине с самим собою, то составленное о нем суждение подчас бывает довольно близко к истине».

Автора трудно винить за то, что он незнаком с основными положениями социальной психологии, которая получила бурное развитие только в последующем веке.

Социальная психология как раз и изучает, во-первых, те изменения, которые происходят с психикой человека под влиянием общения с другими людьми, и, во-вторых, те общности, внутри которых осуществляется это прямое и косвенное общение: большие и малые группы, коллективы и т. д.

На самом деле, в какие моменты пушкинская царица «в большей степени» проявляла сущность своей личности, когда наедине с собой вопрошала: «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи, я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?», или тогда, когда посылала своего тайного агента («девка-чернавка») в карательную экспедицию против будущей спящей царевны? Известно, как пострадало правдивое зеркальце за то, что объективно подводило итоги соревнования: царице некого было стесняться, и она всегда была верна своей коварной натуре.

В жизни все выглядит несколько иначе. В ситуации общения в человеке действительно меняется очень многое: от выражения лица до взглядов на окружающее. Собственно говоря, само человеческое «я», внутреннее содержание личности, возникает и формируется только в процессе общения с окружающими людьми. Уже на самых ранних этапах жизни это формирование тесно связано с тем положением, в котором оказывается ребенок среди окружающих, от его роли в той группе, которая является микросредой его развития. Четкое распределение ролей и статусов, неравенство положений — непременный закон существования любой группы. Даже если эта группа состоит из таких совершенно одинаковых по своим биологическим свойствам людей, какими являются однояйцевые близнецы.

В четверке близнецов-девочек Морлок структура группы, например, имела следующий вид. Заправилой, «лидером» всей группы стала самая крупная из сестер, опередившая остальных по развитию. Она была представителем «близнецовского коллектива» в окружающем мире, «депутатом». Самая маленькая в группе была «бэби», которую опекали остальные. Две другие взяли на себя роли своего рода затейников: одна была «клоун», задира и шутник, а другая — «артист», в силу большей склонности к рисованию и музыке.

Похожее распределение ролей было и в знаменитой пятерке близнецов-девочек из Канады — Дионн: у них

тоже, как отмечает известный специалист по близнецам И. Канаев, был «лидер» коллектива, была самая младшая — «бэби» и остальные трое уже с четырех лет проявляли известные индивидуальные особенности.

«При всем, — отмечает автор, — наследственном сходстве этих детей и при исключительном сходстве окружающей среды (все пять всегда жили вместе, и ни одна из девочек не находилась в привилегированном положении по сравнению с остальными) каждая из пяти приобрела известные индивидуальные особенности, *выработала свою собственную личность* (подчеркнуто мною. — *Я. К.*). Вероятно, это связано с тем положением, которое каждая из девочек приобрела в их коллективе пятерни как целого».

Стоит ли после этого удивляться, что в любой группе — от группы дошколят до кружка пенсионеров — у каждого человека своя роль, свое амплуа, свое положение. При этом в организованных, официальных группах — производственных бригадах, экипажах подводных лодок и самолетов, воинских подразделениях и т. д. и т. п. — существует двойное распределение ролей: по штатному расписанию — вертикальное (начальник, заместитель и т. д.) и горизонтальное, которое возникает стихийно — «душа общества», «остряк-самоучка», «ворчун», «козел отпущения», «индивидуалист» и т. д. Интересно, что эти никем не установленные роли почти всегда воспроизводятся в любой более или менее постоянной компании; и кому они достаются, пребывают в них до тех пор, пока существует группа. Окружающие уже ждут и как бы требуют от них определенного поведения.

— Что-то ты сегодня молчишь? — удивляются необычному поведению одного.

— Ты еще сегодня ни одного анекдота не рассказал, — тормошат другого...

— И что это ты сегодня так мало ешь? — удивляется радушная хозяйка и старательно потчует «гостя, у которого всегда хороший аппетит» (есть, оказывается, и такая «социальная роль»!).

И первый начинает оживленный разговор, хотя сегодня ему этого не хочется, второй сообщает анекдот, несмотря на то, что ему нынче не до анекдотов, третий усердно дегустирует закуски вопреки состоянию аппетита... Смейся, паяц!

«Одно из забавных свойств человеческой природы, — пишет Ф. Искандер, — заключается в том, что каждый человек стремится доигрывать собственный образ, навязанный ему окружающими людьми, иной пищит, а доигрывает».

А если не хочется «доигрывать», если роль, отведенная в данной группе, не устраивает человека, если она уже не соответствует его изменившимся взглядам и стремлениям? Тогда возникают перед ним классические три дороги. По первой пойдешь — привычную группу потеряешь, зато новую роль найдешь. По второй пойдешь — в своей группе новую роль завоюешь. По третьей пойдешь — и группу и роль потеряешь.

Впрочем, жизнь дает гораздо больше возможностей, чем сказка. Человек одновременно входит в несколько временных и постоянных групп и коллективов, и в каждой ячейке он может играть не совсем совпадающие роли, а иногда и совсем разные. Установлено, например, что часто, чем выше положение подростка в классе, тем оно ниже в дворовой компании — и наоборот... «Козел отпущения» среди сослуживцев наслаждается трепетом и страхом домашних...

Нередко человек меняет работу, а иногда и семью именно потому, что его не устраивает отведенная ему социальная роль: «Я там человеком себя не чувствовал!» Недаром в печально традиционной «группе на троих» на определенной стадии общения кто-то произносит не менее традиционное: «Ты меня уважаешь?» Может быть, если бы он чувствовал себя уважаемым человеком где-то в другой среде, не было бы тройственного союза за рюмкой?

Часто «хождение по группам» имеет целью поиск «своей» роли, представление о которой вытекает из самооценки и уровня притязаний личности.

Тот факт, что личность одновременно исполняет несколько социальных ролей, требования которых далеко не всегда совпадают, может вызывать психологические состояния «ролевого конфликта». Диапазон этих конфликтов: от довольно простых до настоящих жизненных трагедий.

С ролевыми «микроконфликтами» нередко сталкиваются, например, вузовские преподаватели. Переполненный троллейбус. Проворный студент успел занять удобное место. На следующей остановке входит Препо-

даватель. Уточним ситуацию — Студент — девушка, женщина, Преподаватель — мужчина. Устав высшей школы не делает различий между мужчиной и женщиной, и поэтому их поведение подчинено неформальным алгоритмическим предписаниям, которые в данном случае приходят в противоречие с официальным ролевым поведением.

По официальной программе — Студент *должен* уступить место Преподавателю, а Преподаватель *может* воспользоваться этой любезностью.

По неформально-ролевой программе — преподаватель мужчина *не должен* занимать место, предложенное студенткой — женщиной. Точно такая же заминка и перед любой дверью, которая окажется на пути этой пары: Студент стремится пропустить Преподавателя вперед, мужчина не может пройти впереди женщины. Впрочем, это зависит от того, в какой роли человек чувствует себя более уверенно, вернее, какая из них ближе ему по своему внутреннему содержанию. Подобные ситуации легко смоделировать и на другом, так сказать, материале: например, начальник — мужчина, подчиненный — женщина и т. д.

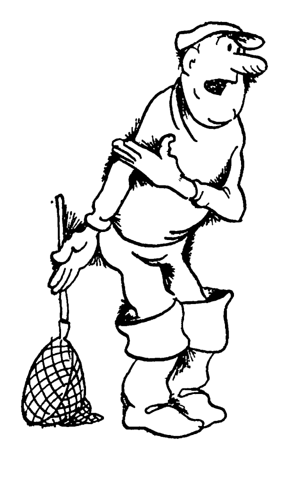
Несравненно более драматичны конфликты в случаях, когда противоборствуют роли более важные и менее важные в общественном отношении: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», или личные, семейные, узкогрупповые роли с такими функциями человека, которые продиктованы общественным долгом. Вспомним хотя бы трагические ситуации гоголевских героев Андрия и Тараса Бульбы или полные героического драматизма эпизоды из истории Великой Отечественной войны.

В трагикомедии известного белорусского драматурга А. Макаенка «Трибунал» дети вершат суд над своим отцом, который согласился стать старостой. От смерти мнимого предателя спасает лишь то, что выяснилась его истинная роль патриота, работающего по заданию подпольного центра.

Нередко ролевые конфликты связаны с тем, что разные роли предписывают поведение с неодинаковой степенью категоричности: «обязан», «должен», «можешь», «хочешь». И дороги, которые человек выбирает, как раз раскрывают истинную суть личности. Именно свободный выбор срывает все и всяческие маски.

СЛОВА И ЛЮДИ

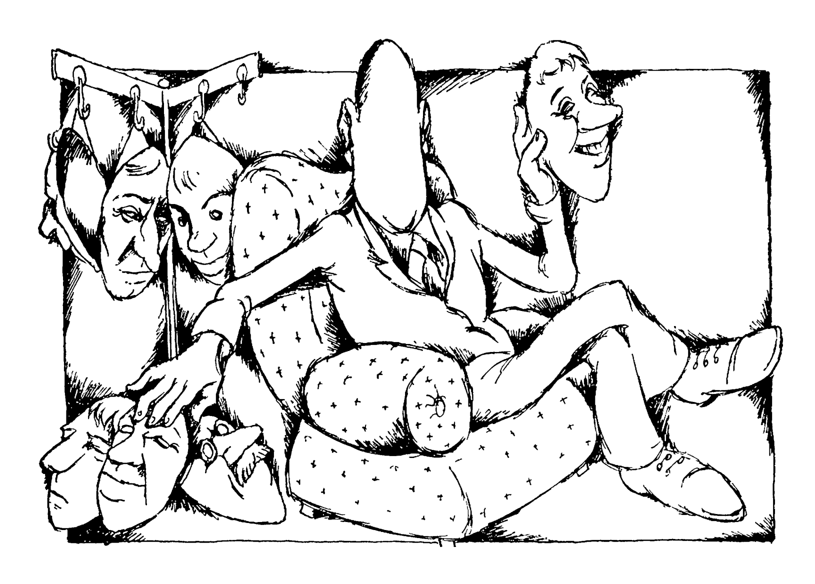

— С кем это вы только что беседовали?

— Шофер один знакомый.

— Подумать только, а по разговору — прямо артист!

Когда-то профессор Н. Жинкин сетовал, что психология изучает неговорящего человека. Теперь положение резко изменилось к лучшему. Союз психологии и лингвистики породил психолингвистику, которая вот-вот сама начнет делиться способом почкования И не мудрено: для каждого раздела психологии нужна своя лингвистика — психолингвистика восприятия и памяти, мышления и воображсния, чувств и воли. А социальные психологи и психолингвисты устремились друг к другу как истосковавшиеся влюбленные. Недаром после Все-

союзного симпозиума в Алма-Ате под названием «Мышление и общение» шутили, что там «общения» было гораздо больше, чем «мышлсния».

На наших глазах возникает тройственное согласие социальной психологии, психологии и лингвистики. Психосоциолингвистика? Это совершенно естественно, если вспомнить, что, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «...язык *есть* практическое, существующее и для дру-

гих людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми».

Люди смотрят на окружающий мир сквозь свой родной язык. Когда-то в детской психологии была выдвинута «теория стекла»: ребенок воспринимает вещи и события через язык, но не замечает этого, как не замечает человек хорошо промытое стекло в раме окна. Стекло все-таки подкрашено. А по мнению сторонников принципа лингвистической относительности, известного как гипотеза Сепира — Уорфа, окраска эта весьма существенно влияет на весь внутренний мир человека, говорящего на определенном языке. Гипотеза эта берет свое начало в трудах великого немецкого ученого В. Гумбольдта. «Если звук, — писал В. Гумбольдт, — стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой... Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг».

И еще одна цитата (лучше автора не скажешь!) из статьи американского лингвиста Э. Сепира: «Было бы ошибочно полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим, воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».

Конечно, гипотеза «лингвистической относительности» сгущает краску, которой «окрашено стекло» языка и преувеличивает различия внутреннего мира людей, говорящих на разных языках. Как остроумно подметил один из оппонентов этой теории, который критикует Б. Уорфа за то, что он поддается распространенному заблуждению, будто функция речи заключается в воссоздании реальности:

«Увы, даже самый лучший рецепт яблочного пирога

съесть, конечно, невозможно, но было бы странно считать это недостатком рецепта».

А советский ученый Г. Брутян, критикуя гипотезу Сепира — Уорфа сослался на В. Шекспира.

«Еще юная героиня Шекспира, — сказал он на лекции, прочитанной в Лондонском университете, — заметила: «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

Эстонцы не путают мужчин и женщин оттого, что в их родном языке отсутствует категория рода... И тем не менее тот поступит опрометчиво, кто легко согласится с поговоркой: «Хоть горшком назови, только в печь не сажай».

Имя — не просто условный знак, к которому обозначаемый человек и окружающие безразличны.

Фильм военных лет «Человек № 217». Узников фашистских концлагерей пытались лишить имени: еще одно покушение на их человеческое достоинство, еще одно средство разрушить личность.

Известно, какими сложными обрядами сопровождалась (и сопровождается!) процедура присвоения или изменения имени у некоторых народов. В старой России имена явно связывались с определенным социальным положением (крестьянские, мещанские, купеческие, дворянские) и даже форма одного и того же имени указывала на социальную роль. Дворовые Ивашки, Захарки и пр. носили свои уменьшительно-пренебрежительные суффиксы до глубокой старости.

Пушкинская Татьяна, которая, как известно,

...верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям
И предсказаниям луны, —

пытается в крещенскую ночь выяснить имя своего будущего нареченного с помощью специального обряда:

Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя? Смотрит он
И отвечает: Агафон.

Комизм ситуации в том, что дворянка Татьяна Ларина никак не могла бы полюбить человека с *таким* именем.

— Подумаешь, дворянка, — возразила одна современная восьмиклассница. — Я бы кого-нибудь с таким именем тоже не полюбила...

Человеку его имя может нравиться и не нравиться, именем гордятся и стесняются своего имени. Не исключено, что имя способно как-то через отношение к нему окружающих формировать личностные черты человека. Один мальчик в детстве страдал от своей фамилии «Слабко» и, как только появилась такая возможность, перешел на фамилию матери и стал «Орловым». Он уверял, что его внутреннее самочувствие значительно улучшилось.

Магия имени. Недаром литературоведы специально изучают систему именеобразования в пьесах А. Островского, который нередко одним сочетанием имени, отчества и фамилии создавал четкую социальную и психологическую ориентацию для воплощения образа: «Тигрий Львович», «Любим», «Гордей» и т. д.

В «Записных книжках» И. Ильфа целая лаборатория имен, которая так блестяще подготовила соответствующую именную оркестровку знаменитых романов: «Каучуконосов», «Парижанский-Пружанский», «Младокошкин»... Имена-образы то и дело возникают на страницах этих книжек. Вот опять: «Емельянингс-киноактер», «Старый Артиллеридзе», «дантистка Медуза-Горгонер», а вот «Гигиенишвили», который оживает в «Золотом теленке» как «бывший князь, а ныне трудящийся Востока». И еще: «Звали ее почему-то Горпина Исаковна». Думается, что самой носительнице такого сочетания не до смеха... Как и современным обладателям различных промышленно-электрических имен. Один поэт так утешал знакомую девушку: «Хоть ты Ада, а не Рая, ты не из ада, а из рая!»...

Человек может бороться против своего имени: опять в «Записных книжках»: «Наконец-то! Какашкин меняет свою фамилию на Любимов». Кстати, на одной из страниц «Книжек» — почти полный словарь Эллочки Людоедки...

Беречь свое доброе имя, прославить свое имя, покрыть свое имя позором...

Известный американский специалист по «человеческим отношениям» Д. Карнеги в книге «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей», которая, хотя и напоминает порой самоучитель для начинающих лицеме-

ров, иногда дает любопытные советы. В главе «Как избежать неприятностей» он рекомендует бережно и внимательно относиться к имени человека, которому хочешь понравиться. «Всякий средний человек, — поучает один из героев этой книги, — гораздо больше интересуется своим собственным именем, чем всеми другими именами на земле, вместе взятыми».

Д. Карнеги приводит многочисленные примеры того, как помогает людям в жизни хорошая память на имена (кстати, очень важное качество руководителя. — *Я. К.*) и заключает: «Если вы хотите нравиться людям, не забывайте правило, которое гласит: «Помните, что имя человека является для него лучшим словом из всего лексического запаса».

Речь и личность. Каковы взаимоотношения этих двух психологических галактик? Тема эта необъятна, как вселенная. Здесь можно затронуть еще некоторые аспекты, связанные с социальными ролями и общением. Прежде всего вопреки ходячим мнениям речь все-таки не столько скрывает истинное лицо человека, сколько демонстрирует его, порой вопреки воле говорящего. Ребенок усваивает не просто родной язык, он усваивает язык своего времени, своей социальной группы, своей семьи, своей личностной микросреды.

Недаром именно речевые характеристики всегда используются писателями для создания полнокровного художественного образа. Собственно говоря, перевоплощение доброго завдетсадом в матерого вора-рецидивиста в известной кинокомедии происходит в основном за счет усвоения артистом Леоновым, то бишь персонажем, которого он играет, так называемой воровской лексики.

Речевой символизм особенно важен для усвоения и демонстрации социальных ролей. Конечно, психолог, который заявил, что «роли это не столько люди, сколько слова», преувеличивал, но доля истины здесь есть. Начать хотя бы с называния той или иной роли. Прекрасный и могучий русский язык дает возможность широкого выбора в зависимости от того, как относится называющий к человеку, роль которого необходимо обозначить.

Кто-то подметил, что если, например, обманывает свой человек — говорят «несколько привирает», «фантазер», «человек с богатым воображением», о чужом —

«лгун». О человеке, который злоупотребляет спиртными напитками в зависимости от отношения к нему говорят: «слабовольный», «иногда закладывает», «выпивает, с кем не случается», или «пьяница», «алкоголик» и т. д. Фактически одну и ту же женскую роль опять-таки поразному обозначают: от самой щадящей формулы «его подружка» степень жестокости увеличивается — «возлюбленная», «любовница», «сожительница» и т. д.

Наиболее мягкие обозначения ролей человек чаще всего приберегает для себя. В какой-то кинокомедии извозчик именует себя «водителем кобылы...». В фильме того же названия летчик именует себя «воздушный извозчик», показывая «смирение паче гордости»...

Вообще разговор, который уже сам по себе предусматривает распределение ролей — между собеседниками «заинтересованный», «благожелательный», «сочувствующий» или «скучающий», «спешащий», «рассеянный»... — почти всегда предполагает дополнительные ролевые демонстрации.

Для повышения своего престижно-ролевого статуса, как отмечает психолингвист Л. Школьник, люди в беседе применяют (чаще всего, конечно, неосознанно) ряд приемов. Например, как бы случайно проговариваются о своих успехах: «Как раз вчера из Москвы авторское свидетельство прибыло», или: «В энциклопедии пришлось статейку тиснуть»...

С этой же целью упоминается знакомство с выдающимися или известными личностями. Классическое хлестаковское «С Пушкиным на дружеской ноге...». Более современное: «Вчера с Женькой в ЦДЛ засиделись, не успел позвонить». Слушатели должны понять, что задержал его известный поэт.

На статус «работает» и демонстрация своей информированности: «Там (палец многозначительно указывает на потолок) считают, что...»

Наконец, опять-таки с этой же целью демонстративно нарушаются общепринятые нормы поведения: одно время, например, молодые дамы из интеллигенции вворачивали в свою речь бранное слово. Правда, чуть дрогнувший голос выдавал неорганичность для них этой лексики. И слава богу.

Вообще в разговоре часто происходит незаметная на первый взгляд «борьба за статус», «смена ролей», «психологическая подстройка» под настроение собесед-

ника. Порой умение мгновенно «перестраиваться» и «подстраиваться» служит одному из собеседников средством для достижения определенных целей.

Английская писательница М. Спарк с большим мастерством и тонкой иронией рисует беседу беспринципного карьериста Дугала Дугласа, «специалиста гуманитарника», с управляющим мистером Друсом (повесть «Баллада о предместье»).

«— Законы индустриального мира покажутся вам жестокими, — сказал мистер Друс.

Дугал *изменился в лице* и принял вид (1) *профессора* (везде нумерация и курсив мои. — *Я. К.*). *Он положил локоть на спинку стула* и доброжелательно посмотрел на мистера Друса.

— Мы учреждаем для вас новую должность, — сказал мистер Друс...

Дугал *подался вперед* и (2) стал телерепортером.

— И конвейер не остановишь, — сказал мистер Друс...

Дугал *скособочился* на стуле и *уставился в окно* на железнодорожный пост: теперь это был кривобокий (3) деятель с кругозором.

Мистер Друс смущенно сказал:

— Уиндин вообще забавный парень. Как вы находите Уиндина?

— Совершенно, — сказал Дугал, — лишен кругозора. Это его роковой недостаток...

Говоря это (4) он *как бы взвалил на плечи* все бремя абсолютного знания и мирового опыта.

— Кругозора, — сказал мистер Друс.

— Кругозора, — сказал Дугал и превратился в (5) исповедника, который *склоняется* и вкрадчиво шепчет совет сквозь решетку. — Кругозор — это признак нормальности.

— Нормальности, — сказал мистер Друс.

После того, как он проговорился о некоторых трудностях своей семейной жизни, его собеседник в очередной раз сменил маску.

Дугал *стыдливо поджал губы* и кивнул: теперь он был (6) судьей, который не торопится с выводами по делу о разводе.

Мистер Друс:

— Миссис Друс не обладает широтой взгляда. Она обладает узостью взгляда.

Дугал *уперся локтями* в подлокотник и *положил подбородок* на сплетенные пальцы.

— Я полагаю, что тут имеет место типичный случай несходства характеров, — сказал он...

— Вы так полагаете? — спросил мистер Друс у (7) психоаналитика.

— Подарите ей букет цветов, — сказал Дугал, *разглядывая свою руку* и *кокетливо скрючив мизинец.* — Заключите ее в объятья, — сказал он, превратившись (8) в сотрудницу женского журнала».

Следующее воплощение: мистер Друс *«обнаружил* перед самым носом *указательный палец* Дугала. Тощий и мрачный Дугал превратился (9) в следователя».

Наконец Дугал *«откинулся* на спинку стула, как (10) выдохшийся медиум после спиритического сеанса».

Итак, десять перевоплощений на протяжении одного разговора. Это, конечно, высший пилотаж, но нечто подобное при внимательном анализе можно установить во многих беседах.

— Чего вы обиделись? Ведь он и не сказал ничего.
— Сказать не сказал, а так посмотрел...

Не словом единым создается ролевой образ человека — каждой новой роли соответствует свое паралингвистическое оформление в виде жестов и поз и т. д.

С этой точки зрения очень интересен приведенный отрывок из М. Спарк. Все десять превращений Дугала Дугласа в разговоре с мистером Друсом достигаются не только набором слов, но и позой, интонацией, жестами.

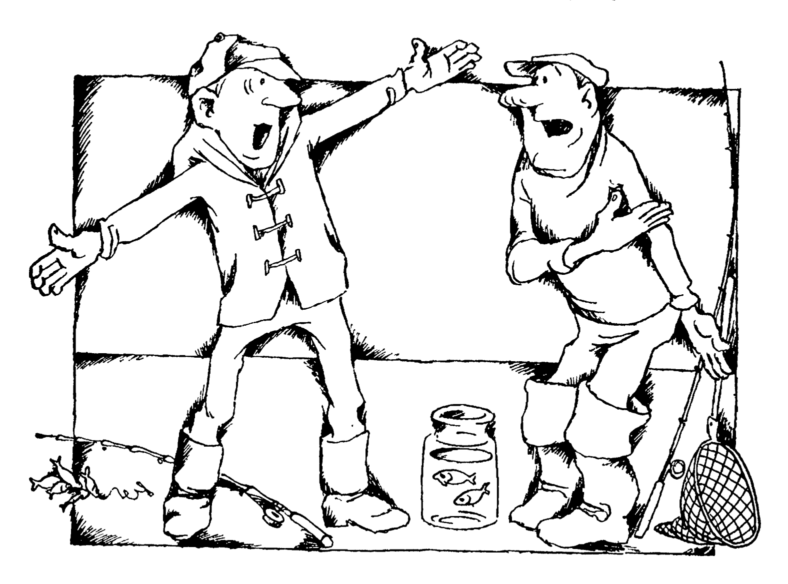
Лингвисты считают, что мимика, поза, жест — это настоящий, хотя и беззвучный, язык, и, как любой язык, мимика и жесты меняются при переходе от одной общности людей к другой, то есть наивно полагать, будто жесты и мимика являются общечеловеческими, поэтому понятными без специального обучения. Наши специалисты по преподаванию русского языка иностранцам приводят много любопытных примеров национального своеобразия жестовой коммуникации.

Швед, который учился в Москве, хотел доехать из пригорода в центр. Он стал на обочине шоссе и, подняв вверх большой палец сжатой в кулак руки, пытался остановить какую-либо из проезжавших попутную

машину. Но, увы, безуспешно: в русской культуре этот жест означает одобрение. Шоферы принимали к сведению высокую оценку их водительского искусства и... проезжали мимо. Как известно, у нас останавливают попутку жестом вытянутой руки на уровне плеча.

В настоящее время предпринимаются попытки создать своеобразный словарь невербальной, несловесной коммуникации русского языка.

Югославский лингвист Р. Волос на основе изучения около сотни русских жестов (иностранцу чужие жесты

«виднее») предлагает такую их классификацию. К первой группе он относит так называемые «я-жесты», выражающие внутреннее состояние человека. Это, например, жест, выражающий забывчивость — легкий удар пальцами по лбу; недоумение или незнание — пожимание плечами; облизывание губ языком («облизнуться») — удовольствие или его предвосхищение. Ко второй группе отнесены «жесты-усилители». Это, к примеру, классическое потирание щепотью, пальцами, когда нет или не хватает денег, не менее известное почесывание затылка или за ухом.

Особую группу составляют «количественные» жесты, которые у нас частично усваиваются, когда дети

играют в «каравай» — «вот такой вышины», «вот такой ширины»... Или всем известный жест, сопровождающий рассказы от успехах в рыбной ловле. Кстати, маленький аутоэксперимент: надо считать по пальцам, начали: один, два, три. Можно быть уверенным, что все *загибали* пальцы внутрь, начиная с мизинца. Но если кто-либо родился и воспитывался в Западной Европе, жест будет совсем иным — человек *разгибает* пальцы из сжатого кулака.

Интересной показалась группа «он-жесты», которая выражает отношение к другому человеку. Например, характерное вращательнос движение ладонью или пальцем возле лба означает, что умственные способности кого-то оцениваются не очень высоко.

В особые группы выделены «жесты защиты», «жесты-эпитеты», «жесты-выключатели словесной речи» (сюда относятся приглашающие движения руки, заговорщическое или кокетливое подмигивание) и т. д.

Один и тот же жест или выразительное движение у разных народов означают разные вещи Например, жест, которым русский сокрушенно демонстрирует пропажу или неудачу, у хорвата «звучит» как признак удовольствия и удачи. Говоря о себе, европеец показывает рукой на грудь, а японец — на нос.

В некоторых частях Африки, например, смех — это показатель изумления и даже замешательства, а необязательно признак веселья. В некоторых странах Азии от гостя ждут отрыжки после еды в знак того, что он вполне удовлетворен. «Тот же самый жест, — замечает американский психолог Т. Шибутани, — в американском доме вряд ли повлечет за собой повторное приглашение в гости». Китайцы привыкли выражать свое неудовольствие, широко раскрывая глаза, и порой не могут понять, почему это европейцы постоянно сердиты.

Путешественник и этнограф Г. Райт так описывает свою встречу с индейцем-знахарем по имени Чоро: «Когда я встретил его впервые, он зажал рукой нос. Я счел бы это оскорблением, если бы не был так удивлен. Позже Чоро объяснил мне, в чем дело. Среди племен чаванта, а он был членом одного из них, существует обычай затыкать нос при приближении белого человека, чтобы злой дух, сопутствующий белому, не вошел через нос в тело индейца. Так что этот жест выражает не столько презрение, как это поняли бы в цивилизован-

ном обществе, сколько страх перед злым духом белого человека, от которого у индейца нет защиты».

Наблюдения показывают, что даже относительно тембра голоса существуют неясные, но весьма действенные стереотипы. «В условиях старой русской деревни,— указывает профессор П. Якобсон, — женщина в горе голосила высоким голосом (он был принят при пении), то есть горе получало определенное социально принятое внешнее выражение». С похожими голосовыми стереотипами можно столкнуться и в наше дни. Так, в США низкий голос считается признаком мужественности и уверенности в себе. И вот миллионы американцев искусственно «понижают» свой голос в ущерб здоровью.

Появившийся на свет ребенок застает выработанные веками обычаи, способы поведения, взгляды, закрепленные в родном языке. Воспитание, или, как иногда говорят, «социализация», как раз и заключается в том, что подрастающий человек осваивает, присваивает сложный мир взрослых, в котором он очутился. Ребенок овладевает опытом взрослых буквально с первых месяцев своей жизни.

В нормальных условиях такое усвоение происходит в форме бессознательного подражания (хотя и в этом случае иногда применяется сознательная коррекция: «Не показывай пальцем», «Не хохочи слишком громко, это неприлично»). Если же такое подражание становится по каким-то причинам невозможным, на первый план выступает прямое обучение.

В клинике для слепоглухих профессора И. Соколянского проводилась специальная работа со слепорожденными для овладения ими социально принятыми формами экспрессии, формами внешнего выражения чувств. Во-первых, дети систематически ощупывали лица педагогов в моменты их различных эмоциональных состояний, а во-вторых, они систематически знакомились с выражением основных видов чувств, запечатленных в скульптурных масках. Таких масок было двадцать четыре, так что в них довольно разносторонне передавались оттенки выражения, присущие наиболее типическим чувствам. Ознакомление со скульптурными масками и лицами педагогов, сопоставление с собственной экспрессией приводили к тому, что выражение эмоций слепых детей делалось точным и отвечающим принятым нормам.

Если такого обучения не происходит, мимика слепых может не соответствовать общепринятым представлениям о внутренних состояниях, которые, как кажется наблюдателю, переживает слепой от рождения человек: алгоритм «распознавания» психического настроя по мимике здесь «не срабатывает».

Автор имел возможность проверить это на собственном опыте во время чтения лекций в Обществе слепых. Первое выступление, как ему казалось, полностью провалилось: слушатели сидели с явно недовольными лицами. Более того, неоднократно лектор замечал гримасы неудовольствия и даже страдания, которые он воспринимал, как результат своих усилий... Тем более удивительными и, конечно, утешительными оказались словесные отзывы в конце лекции, из которых явствовало, что она понравилась слушателям и лектора просят приходить почаще.

Порой значение «несловесного» языка в общении и «разгадке» личности даже несколько переоценивается. По мнению писательницы М. Ганиной, «мгновенное запоминание движения, выражения лица, контакт взглядов, чтение позы — и ты о человеке знаешь, держишь в себе больше, чем после длинной беседы. Разговор, тон, слова — всегда маска, игра, дымовая завеса от смущения или от желания поразить. Движение — вот голая информация о том, что внутри».

Если действительно выразительные движения и жесты так полно передают внутренний мир человека, то не исключено, что и в графологии, как говорится, «что-то есть». Ведь если архитектура, по мнению специалистов, это застывшая музыка, то разве с еще большим основанием нельзя сказать, что почерк — это застывший жест?

В уже упоминавшейся книге «Как узнать характер человека», где графологии отводится очень большое место, рассказывается об исключительно чувствительной девушке, которая для разгадки настроения писавшего производила своеобразное моделирование его движений: «Чтобы разгадать почерк, девушка немедленно проделывает каждый взмах пера, каждый штрих письма, стараясь понять отсюда душевное состояние писавшего, отождествить себя с ним на время».

Интересно, что такой же прием, но уже интонационного моделирования применила для постижения особен-

ностей творчества одной известной актрисы советский специалист по теории интонации И. Торсуева: она воспроизвела голосом ее основные интонации.

Впрочем, народная мудрость давно рекомендует: для того, чтобы понять другого, надо как бы перевоплотиться в него, поставить себя на его место, «побывать в его шкуре».

— Скажи, с кем бы ты из наших общих знакомых согласился в одной ракете к звездам полететь?

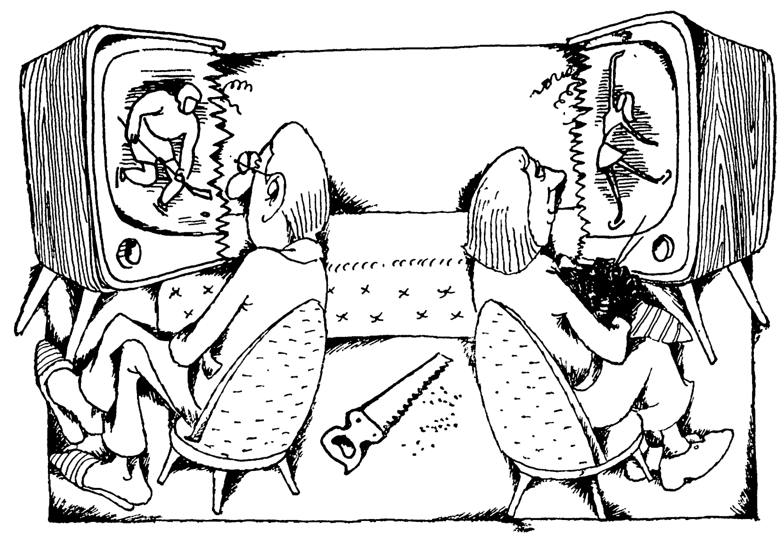
— С Михаилом, конечно.

— Почему?

— А с ним не соскучишься!

Самое сильное впечатление в психологической структуре малой группы производит, пожалуй, неравенство ее членов: всегда есть те, к кому направлены симпатии многих, — «звезды» и те, кто вынужден довольствоваться средним числом, и те, «кого никто не любит»... Неизбежно возникает «почему?». Что притягивает к «звездам»? Что отталкивает от «изолированных»?

В народной психологии, созданной задолго до того, как появились первые специалисты в этой области, содержатся довольно противоречивые указания. С одной

стороны, здесь искреннее недоумение: «Полюбится сатана лучше ясного сокола», с другой — туманные понятия, вроде «обаятельный», «симпатичный», «обворожительный», в которых при всей их поэтичности — немалая доля мистицизма.

Впрочем, и дипломированные специалисты нередко отступают перед этой тайной. Так, знаменитый американский психолог и психиатр Д. Морено, от которого ведет свое начало социометрия, дает объяснение совсем уже мистическое. Все зависит от «теле» — потока симпатических частиц, которые излучает человек. Много частиц — притягательная личность, мало — наоборот. Что такое «теле»?

«Оно, — говорит Д. Морено, — может иметь отношение к структуре гена и половому влечению. Может быть, что изучение телепсихологии даст нам ключ к лучшему пониманию оккультных явлений, таких как ясновидение и телепатия».

«Ясновидение» и «телепатия» — даже одного из них вполне достаточно, чтобы отбить охоту от работы в этом направлении.

Тем не менее поиски ведутся. Чаще всего так: по определенной системе выявляются качества личности тех, кто «наверху», и тех, кто у подножия социометрической пирамиды, потом путем некоторых математических процедур устанавливают связь положения человека в группе и набора качеств. Дальше делается вывод, что качества a, b, c повышают положение, a^1, b^1, c^1 — понижают.

Такого рода исследования вполне правомерны, но они сами рождают ряд новых проблем. Смущает, например, что здесь молчаливо исходят из предпосылки: личность — это некая сумма качеств. Но, во-первых, качеств у личности слишком много: в сравнительно небольшом «Словаре русского языка» С. Ожегова (всего 52 тысячи слов) 1548 слов определяют именно свойства личности, а в словаре грузинского языка их около 4 тысяч. Где гарантия, что за пределами взятого набора не остались какие-то весьма важные.

Во-вторых, ясно, что качества личности не просто мирно сосуществуют друг с другом. Они выстраиваются в определенную систему, которая обладает целостной структурой, где сами качества образуют иерархию, иногда, по-видимому, довольно противоречивую.

Материалы исследований, жизненные наблюдения и анализ некоторых довольно красноречивых фактов дали основание предположить, что слово не только обозначает и оформляет роль и статус человека, но и является могучим оружием в борьбе за то или иное положение в группе, в обществе, в жизни.

Например, прекрасную Шехерезаду спасли именно слова, вовремя и умело предложенная... информация. Знакомая с детства история из «Тысячи и одной ночи».

Царь Шахрияр, который на собственном опыте и опыте своего брата убедился в глобальной неверности жен, разработал весьма радикальную, хотя и жестокую, систему профилактики супружеской измены. Ревнивый феодал «еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет». Система дала сбой на дочери старшего визиря по имени Шехерезада.

Шехерезада была весьма образованной особой и книголюбом. Она «читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам». Эти обстоятельства чрезвычайно важны: как станет ясно из дальнейшего, Шехерезада обладала солидным запасом информации, или, по предлагаемой здесь терминологии, была *объективно информированной.*

Но мало обладать обширной информацией, надо еще найти спрос на нее. В данном случае такое совпадение произошло, и оно сохранило Шехерезаде, если не невинность, то, уж во всяком случае, жизнь.

«И тогда, — повествуется в «Тысяче и одной ночи», — Шахрияр овладел Шехерезадой, а потом они стали беседовать, и младшая сестра (ее роль в ситуации нельзя недооценить: это, с одной стороны, провокация и стимуляция интереса, а, с другой стороны, «эхо», хор в греческой трагедии, экранизирующий и усиливающий эффект высказываний основных героев. — *Я. К.*) сказала Шехерезаде: «Заклинаю тебя аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи». Услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей (вот она, удача-то. — *Я. К.*) обрадовался, что послушает рассказ, и позволил».

И тогда последовала сказка первой ночи, которая пришлась неврастеничному Шахрияру по вкусу. В от-

вет на восхищение сестры Шехерезада сказала: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня». Жизнь в обмен на информацию! «И царь тогда про себя подумал: «Клянусь аллахом, я не убью ее, пока не услышу окончания ее рассказа!»

Шехерезада выиграла, и они после 1001-й ночи жили, «вместе со своими придворными в счастьи, радости и наслаждении, и благоденствии, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

Не так ли в процессе живого межличностного общения люди выступают как агенты по сбыту и обмену информацией? Ведь в обычной жизненной ситуации личности распределяют роли не так, как в сказке: один только выдает информацию, а другой только принимает. В более или менее равноправном общении в каждом человеке сочетается и царь и Шехерезада: он то выдает информацию и ждет приговора, то сам получает ее и оценивает. И в результате такого словесно-информационного поединка — не прекращение жизни, но прекращение общения: охлаждение, потеря интереса, эмоциональное отчуждение.

Не хлебом единым жив человек, он еще и «духовной жаждою томим». А что такое духовная жажда? Не жажда ли информации?

По мнению известного советского психолога Л. Божович, первой истинно человеческой потребностью человека является потребность в новых впечатлениях, иначе говоря, в новой информации.

Потребность во впечатлениях с самого начала теснейшим образом связана с другой могучей потребностью — потребностью в общении. Ведь информационный голод, духовную жажду точно так же, как и собственно голод, и настоящую жажду, уже младенец может утолить только через другого человека... Не означает ли это, что, выбирая другого человека для общения, люди, может быть, неосознанно ищут удовлетворения еще одной могучей потребности, потребности в информации. Не выбирают ли они прежде всего тех, кто может, как им кажется, быть ее источником?

Это предположение заставляет по-новому взглянуть на некоторые экспериментальные данные. В ходе социометрических экспериментов после того, как испытуемые

(дошкольники и школьники разных возрастов) выбирали партнеров по разным видам деятельности, им задавали вопрос: «Почему ты хочешь играть (сидеть за одной партой и т. п.) именно с тем-то?» И вот среди ответов очень часто были заявления: «Он хорошо рассказывает», «Много знает всяких историй», «Она сказки рассказывает», «С ним интересно». Во всех этих случаях фактически осознаваемым мотивом выбора была *информативность* партнера, которая выражалась в речи.

Вообще выяснилось, что занимающие более благоприятное положение в группе люди, как правило, чаще высказываются, обладают более высокой речевой активностью.

По-видимому, связь между положением человека в группе и его речевой активностью может быть двусторонней: с одной стороны — человек добивается высокого положения благодаря определенным речевым воздействиям на окружающих, с другой — хорошее положение и эмоциональное благополучие способствуют повышению речевой активности. Так что не всегда просто установить, почему человек молчит — потому ли, что ему нечего сказать, или потому, что его активность подавлена недоброжелательным (истинным или мнимым) отношением окружающих и ему «не должно сметь свои суждения иметь», во всяком случае, произносить вслух.

Впрочем, порой молчат и по противоположной причине: не хотят метать бисер... Молчат и из тактических соображений, опять-таки для укрепления положения и выигрыша в позиционной борьбе — «с ученым видом знатока хранить молчанье в важном споре» и затем берут реванш на удобном и надежном плацдарме, например, возбуждают «улыбки дам огнем нежданных эпиграмм».

Что вообще означает широко распространенное понятие — интересный человек?

С этим вопросом психолог обратился к неизменным и безотказным испытуемым — студентам. На этот раз они должны были написать коротенькое сочинение. Что такое «интересный человек»?

Студентки как бы описывали какого-то конкретного известного им интересного человека, добавляя кое-что из черт «идеальной модели», эталонного образца.

«Этот человек должен быть хорошим слушателем. Плохо, когда люди не умеют слушать других».

«Интересным человеком я считаю такого человека, с которым можно о многом поговорить, всегда находишь «общий язык». Этот человек, обладающий всесторонними знаниями, но не забывающий о том, что он Человек прежде всего... Это человек слова и дела, у которого никогда слова не являются *пустой фразеологией.*

Но в зависимости от запросов людей, в обществе которых он находится, этот человек среди одних будет считаться интересным, среди других — нет» (подчеркнуто здесь и везде автором. — *Я. К.*).

И опять: «С ним интересно говорить на любую тему, от него можно узнать много интересного, раньше неизвестного или малоизвестного». «С ним интересно говорить, слушать его речь, прислушиваться к его мнению, с *которым можно поделиться своими мечтами»...*

Самая общая черта, которая особенно порадовала, — это разносторонность и широта поиска в другом человеке, интерес к его внутреннему миру, который предохраняет от делячески-утилитарного отношения к «нужному» человеку. А вот другое представление об «интересном» человеке. Героя романа Э. Ремарка «Тени в раю», действие которого происходит в США, приглашает торговец картинами:

«— ...У меня будут очень интересные люди, — говорит он.

Я отлично представляю себе, что это за интересные люди. Та часть человечества, которая живет на доходы от купли-продажи, воспринимает прикладную психологию весьма примитивно. Люди, на которых можно заработать, — интересные. Остаток рода человеческого делится на людей приятных и безразличных. Что же касается людей, из-за которых можно потерять деньги, то они, безусловно, подлецы».

— Почему вы перестали с Таней встречаться?

— А мы уже обо всем переговорили.

— И никаких новостей?

— Новость у нее всегда одна — собственная персона.

Если интересный человек — это действительно прежде всего источник новой информации, то не вообще любой, а *новой для меня.* Это значит, что необходимо ввести различение двух, на первый взгляд близких, поня-

тий — *информированность* человека и его *информативность.*

Информированность — это запас знаний, имеющийся у человека, который принципиально допускает *объективное* измерение (это не значит, что подобная процедура уже теперь осуществима) и оценку. Грубо говоря, тот, кто прочел сто книг при прочих равных условиях (а им несть числа!), в два раза более информирован, чем тот, кто прочел пятьдесят.

Совсем иначе понимается *информативность.* Это ожи-

даемая способность личности служить источником или приемником информации для другого человека.

Особенно существенно подчеркнуть именно важность *другого,* того, кто слушает. Его роль в возникновении информативности не менее важна, чем роль того, кто говорит, хотя, конечно, внешне представляется более пассивной.

Жажда познания, как и жажда общения, подразумевает совместную двустороннюю деятельность. Тот, кто выдает информацию, нуждается в человеке, способном ее воспринять не меньше, чем слушатель в ораторе. Даже так называемое *самовыражение* в форме *монолога* чаще всего только внешне *само- и моно-,* а в действи-

тельности это почти всегда выражение для другого и высказывание, рассчитанное на слушателя, пусть даже подразумеваемого.

Недаром испытуемые студенты, рисуя идеал интересного человека, много раз подчеркивали, что это тот, *кто может тебя понять*. «Счастье — это когда тебя понимают», — пишет в сочинении один из героев фильма «Доживем до понедельника», «Сделай чудное чудо, *сделай так, чтобы* поняли меня», — поет Н. Матвеева; «Чтоб кто-нибудь меня понял, не часто, ну, хоть разок. Из раненых губ моих поднял царапнутый пулей рожок», — мечтает А. Вознесенский.

И все потому, что в информативности личности слиты воедино стремление получить информацию с внутренней потребностью поделиться ею, отдать, стать источником ее для другого. Отсюда интересность человека для тебя — это почти всегда состояние взаимного интереса или хотя бы надежда на таковой. Недаром, когда в экспериментах спрашивают у испытуемых «как ты думаешь, кто *тебя* выберет?», чаще всего они называют тех, кого выбрали сами.

«А что такое «интерес»? — пишет М. Шагинян. — Это ведь тоже не так просто. И совсем не односторонне! Попробуйте представить себе свой интерес как нечто абсолютно ничем не возбужденное со стороны внешнего мира или хотя бы без собственного воображения! Нет такого интереса, как нет ребенка без зачатия. Для рождения интереса тоже требуются двое или два: нечто от вас к книге и нечто от книги к вам». Заключительная фраза еще с большей точностью могла бы звучать: нечто от вас к партнеру и нечто от партнера к вам.

Потребность быть информативным, потребность поделиться содержанием своего внутреннего мира органически присуща человеку. Известный польский писатель Я. Парандовский в своей «Алхимии слова» приходит к такому же выводу на основе анализа психологии творчества.

«Что же за сила, — вопрошает он, — что за непреодолимый импульс приводит писателя к этой профессии? В поисках источников такого импульса нужно обратиться к одной из черт человеческой натуры, присущей всем людям, это крайне необходимо сделать, ибо не следует творцов, владеющих искусством слова, вы-

делять из общей массы людей как какие-то особенные явления, редкие феномены или психологические ребусы.

Этой чертой, присущей всем людям, является потребность выразить в слове всякое явление жизни и тесно связанную с этим потребность выразить самого себя... Все люди по природе своей болтливы. Разговаривают неустанно: о своей работе, о том, что делается на белом свете, о своих близких, а больше всего о себе самих. Рассказать о себе другим — это значит выбраться из самого себя, разорвать хотя бы на короткий миг путы собственного бытия, избавиться от мучительного одиночества, в котором мы от колыбели до могилы пребываем среди наших восприятий, мыслей, слов, страданий, радостей, опасений, надежд, поделиться, наконец, с другими своей индивидуальностью».

Не эта ли потребность, или, по выражению М. Шагинян, «педагогическая страсть», делает из людей на одном полюсе писателей, учителей, лекторов и... авторов научно-популярных изданий, а на другом — графоманов и назойливых болтунов?

Само наличие патологий не служит ли убедительным доказательством существования нормы?

Между информированностью и информативностью личности имеется, конечно, глубокая взаимосвязь. Чем больше знает человек, тем выше вероятность того, что он окажется интересным для большего числа людей. В то же время для того, чтобы возможность перешла в действительность, необходим «спрос» на ту информацию, которой он располагает.

«Дающего информацию, — замечает автор книги «Режиссура как практическая психология» П. Ершов,— можно уподобить человеку, который принес и положил нечто перед партнером, предоставляя ему самому оценить принесенное по достоинству и принять в обмен. Если партнер не удовлетворен, он принесет еще и еще. «Опять положит» («поставит точку») и будет ждать, как будто бы он беспристрастно работает по доставке — предлагаемые предметы говорят сами за себя достаточно красноречиво... Добывающий информацию подобен кредитору, пришедшему получить просроченный долг».

С этой точки зрения становятся объяснимыми многие житейские факты из сферы общения. Один весьма эрудированный и интересный для коллег человек как-то пожаловался, что ему никогда не удавалось произвести

впечатление на «простую девушку»: он располагал информацией *не того* сорта.

Не потому ли люди в конце концов замыкаются в своем общении в довольно узкий мир людей, близких по профессии?

Правда, есть факты совсем другого рода. На партнера по общению может произвести впечатление само наличие какой-то не совсем понятной информации: «Непонятно, но здорово!» Ведь предметы, которые оказываются в распоряжении человека, можно использовать и не по их прямому назначению. В «Принце и нищем» М. Твена есть описание переполоха по поводу Большой государственной печати. Оказывается, Том Кенти часто пользовался этим символом государственной власти... *Он разбивал печатью орехи.*

Если представить себе предполагаемых участников общения в виде сообщающихся сосудов, то для возникновения потока необходима разница в уровнях «информационной жидкости»... Но если в случае с настоящими сообщающимися сосудами, чем больше разница уровней, тем интенсивнее поток, то в информационном канале Ниагара невозможна: шлюзы непонимания перекроют канал общения. Отсюда, кстати, и в сфере общения следует учитывать известный дидактический принцип: *доступность!*

В одном старом пособии по психологии была такая задача. На лекцию профессора физики пришел отец-физик и два его сына — девятиклассник и шестиклассник. После лекции произошел обмен впечатлениями. «Лекция не содержала ничего нового», — заявил раздосадованный отец. «Да, да, мне было совсем скучно, все время хотелось спать», — поддержал младший сын. «Неправда, — возразил девятиклассник, — было очень интересно!» Не психологический ли это эквивалент знаменитых задач о трубах?

Аналогия с сообщающимися сосудами может послужить для иллюстрации еще одного положения. Информационный поток многоканален: человек для человека может служить источником информации самых разных видов. Прежде всего, наверное, все-таки интеллектуальная информативность, далее информативность эмоционально-эстетическая — ожидание от предполагаемого партнера по общению не столько новых сведений, сколько *новых переживаний.* Ситуацию с челове-

ком, которому не удается «произвести впечатление», можно ведь рассмотреть и с другой стороны: ведь эта девушка чем-то его заинтересовала. И скорее всего не в качестве источника интеллектуальной информации.

Собственно говоря, с ожидания именно новых *переживаний* и начинается общение между ребенком и взрослым, более того, между ребенком и окружающим миром. Познание мира начинается с эмоции — «нравится — не нравится», «приятно — неприятно», «хорошо — плохо» — первая оценка, возникающая до появления рациональных форм отражения. Жажда новых впечатлений вызывает активный поиск радостных переживаний, связанных с новизной. И это на всю жизнь. Даже в, казалось бы, чисто интеллектуальном интересе слиты разум и чувство, рассудок и страсть. В этом, собственно говоря, смысл ставшей привычной, но фактически парадоксально-полярной формулы — жажда познания.

И может быть, сама она всего лишь частный случай глобальной *жажды наслаждений*. И как нелегко различить, разъединить в интересе к человеку ожидание наслаждения знанием, которое предполагается получить от ожидания нового переживания.

Общаться — это, может быть, не столько что-то сообщать друг другу, сколько что-то менять друг в друге. Точнее, изменять друг друга этими сообщениями. Иногда кажется, что люди в процессе общения выступают друг для друга одновременно и как скульптор, и как материал, из которого предстоит что-то вылепить: то я стремлюсь придать партнеру желаемую форму, выявить те или иные черты, то он поступает точно так же по отношению ко мне. И ни я, ни он не знаем до конца, что же в результате выйдет. Не в этой ли взаимности и непредвиденности взаимных изменений глубокий смысл мифа о Пигмалионе и Галатее? И каждый друг для друга одновременно и Пигмалион и Галатея.

СОДЕРЖАНИЕ

Разыскивается личность

Лицо и маска

Слова и люди

Яков Львович Коломинский

БЕСЕДЫ О ТАЙНАХ ПСИХИКИ

Редактор **Л. Антонюк**
Художники **А. Колли, И. Чураков**
Художественный редактор **А. Косаргин**
Технический редактор **Н. Михайловская**
Корректоры **А. Долидзе, К. Пипикова**

Сдано в набор 16/III 1976 г. Подписано к печати 29/VI 1976 г. А05127. Формат 84×108 1/32. Бумага № 1. Печ. л. 6,5. (усл. 10,92). Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 100 000 экз. Цена 52 коп. Т. П. 1976 г., № 56. Заказ 439.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

52 коп.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА, 1976